

A woman with long, wavy brown hair and a headband stands in front of an ornate stone archway. She is wearing a blue, off-the-shoulder dress with a large, flowing skirt. She is holding a single red rose in her hands. The background is a stone wall with intricate carvings and a hanging lantern.

*Людия
Захарова*

Дикая
ПРИНЦЕССА

Прошло уже два года с тех пор, как принцесса Атарьяна Коварэн исчезла, сбежав из-под венца. Страсти утихли, и даже заядлым сплетникам надоело пересказывать эту скабрезную историю. Окъеллу Гергос, блистательный аристократ и глава богатейшего рода, встречает на улице мальчишку-оборванца по имени Ри и решает сделать его своим слугой. Есть ли между этими событиями связь? Как знать, как знать... *** Создано по мотивам лучших любовно-приключенческих романов. Все совпадения не случайны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПАЖ

ГЛАВА 1. УЛИЧНЫЙ ВОР

В переулке Лилий послышались шаги: негромкие, но твердые — и чуть более звонкий отстук трости. Ри приготовился бежать: смахнул со лба темно-медную челку, проверил, вывернут ли воротник с эмблемой Интерната.

— Ну, мелкий, твоя очередь, — мясистая ладонь Ковыля шлепнула Ри чуть ниже лопаток.

От удара Ри поморщился и повел плечами под тонкой курточкой — кожа на спине до сих пор зудела и чесалась после розог. Директор Интерната, конечно, знал, чем промышляют его воспитанники, но не встречал. Только беленился, если кого-нибудь ловили и о ночных безобразиях «бедных сироток» узнавали другие. А если директору что-то не нравилось, лучше было этого не делать.

— Смотри, как сшит камзол, — наставительно проворчал Ковыль, — и следи за руками. Сильно не задирай.

Ри кивнул. У него будет лишь доля мгновения, чтобы как следует рассмотреть в свете газового фонаря свою будущую жертву. Шаги все ближе, громче.

— Не облажайся, — снова пихнул его Ковыль.

На этот раз Ри чуть не поскользнулся на грязной брусчатке, нога в дешевом башмаке на деревянной подошве поехала, и пришлось взмахнуть руками, чтобы удержать равновесие. Ковыль довольно хмыкнул. Он взялся натаскивать «мелкого», только потому что рядом с ним сам Ковыль выглядел настоящим гигантом. Он этого не скрывал и при случае не забывал напомнить.

— Зато вчера я подбросил тебе в суп клопа, а ты не заметил, — пробормотал Ри вполголоса.

— Что ты сказал?

— Ничего, только попросил Тавоха о помощи.

— А! — хмыкнул Ковыль. — Но это бесполезно. Бог воров слышит только воров, а ты пока не вор. Ты — мелкий.

Стылый ветер, гулявший по аллее, пробирал до костей. Обычно к середине весны в Каргабане уже было тепло, но не после дождя и не тогда, когда ветер дует с гор. Их заснеженные шапки до самого лета белеют на горизонте, напоминая о холодах.

Сосредоточиться! В ушах стучала кровь, глаза видели лишь узкую полоску света, в которой вот-вот должен был показаться человек...

— Не дрейфь! — пробасил Ковыль и тут же добавил, сам себе противореча: — В первый раз всегда поджилки трясутся. Потом привыкнешь.

Ри облизнул пересохшие губы. А хотел ли он привыкать? Наверное, нет, но другие

варианты были еще хуже.

Пора!

Впереди мелькнул изумрудного цвета камзол, блеснула золотая вышивка, и Ри побежал. Ему повезло. Мужчина явно был аристократом, и не каким-нибудь провинциальным гейром, у которого дырок на шляпе больше, чем серебряных монет в сокровищнице, а настоящим вельможей — возможно, первой линии. Уже не молодой, но и не старик. Крепкий.

Прямо на уровне глаз Ри блеснул драгоценным камнем кружевной шейный платок — мужчина повернулся, услышав шаги, и поймал Ри прежде, чем тот успел уткнуться в платок лицом. Правая рука Ри проворным мотыльком облетела карманы мужчины и упорхнула с добычей. Что-то прямоугольное, с неровными краями, — что именно удалось стащить, Ри посмотрит потом. А пока надо бы вернуться к Ковылю.

Стальные пальцы сомкнулись на запястье Ри, не позволяя сдвинуться с места.

— Ой! — тоненько взвизгнул он, снова чуть не поскользнувшись. — Пустите, господин!

Добыча уже давно перекочевала в собственный карман Ри, и теперь можно было не опасаться, что вещичка выпадет некстати, обличая вора. Ри поднял на мужчину несчастные глаза. Ковыль говорил, что «жалостливые мордахи» удаются ему лучше всего. Ри даже мог заплакать, если потребуется. Но мужчина смотрел на него спокойно, без осуждения, и Ри решил повременить со слезами.

— Куда вы так торопитесь, дитя? — спросил аристократ.

Голос был приятный, бархатный, с ленцой. Мужчина забавно растягивал слова, а на лице его по-прежнему не было ничего, кроме сдержанного любопытства.

— Хозяин послал меня с поручением, и я очень тороплюсь, — почти не соврал Ри. — Я не хотел вас толкать. Пожалуйста, господин, пустите!

Он снова попытался выдернуть руку, но аристократ держал крепко. Даже странно. Ри еще раз быстро оглядел мужчину, на этот раз отмечая не только золотые пуговицы на камзоле, булавку с бриллиантом и бляхи на туфлях, но и широкие плечи, сильные сухопарые бедра и трость в левой руке. Черные, без седины, волосы, загорелая кожа — явно южанин, но не из местных, не тобрагонец. На правом виске протянулась тонкая светлая полоска шрама. Лицо было не жестокое, но какое-то отстраненное, словно безразличное ко всему. Сколько ему? Лет сорок? Тридцать пять? Зелено-карие глаза смотрели на Ри сверху вниз холодно и безучастно, красиво очерченные губы кривила едва заметная насмешливая улыбка. И теперь спокойствие на лице аристократа не казалось таким обнадеживающим. Оно больше пугало.

Ри понял, что его тоже внимательно рассматривают.

— Пожалуйста, господин, — снова, теперь шепотом, попросил он.

И дернулся изо всех сил, почти выворачивая руку в надежде сбежать. Не получилось.

— Право же, дитя, — лениво протянул аристократ, — будет намного лучше, если вы перестанете вырываться. И вернете мне коробочку для пастилок, которую минуту назад вытащили у меня из кармана.

У Ри во рту пересохло.

— Господин! — пискнул он не своим голосом. — Я... я не вор!

— Нет, дитя мое, — согласился мужчина, — до тех пор, пока вы не убежали, вы не вор. Поэтому я и советую вам не двигаться. Мне бы так не хотелось обращаться в полицию.

Ри замер.

— Если я отдам коробочку, вы меня отпустите? — с робкой надеждой спросил он.

— Я мог бы, но, увы, гражданская сознательность не позволяет мне оставить все как

есть. Если я вас отпущу, то невольно стану соучастником всех ваших последующих краж. Вы ведь знаете, что значит «гражданская сознательность»?

— Да, господин, — очень тихо ответил Ри.

Он больше не смотрел на аристократа, стараясь ничем не выдать страха и отвращения. Ему уже доводилось видеть подобное. Богатый, хорошо одетый человек ловит кого-то из воспитанников на проступке — иногда даже выдуманном! — и за «небольшую плату» соглашается не выдавать полиции и не рассказывать ни о чем директору. И хотя сам Ри пока ни разу не попадался, он прекрасно знал, что теперь последует. И стоило ли терпеть подначки Ковыля, если конец все равно один?

— Мне очень жаль, молодой человек, но я обязан что-нибудь сделать для вашего перевоспитания, — продолжал издеваться мягкий голос.

Ри сильнее сжал зубы. И даже не пискнул, когда холеная рука, до этого удерживавшая его запястье, теперь ухватила за воротник. Другой рукой мужчина расправил лацкан, высвобождая эмблему.

— Интернат Толорозы? Кажется, мне доводилось слышать об этом достойном заведении.

— Пожалуйста, господин, — у Ри позорно задрожали губы, — не сообщайте в Интернат!

Спастись он уже не мечтал. Ковыль, конечно же, не станет молчать, но если никто из богатеев не пожалуется директору, все еще может обойтись. Если поймавший его человек останется доволен... Ри стрельнул взглядом в сторону аллеи, где прятался Ковыль. Смотрит ли еще? На помощь точно не придет. Не ради «мелкого».

— Сколько вам лет, юноша?

— Шестнадцать, — соврал Ри.

Невысокий, тонкокостный, при желании он мог бы сойти и за тринадцатилетнего. Если бы только... Но какая теперь разница? Когда Ри только попал в Интернат, он и не думал задерживаться. Тем более настолько! Поэтому соврал, убавив два года. Но теперь ложь не имела значения. Шестнадцать лет или восемнадцать — они были одинаковым приговором.

— Шестнадцать, — кивнул мужчина, — так я и думал. А ваше имя?

— Ри, господин.

— Просто Ри? Восхитительная лаконичность! Мое почтение вашим родителям. Мои считали умеренность страшным грехом и потому дали мне сразу несколько имен.

— Несколько? — против воли удивился Ри.

— Совершенно верно. Окъеллу Викенсо Гергос к вашим услугам, мой дорогой воришка, — мужчина склонил голову, не выпуская воротника Ри.

Напоминание, что он все-таки не вор, застряло в горле. Ри доводилось слышать это имя. Гергосы были знатнейшим родом Анкьера, безумно богатым и влиятельным. Если директор узнает...

— Идемте, дитя мое, — Окъеллу Гергос снисходительно улыбнулся. — И не вздумайте сбежать. Моя коробочка все еще у вас, и вы по-прежнему рискуете стать вором.

— Возьмите!

Ри порывисто выхватил из кармана изящную перламутровую коробочку с инкрустированной жемчугом крышкой. Гергос даже руки не протянул, чтобы забрать ее. Ри упал на колени.

— Господин, я прошу вас! Я сделаю все, что захотите, отдам вам все, что у меня есть,

только, пожалуйста, не сообщайте в Интернат!

— Все, что у вас есть? — без особого интереса повторил анкъерец. — Это что же? Грязный платок, тощее тело и душа весьма сомнительной чистоты? Благодарю покорно, но нет. И встаньте, дитя мое. Мне уже порядком надоела эта улица.

Он двинулся дальше, не дожидаясь, пока Ри поднимется. Сбежать? Остаться? Но ведь он уже назвал свое имя, и проклятый Гергос знает, где его искать. Ри ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

— Куда мы идем? — спросил он несколько минут спустя, заподозрив неладное.

— В Интернат.

— Но... господин!

Вот теперь Ри всерьез задумался о том, чтобы сбежать. Если его поймают сыскачи, то за воровство отрубят руку. Но это только если поймают. Директор, конечно, ничего рубить не станет, но и сунуться в Интернат после того, что случилось, — глупость. За коробочку для пастилок можно выручить неплохие деньги, и раз уж его все равно считают вором...

— Ри, — не оборачиваясь, сказал Гергос, — не делайте глупостей. Я все равно вас найду.

— Не найдете.

Туда, где Ри планировал прятаться, такие как Гергос не заходят. Полицейские ищeyки — да, иногда, если ищут кого-то особенно опасного. Но даже они не полезут в Лулуань ради уличного воришки.

— А как насчет Племянников Дядюшки Лу?

Окъеллу Гергос на мгновение обернулся, и у Ри появилось гаденькое ощущение, что проклятый анкъерец читает его мысли.

— Вы знаете Дядюшку?

Именно он был хозяином Лулуаня, королем самых темных переулков Каргабана. Но откуда об этом знать анкъерскому щеголю?

— Мы с ним давние друзья. Поэтому, Ри, не делайте глупостей, не искушайте судьбу.

***

Толороза, один из старейших кварталов Каргабана, не был ни самым дорогим, ни самым престижным. Скорее наоборот. По уровню жизни он мало отличался от бедняцких пригородов, но почему-то нищие Толорозы считали себя неизмеримо выше попрошаек с Западных Ворот. Ходили легенды, что именно в Толорозе рождаются самые гениальные драмы, поэмы и картины, хотя, опять же, оснований считать, будто там больше талантливых людей, чем где бы то еще, не находилось.

Интернат Толорозы имел аналогичную репутацию. Его воспитанники, в большинстве своем несчастные, забытые создания, вызывали лишь жалость, но на проявления ее смертельно обижались. Окъеллу Гергос объяснял это гнилым воздухом Толорозы. Именно расположенные неподалеку фруктовые гавани с их прелыми, сладкими испарениями порождали в людях гордыню и спесь. Те же самые качества, что выпестовывались в благоухающих садах Анкъера.

Ри не был исключением. Гергос мог наблюдать, как испуг на лице мальчишки сменяется задумчивостью, а затем и высокомерным презрением — довольно забавное выражение для того, кто еще несколько минут назад стоял на коленях, предлагая все, что у него есть. Но Гергос не собирался смеяться. Ему казалось, он знает, что творится в душе сомнительной чистоты.

Интернат Толорозы растил не только гордыню, еще он регулярно поставлял воров на улицы Каргабана и проституток обоих полов — в его бордели. Немногие — даже из числа патронов-благодетелей — знали о неписанных законах сего уважаемого заведения. Интернат принимал под свое крыло и мальчиков и девочек, любых возрастов, любого достатка, но в шестнадцать лет каждый воспитанник, не оплативший содержания и не успевший стать подмастерьем, ставился перед выбором: либо ремесло карманника, либо шлюхи. За годы, проведенные в стенах Интерната, каждый ребенок обзаводился весьма внушительным долгом и должен был выплатить его прежде, чем уйдет.

Кованая ограда, окружавшая Интернат, была своего рода шедевром символического стиля, весьма популярного в позапрошлом веке: узлы решетки в виде увитых плющом наконечников стрел символизировали благочестие, а узкие вытянутые бутоны на концах прутьев — непорочность. У ворот, традиционно открытых в любое время, дежурило несколько мальчишек постарше. Один из них, грузный детина, глянул на Ри с подозрением и, дождавшись, когда они пройдут, двинулся следом.

Гергос сначала хотел его одернуть, но передумал. Вместо этого он достал надушенный платок и приложил к носу. Ри бросил на него испуганный взгляд и совсем сник.

Двухэтажное неказистое здание было под стать решетке: воплощенная добродетель. Ни лишних украшений, ни легкомысленных завитушек на фасаде, все исключительно строго и целомудренно. Если бы здания были людьми, то Интернат стал бы чопорной старухой в траурном, давно вышедшем из моды чепце и с вечно поджатыми высохшими губами.

Еще один мальчик, на несколько лет младше Ри, распахнул при приближении Гергоса тяжелую дверь. Даже странно: несмотря на поздний час, Интернат не спал. На ступенях главной лестницы их встретил пожилой человек в дорогом, но заношенном костюме, почти полностью седой. Он близоруко щурил глаза, рассматривая посетителя, и поклонился, лишь покончив с инспекцией.

— Ваша светлость?

Едва ли он знал Гергоса в лицо, но мгновенно записал его в представители самого высшего дворянства. Когда Гергос не ответил на поклон, старик опустил еще ниже, почти уткнувшись носом в колени. Удивительная гибкость для такого возраста. Наконец «его светлость» отнял платок от лица.

— Господин директор, я полагаю? — спросил он, растягивая слова даже больше, чем обычно.

— Вы совершенно правы. Энвио Боравадо, милостью светлейшего Керпо, вот уже двадцать шесть лет директор Интерната.

— А это — ваш воспитанник?

Директор пожевал губами, оценивая ситуацию. Подошел ближе, повернул лацкан, рассматривая нашивку на курточке Ри. Тот весь сжался и, кажется, даже забыл, как дышать.

— Думаю, вы правы, ваша светлость, — признал директор.

— В таком случае у меня к вам будет несколько вопросов.

Директор снова поклонился и старческой, намеренно шаркающей походкой направился к кабинету.

— Прошу вас, ваша светлость, — проскрипел он, отворяя дверь.

Гергос снова поднял платок. На предложенный стул он сел лишь после тщательного осмотра.

— Итак, чем я могу служить?

— Я бы хотел купить мальчика.

Ри резко вдохнул, и Гергос спрятал в надушенном платке улыбку. «Что это, дитя? — хотелось спросить ему. — Радость или испуг?»

— Купить? — недоверчиво переспросил Энвио Боравадо. — Но...

Глаза старика забегали, беспокойные пальцы затеребили уголок лежащей на столе папки.

— Но зачем?

Гергос очень изысканно удивился:

— Разве это имеет значение?

— Нет, конечно нет, — еще больше засуетился директор. — Просто я... простите, ваша светлость, но мальчик уже выкуплен.

— Это неправда! — звонко выкрикнул Ри и бросился вперед, словно намереваясь ударить директора.

— Замолчи! — прошипел тот, бросая на посетителя испуганные взгляды.

Но Гергос даже глазом не моргнул.

— Деньги уже отданы?

— Нет, но... существует договоренность, — Боравадо снова выразительно посмотрел на Ри, приказывая тому молчать. — Если вам нужен мальчик... я мог бы предложить несколько неплохих вариантов.

— Мне нужен не просто мальчик, — холодно ответил Гергос. — Я хочу купить Ри.

Боравадо вздохнул и сокрушенно покачал головой.

— Простите, ваша светлость, но уже слишком поздно.

— Это неправда, неправда! — снова закричал Ри. — Меня никто не покупал! Вы не посмеете отдать меня этому толстому ублю...

— Дитя мое, — оборвал Гергос гневную тираду, — будет лучше, если вы замолчите хотя бы на минуту.

— Но он лжет! — чуть не плача воскликнул Ри.

Гергос приподнял одну бровь, и мальчик проглотил дальнейшие жалобы.

— Я заплачу двойную цену.

На щеках Энвио Боравадо появились два ярко-красных пятна. На лбу заблестела испарина.

— Ваша светлость, но вы же видите... Ребенок неуправляем. Он сквернословит и очень нечистоплотен. Он постоянно отказывается мыться. Уверен, вы не хотите...

— Я уверен, что знаю, чего хочу. Господин директор, существует причина, по которой вы не можете продать мне мальчика?

Пятен стало больше, капелька пота скатилась по щеке директора.

— Видите ли, ваша светлость, — сглотнув, проговорил он, — господин Тракас — давний и весьма уважаемый патрон Интерната, и покупка Ри была оговорена еще год назад...

— Не давний, а древний и никем не уважаемый извращенец!

— Ри, я в последний раз вас предупреждаю, — тихо сказал Гергос. — Если вы не можете молчать, то лучше выйдите.

Мальчишка бросил на него испуганный взгляд, но закрыл рот и остался на месте.

— Как вам кажется, господин директор, мы с господином Тракасом сможем договориться?

— Я... я не знаю, ваша светлость. Я могу послать кого-нибудь к нему...

— Отлично. Передайте господину Тракасу, что я смогу принять его после двенадцати часов на третий день.

— Но... — директор окончательно стушевался. — Рарго! — крикнул он и, когда в дверях появилась очередная чумазая физиономия, приказал: — Принеси документы Ри.

Мальчик вернулся с тоненькой папкой, которую, по знаку директора, передал Гергосу. Тот почти без интереса пролистал принесенные документы.

— Скажите, господин директор, сколько времени этот замечательный юноша пользуется вашим покровительством?

Седые брови снова сдвинулись к переносице.

— Почти два года, ваша светлость.

— Значит, он так много ест? — Гергос с улыбкой оглядел худенькую фигурку Ри. — Затраты на содержание поражают.

Директор откашлялся.

— Мальчишка некоторое время учился у нашего врача, и тот требовал оплаты.

— У врача? Неужели мне посчастливилось встретить будущего хирурга?

— Нет, ваша светлость, доктору пришлось уехать, не закончив обучения. А тот, что пришел на смену, отказался возиться.

Гергос вздохнул.

— К сожалению, у меня нет при себе нужной суммы.

— Тогда вы не сможете забрать мальчика.

— Вы не верите моему слову?

— Ну что вы, ваша светлость. Я полностью вам доверяю, но надо мной стоят люди, лишенные всякого почтения и благоразумия. Они требуют подробных отчетов о каждом воспитаннике, и я просто не могу отпустить его, не оформив сделку по всем правилам.

— В таком случае...

Ри снова упал на колени и, схватив руку Гергоса, с жаром ее поцеловал.

— Господин, я умоляю вас! Пожалуйста! Я отработаю каждый пенни!

— Не сомневаюсь в вашей честности, дитя мое.

— Купите меня, пожалуйста. Я обещаю, что вы не пожалеете.

Внезапно Гергосу очень захотелось увидеть этого господина Тракаса. Он не тешил себя иллюзиями относительно причины, заставившей Ри изменить решение. Его просто посчитали меньшим злом. Но как же тогда выглядело большее?

— Дитя, вы даже не знаете, зачем я хочу вас купить.

Кажется, Ри побледнел — в тусклом свете четырех жировых свечей сказать было сложно, — но все равно не отступил.

— Я... это не важно. Господин, прошу вас, купите!

— Я пытаюсь, но вы постоянно меня перебиваете! — убедившись, что упрек возымел действие, Гергос повернулся к директору. — В таком случае, — повторил он, вынимая булавку из шейного платка, — мне придется просить вас принять это в качестве оплаты.

Глаза директора алчно блеснули. За деньги, которые можно было выручить за булавку, Гергос мог купить десяток воспитанников.

— Я подготовлю документы, — масляным голосом ответил старик.

— Уверен, вы найдете способ доставить их. Ри, если тебе нужно что-нибудь забрать...

— Нет, господин!

Гергос поднялся, кивком прощаясь с директором. Ри, не дожидаясь приказа, бросился открыть дверь. Наградой ему была слабая улыбка, которая, впрочем, быстро исчезла, сменившись полным безразличием. Но Ри этого даже не заметил, бедный мальчик был счастлив.

ГЛАВА 2. ХОЗЯИН И СЛУГА

Дощатый пол Интерната жег Ри пятки. Бледные от времени стены превратились в злейших врагов. Рванув прочь из кабинета директора, Ри буквально слетел с лестницы и остановился, только выскочив за дверь. Там он постоял немного, дожидаясь Гергоса. Анкьерец никуда не торопился, он с интересом рассматривал высокие потолки и немногочисленные, давно выцветшие драпировки.

Директор не вышел, чтобы проводить его. Может, боялся, что Гергос передумает и заберет булавку? Ри и сам не очень верил в случившееся. Зачем Гергосу понадобилось его покупать? Да еще за такие деньги! Уж точно не для постельных забав, теперь Ри это прекрасно понимал. Может, ему нужен слуга для особых поручений? Паж? Доверенный?

На крыльце Ри встретился с Ковылем и поспешно опустил глаза, чтобы не выдать своего триумфа. Выходит, он все-таки не зря терпел издевательства и тычки. И не зря оказался этим вечером в переулке Лилий. Таинственность нового хозяина и забрезжившее перспективы будоражили воображение.

С трудом дождавшись, когда Гергос все так же неторопливо выйдет за ворота Интерната, Ри заговорил.

— Спасибо, что купили меня.

Показалось, что Гергос еле слышно вздохнул.

— Вы даже не знаете, для чего я это сделал, — повторил он.

— Не расскажете?

— Пока нет.

— Но вы догадываетесь, что ждало меня, если бы вы этого не сделали. Неужели это лучше, чем то, для чего меня купили вы?

Анкьерец долгое время молчал, и Ри уже не рассчитывал получить ответ. Но вдруг Гергос все-таки заговорил:

— Это зависит от точки зрения, дитя мое.

Теперь уже Ри не нашелся, что ответить. Что такого ужасного могло ожидать его у анкьерского вельможи? Ну, не принесут же его в жертву Тавоху! Ри хихикнул.

— Я сказал что-то смешное?

— Нет, господин, — пытаясь задавить неподобающее хрюканье, ответил Ри. — Просто я представил вас в длинном черном балахоне и с козлиным черепом на голове.

— Боюсь, я пожалею, что спросил, но... зачем бы мне понадобились балахон и козлиный череп?

— Чтобы убить меня.

— А без них у меня бы не получилось?

Ри убежденно качнул головой:

— Нет, без них никак нельзя.

— Понятно, — невозмутимо ответил Гергос. — Я постараюсь запомнить.

По пути из Интерната Гергос снова не нанял карету. В первый раз Ри не придал этому значения: подумаешь, богатый господин, возвращаясь с дружеской пирушки, решил прогуляться. Но от переулка Лилий до Интерната идти было не меньше получаса — вполне

достаточно для легкой прогулки. Так почему бы благородному господину не доехать до дома с комфортом?

Ри был счастлив, его распирали благодарность и любопытство.

— Мы снова пойдем пешком, ваша светлость? — просил он, стараясь быть вежливым.

— Дану.

— Что?

— Дану Гергос или просто дану. Это полностью приемлемое обращение.

Ри когда-то слышал об анкьерских «дану», но это было давно. Он помнил только, что обычаи, царившие у восточных соседей, ему тогда показались странными.

— А «дану» — это очень высокий титул?

— Дитя мое, в Анкьере нет титулов. Есть простые люди, есть дану и есть Император.

— И все благородные люди равны? Как же вы тогда определяете, кто кому должен кланяться первым?

Гергос снисходительно улыбнулся.

— Чтобы определить цену человека, на него необязательно вешать бирку, как на платье.

— Но ваша цена... я хочу сказать, вы ведь очень важный, правда?

— Ваше любопытство, дитя мое, поистине не знает границ. Но да, некоторые считают главу дома Гергосов вторым человеком в Анкьере.

А он — глава дома? Ри стало еще страшнее и интереснее.

— А первый — это Император?

— Вы на удивление проницательны.

Гергос цедил ответы все тем же лениво-усталым тоном, растягивая слова, но Ри казалось, что он не против поговорить.

— Вы не наймете карету?

— Вы устали?

— Нет, но...

— Тогда в чем дело?

— Это необычно.

Гергос пожал плечами:

— Я предпочитаю ходить пешком.

— Потому что в Анкьере нет карет?

Снова эта снисходительная улыбка.

— В Анкьере есть кареты, дитя мое, но они используются для путешествий на дальние расстояния, а в городе людям вполне хватает паланкинов и собственных ног.

Сказано это было таким тоном, что Ри даже стало обидно за Тобрагону.

— Если в Анкьере все настолько лучше и правильнее, почему вы здесь?

— В Каргабане меня удерживают кое-какие дела. Я уеду, как только покончу с ними.

Ри чуть не сбился с шага. Уедет? Когда? А что будет с ним? Вновь оказаться на улице, на этот раз без покровительства Интерната, было страшно. Но еще страшнее — вернуться назад. Впрочем, его бы никто уже и не принял — шестнадцать лет, взрослый. Но так ли много возможностей у одинокого бедняка в жестоком и равнодушном городе? Разве что Гергос даст ему рекомендации... возможно, он устроится куда-нибудь слугой?

И все равно от этой мысли становилось как-то грустно и обидно.

— А меня с собой возьмете?

Гергос словно не услышал. Он продолжал идти, небрежно постукивая тростью по

мостовой, как король из старой легенды, не глядя ни на кого вокруг. Ри украдкой разглядывал его. Пусть уже не молодой, но по-южному красивый. Глава богатейшего анкьерского рода, второй человек в государстве... Зачем ему Ри?

— Дану Гергос...

— Ри, вы задаете слишком много вопросов.

Значит, в прошлый раз все-таки услышал, просто не захотел отвечать.

— Это не вопрос.

— Что тогда?

— Я действительно очень рад, что вы купили меня. И... вот.

Ри вынул из кармана инкрустированную коробочку. От нее пахло лимонной мятой, внутри перекатывалось несколько жевательных пастилок.

Гергос мельком глянул на Ри, но даже не замедлил шага.

— Оставьте себе.

— Оставить?

— В качестве аванса.

Но аванса за что? Ри прикусил губу, понимая, что еще один вопрос лишь разозлит хозяина, и спрятал коробочку обратно в карман. Происходило что-то странное. А жизнь давно научила Ри опасаться странного и держаться подальше от людей, чьих поступков он не мог предвидеть. Но на этот раз от непонятности не хотелось сбежать, ее хотелось разгадать. И Ри прибавил шагу.

По его ощущениям, к дому Гергоса они подошли в районе полуночи. Дверь им открыл сам дворецкий — почему-то Ри сразу же понял, что это именно дворецкий, а не просто один из лакеев. Возможно, дело было в пышных седых бакенбардах и богато украшенной ливрее, но скорее всего — в спокойной, полной величия и уверенности манере, с которой слуга поклонился Гергосу. В этом поклоне было столько достоинства, что Ри пообещал себе, что непременно научится кланяться так же. Пока что все его поклоны больше походили на униженное фиглярство, в чем директор Боравадо не уставал его упрекать.

А потом Ри вспомнил, что ему больше не придется кланяться директору, и расплылся в довольной улыбке.

— Парлато, — обратился к дворецкому Гергос, — это Ри, я только что его купил.

Дворецкий коротко поклонился Ри, отчего тот едва не запутался в ногах и тоже поспешил согнуться в поклоне. Нет, воистину, происходило что-то небывалое!

Двухэтажный особняк, расположенный в самом дорогом районе Каргабана, встретил Ри уютными масляными лампами и запахом еды. В животе тут же заурчало, и Ри бросил испуганный взгляд на своего нового хозяина. Тот и так, кажется, почти обвинил его в обжорстве.

— Прикажете подать ужин? — спросил дворецкий.

— Сначала ванну. Этого юношу следует отмыть.

— Как пожелаете. Что-нибудь еще?

— Скажите Эвретто, чтобы приготовил костюм. Я уйду через два часа.

— Будет сделано, ваша светлость.

— На этом все. Если что-нибудь понадобится, я позову.

Дворецкий заложил правую руку за спину и с достоинством удалился.

— Дану, — неуверенно начал Ри, — насчет ванной...

— Дитя мое, вы хотите сказать, что господин Боравадо не ошибся? Вы и впрямь

отказываетесь мыться?

— Нет, дану. Но моя одежда...

— Вам подадут новую. Когда закончите, жду вас в гостиной. Не задерживайтесь, у меня мало времени.

Стоило Ри покинуть холл, и навстречу ему вышел молодой слуга в черной ливрее с золотой вышивкой.

— Следуй за мной, — скомандовал он.

Половина дома, где жили слуги, была обставлена скромнее, но даже здесь чувствовались богатство и изящество. Ри с восхищением глазел на обитые шелком стены и лепку на потолке. В Интернате тоже были красивые комнаты, особенно та, где директор принимал патронов, но они были совсем другими. Холодными. Там хотелось не радоваться жизни, а вытянуться в струнку и стоять на цыпочках, не дыша и ничего не трогая. Здесь же красота была уютной, доброй.

Увидев ванную, Ри чуть не задохнулся от восторга. Горячая вода! И мыло — не жесткое, дегтярное, а ароматное и очень мягкое. Рядом на табурете лежала стопка чистой одежды — такая же, как у слуги, ливрея.

— Ты можешь отдать мне свои башмаки, их почистят.

Ри смутился. В последние два года никто, кроме него самого, его одеждой не занимался. И башмаки он чистил всегда сам. Если вообще чистил. Но если в доме Гергоса так заведено, придется подчиниться. Ри быстро разулся и передал башмаки слуге, краснея и не зная, куда деть глаза.

— Спасибо.

Дождавшись, когда слуга уйдет, Ри подошел к ванне и провел ладонью по поверхности воды, потом легонько ударил, вслушиваясь в плеск. И снова не удержался от мечтательной улыбки. Быстро, боясь глубоко в душе, что все это исчезнет: и ванна, и дом, и невероятный дану Гергос — Ри начал раздеваться. Но стоило ему скинуть рубашку, как в ванную вошел человек — высокий мужчина с длинным холеным лицом. На его ливрее золота было больше, чем на одежде Гергоса. Ри прижал к груди рубашку и в испуге отпрянул от ванны.

— Кто ты и что здесь делаешь? — брезгливо поморщившись, спросил мужчина.

— Господин... дану приказал... — сбиваясь, ответил Ри. — А вы кто?

— Эвретто, личный камердинер его светлости. И обычно он сообщает мне о таких вещах. А ну брысь отсюда!

Ри насупился.

— Значит, в этот раз не сообщил. И я никуда не пойду. Это моя ванна.

Камердинер смерил его неприязненным взглядом.

— В этом доме нет ничего твоего и все подчиняются моим приказам.

— И дану?

— Наглый мальчишка! Надеюсь, ты ничего здесь не трогал?

Мужчина прошелся по ванной, придирчиво осматривая полки, словно ожидая увидеть на них грязные отпечатки. Ри почувствовал, как начинают полыхать уши.

— Дану не запрещал мне брать мыло.

На лице камердинера появилась еще более презрительная гримаса.

— Дану не обязан расписывать каждый твой шаг. Все слуги подчиняются мне, и именно я решаю, кому что можно, а что нельзя. Покажи руки!

Ри глянул исподлобья и, чуть поколебавшись, протянул Эвретто руки ладонями вниз.

Тот осмотрел грязные ногти и сбитые костяшки.

— Ты можешь использовать один брусок мыла. Покажешь мне руки потом, и я решу, можно ли допустить тебя к остальному. Новую одежду пока не трогай.

— Но...

— Я не желаю ничего слышать.

Эвретто ушел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Ри постоял еще немного, потом сжал зубы и полез в воду. Он остервенело тер себя куском лавандового мыла, скоблил кожу ногтями, так что оставались красные полосы. А волосы вымыл аж трижды. Вылезши и закутавшись в мягкое полотенце, он подошел к зеркалу и критически себя осмотрел. Его кожа больше не казалось такой смуглой, зато темные глаза на худом скуластом лице выделялись даже сильнее, чем прежде. Волосы от воды из темно-рыжих стали почти черными и торчали в разные стороны.

На полке рядом с зеркалом лежал гребень, и Ри поспешил им воспользоваться. Другие принадлежности: несколько пилочек, флакончиков с маслами и лосьонами, а также ароматная пудра — заинтересовали его не меньше. Ри перепробовал все. К тому времени, как вернулся слуга с его башмаками, в ванной стояла головокружительная смесь из запахов и водяного пара. А посреди всего этого — Ри в красивой черной ливрее с золотыми галунами и вышивкой вдоль воротника и манжет. Короткие волосы, едва прикрывавшие уши, теперь были аккуратно зачесаны назад, так что их неровная длина не так бросалась в глаза.

Слуга замер от удивления, и Ри почувствовал, как внутри растекается тепло — удовлетворение. Впервые за два года на него смотрели не с жалостью.

— Благодарю, — улыбнулся он, принимая начищенные до блеска башмаки.

Ничего больше он сказать не успел — в ванную влетел Эвретто: длинный, черный и очень злой.

— Кто позволил тебе одеться? — с порога рыкнул он.

Потом втянул длинным узким носом воздух и поморщился

— Разве я не запретил трогать вещи на полках?

Ри упрямо сжал зубы.

— Дану не запрещал и не говорил, что я обязан слушаться кого-то, кроме него.

— Щенок!

— Павлин!

— Ах ты..!

Слуга попытался проскользнуть мимо разгневанного камердинера, но тот ухватил беднягу за шиворот и встряхнул.

— А ты что здесь делаешь?

— Я... я подумал, что надо почистить...

— Он подумал! Кто приказал тебе думать, ничтожество?

Слуга совсем ступешевался, зато у Ри на щеках заиграли желваки. Он решительно шагнул вперед и ударил камердинера по руке, сжимавшей воротник несчастного слуги.

— Отпусти его! Он не сделал ничего плохого.

Эвретто отдернул руку, а потом демонстративно вытер ее тонким батистовым платком. Выражение гнева сошло с его лица, оно теперь стало скорее отрешенным, но в глазах по-прежнему плясали злые язычки. Ри едва не расхохотался. Эвретто хотел походить на Гергоса, но у него не получалось — глаза выдавали. А вот дану умел смотреть по-настоящему холодно...

— Я доложу о произошедшем его светлости, и тебя вышвырнут на улицу, неблагодарная тварь.

Прежде чем Ри успел что-либо сказать, Эвретто снова ушел. Слуга засеменил следом рядом, но не смея касаться, и принялся оправдываться, заикаясь и путаясь в словах. Ри неуверенно закусил губу, но потом тряхнул медной шевелюрой и гордо выпрямил спину.

Гергос, как и обещал, ждал в гостиной. Теперь на нем был еще более роскошный камзол из золотой парчи, украшенный изумрудами, тонкая белоснежная рубаша с пышным воротником и узкие темные штаны. В Тобрагоне обычно одевались скромнее. Даже очень богатые люди, подражая высшей знати, а те — самому риссу, шили одежду преимущественно мягких тонов и почти не украшали ее самоцветами. В Анкьере и мода была совершенно другой?

У Ри даже зарябило в глазах, а внутри снова вспыхнула искорка смеха. Разве может взрослый мужчина не выглядеть смешно, будучи разодетым как ярмарочный петух? Но, встретившись с блестящими зеленовато-карими глазами Гергоса, походившими на хризолиты, твердые и неживые, Ри поспешил поклониться. Смеяться ему расхотелось.

Все угрозы Эвретто не напугали его так, как этот взгляд.

— Вы звали меня, дану?

Камердинер тоже был тут — стоял, выпрямившись, за спинкой кресла, в котором сидел Гергос. На лице Эвретто читалось скрытое торжество.

— Действительно, дитя мое. Подойдите.

Холодные глаза осмотрели Ри с ног до головы, и Гергос слегка улыбнулся.

— Я вижу, костюм пришелся вам впору. И, я слышал, вы также оценили розовое масло?

Ри дерзко поднял взгляд на хозяина.

— Оно высшего качества, дану.

— Вы снова меня удивляете, дитя. Неужели вы разбираетесь в масле?

Ри почувствовал, что краснеет.

— Немного, дану.

— Поразительно. А я считал, что мальчиков в Интернате Толорозы держат в черном теле. Видите, Эвретто, вам совершенно не о чем беспокоиться. С маслом все в порядке.

— Я не сомневался, ваша светлость, — сухо проговорил камердинер.

— Нет? Но разве не вы буквально пять минут назад уверяли меня, что придется заново покупать масло, пудру и мыло?

Эвретто скрипнул зубами.

— Должно быть, я ошибся, ваша светлость.

Дану Гергос понимающе вздохнул.

— Такое случается, Эвретто. Я тоже постоянно забываю и путаю вещи. Если это все, вы можете быть свободны.

Ри не удержался от торжествующей улыбки, и глаза Гергоса опасно блеснули.

— Осторожнее, дитя мое, — сказал анкьерец, когда камердинер беззвучно затворил за собой дверь гостиной. — Это не ваша победа, а всего лишь мой каприз. А теперь подойдите ближе. Нам надо поговорить.

***

Отмытый и приодетый, Ри выглядел старше. И в то же время как-то тоньше, уязвимее, словно корка грязи защищала его от всего мира. Только глаза остались прежними. Настороженные, знающие глаза уличного ребенка. Воспитанники Интерната взрослеют

быстро, они иначе смотрят на жизнь, иначе понимают ее. И никто, прошедший хотя бы одну ночь в стенах Интерната Толорозы, не может более считаться невинным. Пусть не телом, так душой.

А еще такие дети прекрасно умеют манипулировать. Гергос ужасно злился на себя за то, что сорвался. Эвретто ни в чем не виноват. Это он, Гергос, не предупредил камердинера о появлении Ри, не объяснил распорядок. Да и потом, отчитывать старшего слугу в присутствии младших? Непозволительно.

Но эти темные испуганные глаза... Гергос заговорил, не подумав, и наговорил лишнего. Ри не нужна была его помощь, он бы и сам прекрасно справился. Хозяину нельзя вмешиваться в дела слуг, это создает нездоровую обстановку в доме. Да и что такого страшного произошло? Ну, пожурил Эвретто мальчишку — не трагедия. В Интернате наверняка приходилось хуже.

Но сделанного не изменишь. Гергос не хотел жалеть мальчика, не хотел проникаться к нему симпатией. Для его замысла все это было совершенно лишним. И потому он молчал, долго, неуютно, наблюдая, как под его пристальным взглядом плечи Ри опускаются все ниже. Вот так уже лучше. Пусть боится.

— Кем были ваши родители? — намеренно резко спросил Гергос.

Ри опустил голову, пряча глаза в густой челке.

— Крестьянами.

— Что с ними стало?

— Они умерли. Оспа.

— И других родственников, чтобы позаботиться о вас, не нашлось?

— Нет, дану.

— Вы хотели стать врачом?

— Я... доктор Нахри был добр ко мне.

— Нахри? Вам повезло, ноллийская медицина не знает равных. Почему вы пошли к нему в ученики? Он лечил вас от чего-то?

— Да, дану. Однажды я порезался...

Ри замолчал, но Гергос не стал настаивать на подробном ответе.

— Скажите, как давно вам исполнилось шестнадцать? — спросил он уже мягче.

На мальчика было жалко смотреть, но вопрос заставил его чуть приподнять голову.

— Две недели назад.

— И, надо полагать, эти две недели были для вас непростыми? — Гергос спрятал жалость за очередной ничего не выражающей улыбкой. — Было ли воровство вашим первым занятием?

— Я не вор!

— Возможно ли, что моя коробочка для пастилок стала первой вещью, что вы украли в своей жизни?

— Но, дану, — Ри лукаво улыбнулся, — я ведь ее не крал. Вы сами сказали, что, если я не убегу, это не будет считаться кражей.

Несколько фраз, немного слабину, и мальчик снова ожил. И так сложно не улыбнуться в ответ... Воистину, эти дети кого угодно обведут вокруг пальца. Надо быть осторожнее. Гергос на мгновение прикрыл глаза, стирая с лица остатки сочувствия.

— Я действительно так сказал? — сухо спросил он. — Совсем вылетело из головы. Ну что ж, дитя мое, тогда ваша участь поистине незавидна. Дело в том, что мне как раз нужны

услуги вора.

Ри растерянно нахмурился.

— Вы хотите, чтобы я что-то украл?

Неужели в темных глазах промелькнуло разочарование? На что он рассчитывал, этот оборванец? На то, что его пригласят в лучший дом Каргабана, вымоют, оденут — а взамен что? И все же этот взгляд...

Стоило ли вообще выкупать мальчишку? Попади Ри в полное распоряжение господина Тракаса, разве это бы повредило плану? Скорее всего, нет, но ведь существовала небольшая вероятность, что все пойдет не так. А значит, Гергос поступил правильно, отдав булавку с бриллиантом за эту никчемную жизнь. А теперь надо всего лишь довести дело до конца.

Он заставил себя улыбнуться и заговорил очень ласково, словно рассказывал сказку маленькому ребенку.

— Совершенно верно, дитя, вы проявляете чудеса догадливости. Я хочу, чтобы вы пробрались в дом, на который я вам укажу, и принесли мне оттуда кое-какую вещь.

— А как же гражданская сознательность?

— Пустой звук.

На этот раз Ри ничего не сказал, и Гергос продолжил все так же мягко:

— Конечно, если такое поручение оскорбляет вас и совершенно не согласуется с вашими убеждениями, я пойму и не стану настаивать.

— Если я откажусь, вы продадите меня?

— Увы, дитя мое. Возможно, ваш добрый директор примет вас обратно.

— Нет! Пожалуйста, дану, не возвращайте меня в Интернат! Там...

— Что там, дитя мое?

— Ни... ничего, — Ри внезапно покраснел. — Пожалуйста, дану, что угодно, только не это. Если вы хотите, я украду для вас.

— Возможно, в будущем мне понадобятся и другие ваши услуги.

Ри сглотнул и покраснел еще гуще.

— Я понимаю.

— Вряд ли. Сейчас вы явно подумали не о том.

Недоверчивый взгляд заставил Гергоса рассмеяться.

— Ри, дитя мое, к худу или добру, но в этом смысле вы не представляете для меня интереса.

Рыжая голова снова опустилась, и Гергос вдруг почувствовал себя виноватым. Ну что на этот раз? Неужели это прозвучало обидно? Не мог же мальчишка в самом деле...

Стук в дверь заставил Гергоса отвлечься от Ри. В гостиную вошел дворецкий с подносом, а за ним лакей, катя перед собой тележку с тарелками. Гергос указал ленивым жестом на столик рядом с креслом. Парлато опустил поднос, негромко звякнули хрустальные бокалы.

— Ваша светлость желает еще чего-нибудь?

— Нет, спасибо.

Слуги удалились, и Гергосу снова пришлось обратить внимание на Ри.

— Подойди сюда.

Мальчик подчинился без слов.

— Ты хочешь есть?

Разумеется, он хотел! Но ответил не сразу. Сначала с сомнением оглядел принесенные

тарелки, чуть задержав взгляд на графине с вином.

— Да, дану. Если позволите, — тихо проговорил Ри.

— Сначала налей мне вина. И себе. Полбокала. Разбавишь водой.

— Да, дану.

Пока Ри возился с бокалами, Гергос очень внимательно следил за его руками. Пальцы мальчика чуть-чуть подрагивали. Волнение? Страх? Или усталость? Едва ли в Интернате придерживались того же распорядка, что и в благородных домах. Скорее всего, Ри на ногах с самого рассвета. Следовало бы дать ему выспаться, освоиться хоть чуть-чуть.

Гергос снова стиснул зубы. В этом не было необходимости.

— Садись, — велел он, — ешь.

Ри взялся за вилку и вдруг застыл, глядя на нее как на некую диковинку. Гергос сделал вид, будто не заметил.

— Быстрее, у нас мало времени.

— Да, дану.

Немногословно. Неужели дело в предстоящей краже? Неужели забраться в чей-то дом — это настолько хуже, чем обчистить карманы незнакомца? С этим у Ри проблем вроде бы не возникло. Они молча ели. Ри сделал всего один глоток из своего бокала и больше к нему не притрагивался, зато тонко нарезанную ветчину и жареный сыр проглотил, почти не жуя. Со своей порцией он покончил раньше Гергоса и теперь сидел, смиренно сложив руки на коленях.

Гергос промокнул губы салфеткой и бросил ее поверх пустой тарелки. Потом неторопливо допил вино. Ри сидел напротив, не поднимая глаз. На мгновение Гергосу даже показалось, что мальчик уснул, но, стоило ему встать, и Ри тут же вскочил следом.

— Идем, — бросил Гергос, стараясь больше не смотреть в его сторону.

На этот раз он велел подать карету, и она уже ждала у дверей. Привычки привычками, но тобрагонское высшее общество не любило, когда кто-то слишком явно ему противостоял. К богато украшенной одежде и ярким цветам тобрагонцы привыкали несколько месяцев. Сначала благонравные матроны недовольно поджимали губы и уводили дочерей и племянниц в другой конец комнаты, потом любопытство и жажда наживы победили. Гергоса приняли, а некоторое время спустя и тобрагонские дамы то тут, то там начали дополнять темно-коричневые или уныло-серые платья яркими шарфами или шемизетками.

Гергос велел Ри сесть напротив. Тот по-прежнему не поднимал глаз и всю поездку тербил пальцы.

— Мы остановимся в квартале от нужного дома. Ты должен будешь перебраться через ограду и проникнуть в дом.

— Чей это дом?

— Особняк вот уже несколько поколений принадлежит семейству Албэни. Его нынешний хозяин, альсах Девиан Албэни, сегодня устраивает бал, поэтому в его личных комнатах никого быть не должно.

Ри едва заметно кивнул. Он выглядел таким юным и таким несчастным, что Гергос едва не приказал кучеру возвращаться. Что если есть иной способ? Приблизить мальчишку, заставить его поверить, раскрыться... Нет, это глупо. Такой вариант потребует больше времени и сил, не гарантируя результата. Достаточно, чтобы Ри боялся и слушался. И если для этого ему придется совершить небольшое преступление, тем лучше.

Когда карета остановилась, Гергос наклонился вперед и молчал, пока Ри наконец не

поднял глаза. Темные, безрадостные глаза человека, чье доверие было жестоко обмануто.

— А теперь, дитя мое, послушайте, что вы должны будете сделать.

ГЛАВА 3. ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ МАРОК

Дом, на который указал Гергос, сиял, почти ослепляя. Привыкшие к темноте глаза Ри в первое время слезились и не позволяли как следует рассмотреть особняк. А еще мешали высокий кирпичный забор и грызущая изнутри тоска. От последней глаза слезились не меньше, чем от сотен свечей, горевших за яркими окнами особняка Албэни. Даже с улицы можно было услышать льющуюся из дома музыку — несмотря на прохладу, окна и двери в доме были распахнуты настежь. До Ри доносились голоса, смех и стук десятков пар каблуков. Бал был в самом разгаре.

Перебравшись через забор, Ри оказался в парке. Некоторые гости — влюбленные парочки по большей части — неторопливо прогуливались по темным дорожкам. Ри был вынужден обходить их стороной, а иногда и отсиживаться в кустах, дожидаясь, пока влюбленные уйдут. На его глазах несколько дам пожаловались на холод и отослали служанок за забытой шалью. Этой незамысловатой хитростью тут же с превеликим удовольствием и готовностью воспользовались кавалеры, увлекая прелестных избранниц в уютные тупички и срывая с их губ запретные поцелуи.

Ри кривился и презрительно фыркал, глядя на разодетых вельмож и их глупые ужимки. Зачем заводить слуг, а потом прятаться от них? Зачем создавать правила, которые приходится старательно обходить, придумывая все более нелепые способы и предлоги? И все же парочки были лучше, чем сторожевые собаки, от них всегда можно было укрыться в густой тени.

Пробираясь через парк, Ри один раз наткнулся и на более интересное собрание. Трое молодых людей, склонившись друг к другу, обсуждали предстоящую дуэль. Ри остановился, хотя на него никто не смотрел, а потом подобрался на цыпочках поближе. Молодые аристократы явно были настроены серьезно, речь шла о дуэли насмерть, а не до первой крови, как обычно делалось. Но, услышав, что причиной разногласия стало непостоянство дамы, Ри быстро потерял интерес и двинулся дальше. Уже у самых стен особняка он едва не столкнулся с пожилым, одетым в старомодный дублет мужчиной и лишь чудом успел спрятаться за колонной, подпиравшей балкон.

Дождавшись, когда аристократ уйдет, Ри задрал голову и принялся считать окна. Гергос сказал — второй этаж, третье от входа или пятое от угла. За указанным окном, одним из немногих, было темно. Как Гергос и предупреждал, личные комнаты альсаха пустовали, и единственная сложность заключалась в том, чтобы взобраться по фасаду, не привлекая внимания.

К счастью, балкончик с резными балясинами находился совсем недалеко от нужного окна. Ри начал карабкаться, цепляясь за украшения на колонне. Это была очень щедро украшенная колонна, изображавшая опутанный вьюнком ствол дерева, и лезть по ней было одним удовольствием. Добравшись до балкона, Ри вытянул шею, разглядывая, что происходит в комнате.

Там свет горел, но людей Ри заметил не сразу. Лишь перебросив ногу через перила, он сообразил, что то, что он изначально принял за разбросанные по постели подушки, ими отнюдь не являлось. Двое занимались любовью, и Ри, кривившийся на парочек в парке, замер, не в силах отвести взгляда. Он сидел на самом краю перил, заметный и снизу, и из дома, но пошевелиться не мог. Это бы разрушило волшебство.

Тела любовников двигались медленно и почти бесшумно. Свет от свечей играл на загорелой коже и темных волосах женщины. На спине мужчины мерно перекачивались мышцы, и Ри заморожено следил за каждым движением рук и бедер. Пальцы женщины сжали края подушки, рот приоткрылся, и до Ри донесся тихий стон. Мужчина встряхнул головой, отбрасывая волосы назад, и Ри заметил родинку у него на щеке.

Это заставило мысли Ри скакнуть в новом направлении. Что если бы вместе родинки у мужчины был шрам — едва заметный, белесый шрам на виске? Гергос был еще не стар, и Ри уже имел возможность оценить его силу. Наверное, обнаженный, со спины, он выглядел бы так же, как мужчина на кровати. Может быть, прямо сейчас, где-то в другом уголке Каргабана это и происходит. Гергос приедется перед выходом, явно направляясь в хорошее общество. Может быть, к знатной, богатой любовнице? Ведь у него наверняка была любовница.

Ри снова взглянул на парочку на постели. Лицо мужчины выражало абсолютное блаженство. И на этот раз он не показался Ри красивым. Ничуть.

Внезапно снизу донесся окрик:

— А ну пошел отсюда!

Ри едва не свалился с балкона и, зацепившись кончиками пальцев за одну из балясин, в испуге огляделся. Но обращались не к нему. Привратник гнал от калитки маленького попрошайку. Тощую фигурку практически полностью скрывала одежда не по размеру, а куртка была вывернута наружу — чтобы никто не заметил эмблемы Интерната. Несколько недель назад Ри и сам бродил в таком виде по улицам.

Попрошайка — понять, мальчик это или девочка, было совершенно невозможно — продолжал канючить и протягивать руки, а привратник все сильнее распалялся, угрожая то позвать полицию, то всыпать наглецу по первое число. Ри снова подтянулся и быстро нырнул в тень. Об увиденном за окном он старался больше не думать.

Пройдя по карнизу до пятого от угла окна, Ри подцепил раму и, бросив последний взгляд на слабо освещенный парк, скользнул внутрь. И тут же наступил на что-то. Ри отскочил и дикой кошкой нырнул за стоявший у окна стол. Высунулся оттуда он только через минуту, когда полностью убедился, что его никто не слышал. Не вставая, Ри пополз обратно и поднял с пола курительную трубку. Должно быть, она лежала на подоконнике, и Ри столкнул ее случайно, когда лез через окно. Остывший пепел рассыпался тонким слоем по паркету, в центре виднелся явный след от башмака, и еще несколько следов вели к столу и обратно. Ри нехорошо выругался.

Зажигать свечи было нельзя, и он принялся вслепую шарить по ящикам стола. Два из них оказались заперты, а остальные не содержали ничего ценного: стопку чистой бумаги, связку перьев, палочку сургуча и неиспользованные конверты. В другом ящике Ри обнаружил несколько уже написанных и вскрытых писем. А в третьем — альбом с карандашными набросками и две человеческие фигурки на шарнирах.

Но Гергос говорил про перстень-печатку, и Ри немного растерялся, не найдя его рядом с письменными принадлежностями. Он еще раз осмотрел стол и ощупал ящики, надеясь найти двойное дно. Потом взялся за замки. Тот, кто их устанавливал, либо не очень разбирался в своем деле, либо намеренно слопушил — вскрыть их оказалось до смешного просто. Но и на этот раз перстня не обнаружилось, только какие-то счета, долговые расписки и еще больше писем — на этот раз от женщин. Так и подмывало заглянуть — не потому что Ри действительно интересовала чужая переписка, просто письма, хранящиеся в запертых

ящиках, были настоящим испытанием для любого более или менее любопытного человека.

Закончив со столом, Ри начал осматривать шкафы и тумбочки. А потом услышал шаги в коридоре. Сначала он не придал им особого значения — в доме, полном гостей, кто-то постоянно где-то ходил. Но затем голоса послышались прямо за дверью кабинета и начала, чуть скрипнув, поворачиваться ручка. Спрятаться было негде. Ри нырнул под стол и сжался в комок, чтобы стать как можно незаметнее. Потом вспомнил про рассыпанный по полу пепел из трубки и понял, что пропал.

***

Окъеллу Гергос, не переставая загадочно улыбаться, надавил на ручку двери и вошел. В кабинете было темно, чуть колыхались от легкого сквозняка занавески и едва уловимо пахло дымом.

— Ну и где твой сюрприз? — голос хозяина дома звучал немного насмешливо.

Сам Девиан Албэни, одетый строго, но с безупречным вкусом, как всегда излучал мягкую доброжелательность. Временами весьма острый на язык, внешне он неизменно оставался спокойным и учтивым. Чем мог вывести из себя даже всеблагого Керпо, не говоря уже о простых смертных.

Гергос оглядел пустой кабинет, отметил рассыпанный по полу пепел и чуть приоткрытый ящик стола.

— Прячется. Дитя мое, вы можете показаться.

Из-за стола медленно появилась щуплая мальчишеская фигурка в черной ливрее.

— И часто твои слуги прячутся от тебя под столом? — не выказав ни малейшего удивления, спросил альсах Албэни.

Он быстро и без особого интереса осмотрел Ри, а затем повернулся обратно к Гергосу. Удивительно светлые глаза, серые, почти прозрачные, походили на две перламутровые пуговицы, зачем-то пришитые Великой Матерью к загорелому лицу. Мужественный подбородок и нос с легкой горбинкой делали Девиана Албэни по-настоящему красивым мужчиной. Изрядный капитал скрашивал не самое знатное происхождение. Таких в Тобрагоне называли «дворянами второй линии», и это не было оскорблением. Просто к первой «линии» принадлежала королевская семья и их родственники до второго-третьего колена.

— Только когда я приказываю им пробраться тайком в дом одного из моих друзей, — с улыбкой ответил Гергос. — Не печалься, Ри, в неудаче нет твоей вины. Даже я не предполагал, что его сиятельство решит надеть фамильный перстень на прием. Обычно он этого не делает.

Это действительно стало неожиданностью. Но еще удивительнее было другое — увидев перстень на руке Албэни, Гергос обрадовался. Значит, Ри не сможет его украсть. Значит, уже первая часть плана пошла прахом... Чему же тут радоваться? И все же странная легкость в груди не могла быть ничем иным.

— Обещала приехать моя двоюродная бабушка, — альсах, словно оправдываясь, развел руками, — а она всегда расстраивается, если не видит на мне перстня.

— Твоя бабушка? Как я мог забыть...

— Но зачем он понадобился тебе?

— Теперь мы уже никогда этого не узнаем.

Альсах одну за другой принялся зажигать свечи, и Ри сделал несколько шагов назад, отступая все дальше в тень.

— Подойдите ближе, дитя мое, — позвал Гергос. — Не стесняйтесь.

— Я не стесняюсь, дану, — звонко ответил Ри. — Я злюсь. Вы специально заманили меня сюда...

— Заманил? Ну и фантазии у вас. Я пришел в дом своего хорошего друга в сопровождении слуги. Просто я вошел через дверь, а слуга — через... окно, по всей видимости. Албэни, тебе придется позвать кого-нибудь, чтобы прибрались тут.

Альсах, закончив со свечами, опустился на небольшой диванчик у стены. Он по-прежнему улыбался и смотрел на Ри с отеческой теплотой.

— Ну и какая за всем этим кроется история?

— О, ничего особенного, — беспечно отмахнулся Гергос. — Я купил Ри после того, как он едва меня не ограбил. И решил спасти его душу.

— Ты? Спасти душу?

— Удивительно, правда? Впрочем, мои капризы иногда ставят в тупик даже меня самого. Ты знаешь об Интернате Толорозы?

— Лишь смутно.

— Это чудесное, крайне добропорядочное заведение, которое ставит своей целью воспитание лучших качеств: кротости, смирения и послушания. Его выпускники — а ими считаются дети, достигшие шестнадцати лет — с удовольствием остаются в Интернате, чтобы служить ему и дальше. Обычно они становятся либо ворами, либо проститутками. Увы, директор Интерната, в отличие от меня, едва ли бы высоко оценил воровские способности мальчика, а идея стать постельной игрушкой какого-нибудь уважаемого интернатского патрона не вдохновляла уже самого Ри.

— Выходит, ты действительно его спас?

— Некоторые бы сказали, что я вытащил его из одной ямы, чтобы затянуть в еще более глубокую. Так или иначе, но я купил мальчика за баснословные деньги — мне пришлось отдать за него целый бриллиант.

Смеющиеся глаза альсаха снова обежали Ри с ног до головы, чуть задержавшись на лице. Внезапно в них промелькнуло сомнение.

— И зачем он тебе, Гергос?

— Чтобы пробираться в дома? Конечно, пока у него не слишком получается, но, я уверен: немного практики — и он добьется успеха.

— Ты решил узнать все секреты своих врагов?

Гергос старательно удивился:

— Но у меня нет врагов! Только друзья. Целая куча друзей. Ты же знаешь, это обычное дело, когда у человека много денег.

Албэни с сомнением хмыкнул.

— Если верить «Светской хронике», я немного богаче тебя, но, увы, такого количества друзей, у меня никогда не было.

— Твоя скромность и благоразумие отпугивают людей.

— Действительно, мне бы никогда не пришло в голову взять в слуги уличного воришку! Но, может быть, я просто чего-то не понимаю? Продашь мне его, Гергос?

— Зачем он тебе?

Ри шагнул вперед, впервые оказавшись на свету. Его волосы цвета старой меди вспыхнули подобно багряному пламени. Злость и обида в темных глазах сменились беспокойством.

— Дану! — взмолился он.

Гергос едва заметно шевельнул пальцами, приказывая Ри молчать, и посмотрел в упор на Албэни. Тот ответил непроницаемым взглядом.

— Просто каприз.

— Выбери кого-нибудь другого. Твои слуги ходят в бледно-лиловом, Ри этот цвет совершенно не подойдет. Не знаю даже, что будет смотреться на нем лучше, чем черное с золотом.

— Как насчет белого?

— Цвет траура?

— Цвет невинности.

— И с чего бы тебе захотелось наряжать уличного мальчишку в цвета невинности? Иногда, друг мой, мне кажется, что ты ничуть не разбираешься в людях. Взгляни получше на этого сына Тавоха — разве эти полыхающие глаза говорят тебе о невинности?

— И все же он очень молод.

— Это быстро проходит. Оставим, Албэни, мне надоело говорить о своем слуге. Пойдем лучше вниз, я чувствую, мне сегодня должно повезти. Ри, не отставай.

Гергосу не приходилось проталкиваться через шумную толпу в бальном зале, перед ним расступались. Никто не решался преградить ему путь, но в то же время многие старались встать поближе, поклониться, привлечь к себе внимание. Дамы томно вздыхали и приоткрывали спрятанные за веерами декольте, мужчины демонстрировали пошитые по новой моде костюмы и причудливо украшенные набалдашники тростей.

А еще в толпе шептались, поглядывая на Ри. Молодой слуга явно привлек внимание, сразу поползли догадки, зачем Гергос взял его с собой на бал, не станет ли это новым веянием, и что именно стоит копировать — возраст слуги или необычный цвет волос?

Пройдя через весь зал и обменявшись несколькими словами с парой знакомых, Окъеллу Гергос ушел в одну из гостиных, сиреневую, где традиционно накрывали карточные столы. Как только Гергос замер перед столом для каранту, к нему тут же потянулись зрители.

Хозяин дома неторопливо распечатал новую колоду.

— На что играем?

— Как насчет тысячи марок?

За спиной Гергоса взволнованно зашептали. Тысяча марок! Да на эти деньги можно обставить дом в столице!

— Ты действительно так уверен в своей удаче?

Гергос лишь повел плечами.

— Ри, принеси мне вина.

— Да, дану.

Мальчишка с трудом протиснулся сквозь напиравшую толпу.

— Тысяча марок против твоего нового слуги.

Окъеллу Гергос покачал головой.

— Это слишком неравнозначные ставки. Я не отдам мальчика и за десять тысяч.

В толпе ахнули, заозирались, пытаясь разглядеть, куда делся маленький слуга.

— Ты думаешь, что нашел сокровище?

— У меня есть на то все основания. Итак, что ты ставишь? Как насчет фамильного перстня?

Албэни рассмеялся.

— Идет!

Первую партию альсах выиграл. Когда Ри наконец вернулся к картежному столу, Гергос как раз выписывал мелом на сукне сумму проигрыша. Он принял бокал и отпил, не глядя.

— Все еще веришь в удачу, Гергос?

— Как никогда. Сдавай.

Через час сумма долга возросла до трех тысяч, было выпито немало вина, и в глазах Албэни начало мелькать беспокойство. Но Гергос раз за разом делал ставки, приказывал сдавать карты — и то и дело проигрывал. Он со злым, остервенелым азартом стирал старые цифры и записывал новые. Когда долг дошел до пяти тысяч, Албэни проговорил задумчиво:

— Полагаю, теперь ты точно не захочешь поставить на кон своего слугу.

— Я говорил о десяти тысячах, а пока проиграл тебе лишь пять.

— Как насчет пятнадцати? Я прощу тебе долг и положу сверху еще десять тысяч.

Гергос взглянул на бледное лицо мальчика. Ри был молчалив и непривычно сдержан. Но если раньше его воспринимали просто как диковинку, то теперь он превратился в предмет жарких обсуждений и пристального внимания. Все старались лучше рассмотреть загадочного слугу, а Гергос, откинувшись на спинку стула, медленно переводил взгляд с одного взволнованного лица на другое. Он искал. И не находил.

— Еще вина!

Стоило Ри уйти, и он решительно выдохнул:

— Играем!

Партия затянулась. Или это просто так казалось из-за духоты? Гергос отправлял Ри за вином еще трижды. Но хмель делал его лишь злее. Когда стоявший за его спиной Ри наклонился, чтобы что-то сказать, Гергос лишь отмахнулся. Не сейчас!

К Тавоху советы и сомнения. Пусть удача решает, чему быть. Гергосу казалось, он наблюдает за игрой со стороны, что теперь может невидимкой парить по залу, подслушивая разговоры, заглядывая в нескромные мысли.

— О, госпожа Трасси, не дышите мне в затылок!.. Шаверн, отойди, у тебя руки трясутся, меня это раздражает!..

Албэни пил мало и почти не разговаривал, полностью сосредоточившись на своих картах. Даже для самого богатого человека в Каргабане пятнадцать тысяч были гигантской суммой. Ошеломляющей. Достав платочек, Албэни промокнул виски. Не потому что нервничал, просто в гостиной было нечем дышать из-за горящих свечей и столпившегося народа.

Одна из дам упала в обморок. Более пожилые гости, особенно двоюродная бабушка альсаха, неодобрительно качали головами.

— Этот пройдоха никогда не успокоится. Вы слышали, что его отец выставил его из дома в семнадцать лет?

— Выставил из дома? Я думал, он сам сбежал.

— Кто? Отец?

— Да нет же, Гергос. Отец хотел женить его, но тот сбежал прямо из храма — посреди церемонии.

— Какой ужас? А что невеста?

— Говорят, ей пришлось вернуться домой. Но подумать только, какой нахал!

— Это все молодежь с их свободными нравами. Послушать, так чуть ли не каждый второй сбегает со свадьбы.

— Вы преувеличиваете, матушка.

— Ничуть! Вспомните хотя бы принцессу Коварэн. Это распутство добралось и до семьи рисса.

— Но ведь никто не знает, что произошло на самом деле. Принцесса просто исчезла.

— Исчезла! За три дня до свадьбы. Помяните мое слово...

— Тшш!

— Что вы себе позволяете?!

— Да тихо вы! Что там происходит? Кто-нибудь видит?

— Замолчите, и может быть, мы что-нибудь услышим.

Гергос слышал все. Он знал все. Все, кроме собственных намерений. Теперь его судьбу — а главное, судьбу Ри — должны были решить карты.

— Итак? — тяжело опершись на стол, спросил Гергос

Албэни выдохнул, провел нетвердой рукой по лбу, и одну за другой открыл карты.

Гергос перевернул свои.

— Кажется, мой слуга остается при мне.

Албэни во второй раз оглядел карты, оценивая расклад.

— Похоже, что так.

Он подозвал слугу с чернильницей.

— Я должен тебе десять тысяч.

Албэни быстро написал расписку и протянул ее через стол Гергосу. Тот принял листок и задумчиво пробежал глазами по строчкам.

— Зато ты сохранил перстень.

Альсах склонил голову, признавая его правоту.

— Выходит, каждый остался при своем, — подытожил Гергос.

Он постарался, чтобы в голос не просочилось ни капли удивления. Или облегчения? Эйръярта, королева удачи, что ты задумала?

— Если не считать десяти тысяч, то да, — мягко улыбнулся Албэни.

— Не те деньги, из-за которых благородному человеку стоит волноваться. Ри?

Впервые за последние полчаса Гергос взглянул на мальчика. Глаза того блестели, словно от вина. Но ведь он не пил, нет?

— Я здесь, дану.

— Возьмите эту бумагу и спрячьте где-нибудь.

— Спрятать, дану?

— Вы не ослышались, дитя мое. Спрячьте ее где-нибудь: в доме, в парке или в конюшне — мне все равно. Господа, я объясняю новую игру!

Гергос встал и громко хлопнул в ладоши.

— Сейчас мой слуга спрячет расписку на десять тысяч марок, и тот, кто найдет ее, получит деньги.

В первый момент в гостиной стало очень тихо. Потом раздался слабый смешок Албэни. И зал взорвался. Собравшиеся, разумеется, были очень обеспеченными людьми, но вся же десять тысяч...

— Молодежь! — снова проворчала бабушка Албэни.

— Разве это прилично? — волновалась госпожа Трасси. — Мне кажется, Албэни стоило запретить ему.

— Запретить что-нибудь Гергосу! Вы шутите!

— А я бы был не против найти эту расписочку.

— Вот увидите, на самом деле это все окажется глупой шуткой, разыгршем. Даже Гергос не станет бросаться такими деньгами.

— Но ведь расписка настоящая!

— Тогда мальчишка будет полным дураком, если выпустит ее из рук.

— Может, удастся его подкупить?

— Подкупить человека с десятью тысячами?

— И все же мне кажется, что это такая вульгарная выходка!

— О да, молодежь совсем потеряла стыд.

ГЛАВА 4. ПОСЛЕ БАЛА

Ри сначала сдерживал смех, но в конце концов сдался. После того как он помог Гергосу подняться в карету и устроился на сидении напротив, улыбка наконец вырвалась на свободу.

— О, дану! — воскликнул он. — Это было потрясающе!

Гергос невозмутимо изогнул бровь.

— Благодарю за похвалу, дитя мое.

— Как они носились по парку, заглядывая под каждый куст! Как свиньи в поисках желудей.

И Ри с удовольствием продемонстрировал хозяину увиденное, задрав нос на манер пяточка и захрюкав.

— Ри, я бы попросил вас больше так не делать.

— Но ведь они именно так и выглядели. Честное слово! А этот толстый боров...

— Ри, замолчи.

Что-то такое прозвучало в голосе Гергоса, что Ри и впрямь почел за лучшее промолчать.

— Простите, дану, — пискнул он, виновато опуская глаза.

Должно быть, дану устал. Он много выпил, провел немало времени за игрой, к тому же все эти люди... Ри вздохнул украдкой, вспоминая странную ночь. Сначала ему было страшно, потом он разозлился, когда узнал, что кража перстня была лишь глупой шуткой, а затем проснулось любопытство. Все эти люди, богатые, красивые, самоуверенные, смотрели на него, на Ри, и не могли разгадать. Шептались, спорили.

Несколько аристократов даже пытались остановить его, когда он шел за вином, или зажать в угол, чтобы расспросить хорошенько. Но Ри лишь улыбался и пожимал плечами, будто был немым. Он решил, что разговаривать станет лишь с дану. Впрочем, сам дану с ним говорить не хотел. Он смотрел только на карты и требовал все больше и больше вина.

В какой-то момент Ри снова сделалось страшно — таким Гергоса он еще не видел: резким, почти грубым. А еще он словно не замечал выпавших ему карт и комбинаций, то и дело сбрасывая нужные и набирая всякий мусор. Но почему-то у альсаха Албэни дела шли еще хуже.

А эта почти безумная улыбка, исказившая красивое лицо дану, когда он понял, что победил? Это точно не было радостью. Зато теперь Гергос снова сделался спокоен и молчалив, а вот Ри не мог долго молчать.

— Хотите узнать, где я на самом деле спрятал расписку?

— Если вы считаете, что мне это знание необходимо.

Ри хихикнул, не сдержавшись.

— Я подложил ее в карман его сиятельства. Разве не чудесно?

— Так вы вернули деньги Албэни? — не открывая усталых глаз, спросил Гергос.

Ри был разочарован. Дану даже не удивился, словно заранее знал, что подобранный на улице воришка не удерет с десятью тысячами в кармане!

— Мне показалось нечестным отдавать их кому-то другому. Вы ведь на самом деле не продали бы меня ему.

— Откуда такая уверенность, дитя мое?

Ри пожал плечами.

— Мне так показалось.

— Вы обвиняете меня в том, что я играл нечестно и не заплатил бы в случае проигрыша?

— Я видел ваши карты, дану. Удача сегодня и правда была на вашей стороне. Признайтесь, вы просто хотели вывести из себя его сиятельство и сделать так, чтобы он больше не предлагал меня купить.

— Какие странные вы делаете выводы.

— Признайтесь, дану! Вы поддавались!

— Я бы никогда так не поступил.

Ри хмыкнул.

— Брехня!

— Что, простите?

— Я говорю — брехня. Это значит, что вы пытаетесь меня обмануть, дану.

— Я понял, но впредь предпочел бы не слышать от вас этого слова.

Ри вздохнул.

— Как скажете, дану.

И зевнул, прикрыв рот ладонью.

— А завтра мы опять поедem на бал?

— Надеюсь, что нет, дитя мое. Это слишком утомительно.

У дверей их снова встретил дворецкий. Гергос отдал несколько распоряжений на следующий день, а Ри устало потащился в отведенную ему комнату. Встретив по пути спешащего Эвретто, он лишь отошел в сторону, никак не отреагировав на полный презрения взгляд. Ри очень устал, но с его лица не сходила мечтательная улыбка. Из груди сам собой рвался смех, и на душе было легко-легко!

Подумать только, еще днем он готовился стать щипачом, а в итоге сделался слугой самого невероятного человека в Каргабане. Возможно, самого лучшего человека в Каргабане...

И на следующий день, проснувшись в новой чистой постели, Ри не удержался от радостного смеха. Он очень аккуратно надел черную с золотом ливрею и поспешил на кухню, откуда вкусно тянуло свежее испеченными булочками. У плиты еще возилась кухарка, а за столом сидело двое лакеев. Многие слуги уже давно позавтракали и разошлись, но те, кому не надо было разжигать камины, кормить лошадей и выгуливать собак, еще ели. Появление Ри было встречено улыбками и нетерпеливым перешептыванием. Вбежавшая вслед за Ри молоденькая служанка, при виде его побледнела, потом покраснела, а в конце концов выпалила на одном дыхании:

— Это правда, что его светлость подарил тебе десять тысяч марок?

Слухи путешествуют быстро. Ри сцапал с большого подноса сдобную булочку и налил себе молока из кувшина. Наконец он мог вдоволь насладиться потрясенными взглядами и вниманием.

— Он дал мне расписку и позволил спрятать ее там, где пожелаю, — с гордостью ответил Ри, щедро выдержав паузу.

— Я бы непременно спрятал ее в своем сундуке, — сказал один из лакеев.

— Но это было бы не так весело! — возразил Ри. — Представьте, все эти самовлюбленные вельможи аж на коленях ползали, пытаясь заглянуть под кресла и диваны!

Служанка захихикала и бросила на Ри восхищенный взгляд.

— Неужели и дамы тоже участвовали? — спросила шокированная кухарка.

— О нет, — засмеялся Ри, — но они заставляли участвовать своих кавалеров. Те не хотели, но дамы пообещали их поцеловать, и им пришлось подчиниться. Один разодетый в пух и прах господин даже пытался залезть на шкаф. Я специально много смотрел в ту сторону. А потом другой господин хотел меня подкупить и обещал две тысячи марок за расписку!

— И ты не согласился?

— Нет, тогда бы игра закончилась и снова стало бы скучно. Мне очень понравилось, что дану придумал такую игру.

Кухарка, чопорная, уже не молодая женщина, покачала головой:

— Когда же он наконец успокоится?

— Он не успокоится, пока такие проделки сходят ему с рук, — донесся из коридора резкий голос Эвретто. — Пока другие позволяют ему так с собой обращаться...

Ри обернулся и быстро отошел в сторону, пропуская камердинера к столу.

— Но как можно ему не позволить? Он ведь дану Гергос, — философски заметил второй лакей, до этого молчавший.

— Мне кажется, он очень злой, — прошептала служанка.

— Он и есть злой, — подтвердил Эвретто.

— Это неправда!

Ри едва не расплескал молоко.

— Дану совсем не злой! Он выкупил меня!

Кухарка улыбнулась немного сочувственно.

— И ты думаешь, он сделал это из жалости?

— Щенок пытался ограбить господина, и, должно быть, это показалось его светлости забавным. Вот увидишь, через неделю ты снова окажешься на улице, — пообещал Эвретто.

Кухарка с сожалением кивнула.

— Хозяин очень непостоянен. Сегодня он приближает одних, завтра — других. Наслаждайся тем, что имеешь сейчас, мальчик. Хочешь еще булочку?

Ри упрямо мотнул головой.

— Вы не правы, — повторил он. — Вы просто его не понимаете.

— А ты, выходит, понимаешь! — прищурился Эвретто. — Только вчера встретил, а сегодня уже знаток!

Ри недобро посмотрел на него, но ничего не сказал. Кухарка снова вздохнула и, вытерев руки полотенцем, опустилась на стул.

— Садись, мальчик, и послушай, что я тебе скажу. Меня зовут Налана, и я работаю в семье Гергосов уже тридцать лет.

Ри не хотел ничего слушать, он мечтал поскорее уйти наверх и найти хозяина. Почему дану еще не позвал его? И что толку разговаривать с этими людьми, если они даже после тридцати лет не поняли, кто такой дану Гергос? Они считали его злодеем! Вот глупость!

— Я пришла, чтобы устроиться на кухню в поместье Гергосов в Анкьере, когда нынешнему хозяину было всего семь лет. Он был вторым сыном, младшим, нелюбимым. Я не умаляю вины старого хозяина, он часто был несправедлив к мальчику, но и тот уже тогда отличался тяжелым характером. Он любил делать все назло указаниям отца и находил смешными и забавными довольно странные вещи. Однажды он забрался на чердак, в самый дальний угол, и не выходил, сколько бы его ни звали. Его матушка выплакала себе все глаза, слуги сбились с ног, разыскивая господина Окьеллу, а он до самого вечера сидел на чердаке и наблюдал, не выходя, даже чтобы поесть. Он спустился лишь поздним вечером, когда совсем стемнело. Сказал, что не слышал, чтобы его звали.

Кухарка всплеснула руками, но Ри рассказ не впечатлил.

— А его звали? — спросил он.

— Конечно! И матушка, и слуги, даже я, признаюсь, окликнула несколько раз, надеясь, что если сумею его разыскать, то хозяин подарит мне несколько марок на новое платье.

— А сам дану Гергос, я имею в виду, отец нашего дану, он звал?

Налана недовольно глянула на Ри.

— Ну конечно! Он очень волновался.

Ри вздохнул. Ковыль тоже злился, когда ему задавали неудобные вопросы.

— Но это еще что, вот когда господин Окьеллу вырос, он провернул шутку похуже.

Молчаливый лакей кивнул, будто вспоминая. Даже Эвретто неодобрительно качнул головой. А Ри еще сильнее захотелось уйти.

— Когда господину Окьеллу исполнилось семнадцать, хозяин решил его женить. Девушка жила неподалеку. Благородная семья, приличное состояние, да и на вид очень ничего. Я сама ее только один раз видела, да и то через вуаль, но мне она показалась очень хорошенькой. Тихая, воспитанная. Чего не жениться?

— Дану отказался?

— Если бы! — почуяв интерес публики, кухарка снова оживилась. — Он не спорил и не шумел, как бывало раньше. Даже слова не сказал против. Отец привез невесту — ох, если бы Тавох не украл мою память, непременно бы вспомнила ее имя! — и она две недели жила в поместье. Они с господином Окьеллу сразу друг другу понравились. И как хорошо они смотрелись вместе! Он, уже тогда высокий, широкоплечий, и она рядом с ним, маленькая и тихая, как мышка. Слова поперек не скажет, только кивает и слушает внимательно.

— Должно быть, дану с ума сходил от скуки.

— Ну тебя! — недовольно цыкнула кухарка. — Да он в ней души не чаял. С ума сходил от скуки — эвон чего выдумал! Сиди уж и молчи, раз ничего умного сказать не можешь.

Ри промолчал.

— И что же? — спросил второй лакей.

— А то, что дело к свадьбе, уже и Дочь Эйры пригласили, чтобы брак освятила, и служителя Керпо позвали для благословений, все собрались — а погода тогда стояла прекрасная, разве что жарко чуть-чуть, молоко от жары едва не скисло все, уже думали в город кого посылать... Да лучше бы и скисло, чем так, как вышло. Все собрались, ждут, а господина Окьеллу нет. Послали слуг — нет, говорят, господина в его комнате. И одежды его нет. Пропал.

— На чердаке смотрели? — не удержался Ри.

Кухарка смерила его грозным взглядом.

— Ход на чердак еще после того раза заколотили, — мстительно ответила она. —

Сбежал твой драгоценный дану Гергос. Оставил гостей, невесту, отца с матерью — и сбежал, Тавох лишь знает куда. Но, думается мне, сюда, в Тобрагону. Кажется, поминал как-то, что двадцать лет назад уже бывал в Каргабане. И что ты на это скажешь?

Ри пожал плечами.

— Наверное, у него были причины.

— Причины! Ветер в голове, а не причины у него. И ни сочувствия, ни человеческого тепла, ни любви. Пожалел бы хоть несчастную девушку или родителей. Вот уж кто исстрадался!

— И что с ней стало?

— С кем?

— С невестой.

— Вернулась домой. И так и не вышла ни за кого замуж.

— А дану?

— Что дану?

— Он потом женился?

— Нет! Так и остался холостым: ни жены, ни наследников. Хотя, видит Керпо, женщины на него так и вешались.

— А вы откуда знаете? Вы с ним ездили?

Кухарка аж подпрыгнула на месте от возмущения.

— Да с ним разве что Тавох ездил, да и то лишь тогда, когда не брезговал. Когда хозяин-то старый умер в прошлом году, господин Окъеллу вернулся и стал всем заправлять. И видно по нему было все: и как он на женщин смотрел, и как с людьми обращался. И смеялся все так же неприятно.

— Непонятно.

— Что?

— Ничего, ничего. Вам показалось.

Чтобы спрятаться от злых глаз кухарки, Ри сделал вид, будто пьет молоко, хотя чашка уже давно опустела. Эти люди действительно не понимали Гергоса, и все непонятное было им неприятно.

— Ну, вот я и говорю, — снова заворчала Налана, — что не успокоится он никак. И нескольких месяцев не прошло с его возвращения, как снова собрался уезжать — сюда вот. Половину слуг забрал, оставив поместье полупустым, здесь дом купил — а зачем? Все же видят, что тошно ему здесь. Но это характер такой, неусидчивый. И вот попробуй еще что-нибудь сказать, — она бросила на Ри недобрый взгляд, но тут же переменилась, вздохнула: — Жалко мне тебя, мальчик. Такой еще молодой, что же с тобой станется?

Ри, порядком уставший от всей этой показушной жалости, отодвинул кружку. Только он встал, в глубине дома зазвонил колокольчик. Молчаливый лакей тут же засеменял трусцой из кухни, Эвретто замер, прислушиваясь. Кухарка в последний раз вздохнула и снова взялась за дело. Ри застыл на пороге.

***

У Окъеллу Гергоса болела голова. Он отказался от завтрака и, несмотря на поздний час, не торопился вставать с постели. События прошлой ночи вспоминались урывками — особенно то, что произошло уже после возвращения от Албэни. Гергос помнил, как вернулся в спальню и как Эвретто помог ему раздеться, потом он приказал камердинеру принести крепленого вина... дальше все терялось, как в тумане.

Должно быть, он напился, как не напился уже очень давно. Слишком давно — воспоминания притупились, а может, сказывался возраст, и то, что сходило с рук в двадцать лет, уже не было таким приятным в тридцать семь. И теперь, лежа под тонким одеялом и рассматривая резной потолок, Окъеллу Гергос клялся, что никогда больше не притронется к вину. И даже сидр станет обходить стороной.

Так что же он натворил? Смутно помнилось, что он говорил с кем-то, с женщиной... с Эйръяртой, богиней судьбы? Да, кажется, именно с ней он спорил полночи и ей же давал какие-то обещания, когда за окном забрезжил рассвет. Вот только в чем клялся? Обнаружив, что чашка, стоящая рядом с кроватью, опустела, Гергос нетерпеливо задергал сонетку.

— Принеси еще воды, — приказал он вошедшему лакею.

— Да, господин.

Стоит ли вспоминать? Вроде из комнаты он не выходил, значит, о причудах его воображения никто больше не знает. Это немного обнадеживало. Если бы еще не так болела голова! Кажется, на день были какие-то планы. Но какие? Когда лакей вернулся с новой чашкой, Гергос снова разлепил пересохшие губы:

— Почта пришла? Принеси.

Вместо лакея, с бронзовым блюдечком, на котором лежало несколько карточек и конвертов, вошел Ри. И тут Гергос вспомнил, о чем говорил с богиней и в чем клялся. Также стала понятна и причина, по которой он отправил Эвретто за вином. Ри. Подарок самого Тавоха, не иначе.

Гергос прикрыл глаза и поманил мальчика к себе.

— Вы уже завтракали, дитя мое?

Ри чуть поморщился.

— Да, дану.

— Вы что-то хотите мне сказать?

— Нет, дану.

Гергос жестом приказал ему сесть рядом.

— Я полагаю, вы умеете читать? Взгляните, кто уже успел осчастливить меня своей корреспонденцией.

Ри охотно взялся за письма.

— Толстый конверт от некой Л. Дакару, тонкий, — Ри поднял письмо и посмотрел его на просвет, — лишь наполовину исписанный листок от его сиятельства Албэни, карточки от господина Прейро, Салавэ и... его светлости Коварэна.

Гергос на него не смотрел, он запрокинул голову и неотрывно наблюдал за узором на потолке.

— Прочти, чего хочет его светлость Коварэн.

Зашуршала бумага, Ри перевернул карточку.

— Он извещает вашу светлость, что имел честь заходить к вам этим утром и надеется встретить вас сегодня в клубе.

— А остальные?

— Господин Прейро приглашает вас на ужин, а господин Салавэ надеется, что вы присоединитесь к пикнику, который состоится завтра в полдень.

Гергос закрыл глаза и удобнее устроился на постели.

— Открой письмо от госпожи Дакару и прочти.

Снова шелест, потом молчание.

— Ри?

— Я... я не могу, дану.

— Почему? Разве у нее плохой почерк?

— Нет, дану, просто... — Ри вздохнул. — Письмо начинается так: «Мой дорогой Онсо, вот уже три дня прошло с нашей последней ночи, а мне до сих пор кажется, что я ощущаю на губах...» Пожалуйста, дану, я не могу.

— Переверни страницу, прочитай в самом конце, чего она хочет.

— Здесь три страницы, дану.

— Тогда переверни их все.

— Ммм... она приглашает вас в свое загородное поместье Уланду.

Гергос промолчал. Ри, судя по звукам, сложил письмо и убрал его обратно в конверт. Несколько минут в комнате было очень тихо. Потом Ри не выдержал.

— Дану? Вы спите?

— Нет.

— Вы не хотите узнать, о чем пишет его сиятельство?

— Я и так знаю. Он обнаружил в своем кармане расписку и прислал новую — свежую и не помятую. Порядочные люди такие предсказуемые! Прикажите, пусть кто-нибудь отправит ее обратно. Не вскрывая конверта.

— Сейчас, дану!

Мальчишка чуть ли не бегом выскочил из комнаты. И Гергос остался наедине с непростым выбором. Встреча с Коварэном? Пикник? Или истосковавшаяся Линая Дакару? Казалось бы, Эйръярта еще прошлым вечером выразилась достаточно ясно, но Окъеллу Гергос никогда не доверял богам. И особенно — богиням.

Вернувшийся Ри снова уселся на кровать рядом с ним.

— Что ты думаешь?

— О чем, дану?

— Что мне делать?

Гергос наблюдал за мальчиком, полуприкрыв глаза. Ри задумчиво осмотрел разложенные на блюдечке письма.

— Я думаю, — начал он, — вам стоит принять приглашение госпожи Дакару.

— Почему?

Ри пожал плечами и отвел взгляд.

— Хорошо, — с деланным равнодушием ответил Гергос. — Позови Эвретто.

На этот раз Ри не торопился уйти. Он аккуратно сложил письма, медленно встал и поплелся к двери, будто ожидая, что его вот-вот окликнут, остановят. Гергос промолчал. Эйръярта решила.

ГЛАВА 5. УЛАНДУ

Сборы заняли полдня. Большую часть этого времени дану Гергос не выходил из комнаты, и лишь ближе к вечеру его высокая, затянутая в бордовый бархатный халат фигура наконец показалась в гостиной. Дану выпил чаю с печеньем, а затем приказал Эвретто принести его костюм для верховой езды. Весь багаж — сундук, пять коробок из плотного картона и куль непонятной формы — погрузили на повозку, карету отдали кухарке и старшей горничной, а сам Гергос в сопровождении камердинера и пажа собирался ехать верхом.

Когда Ри принесли его новую одежду — она больше походила не на ливрею слуги, а на

костюм богатого господина, пусть и выполненный в цветах Гергосов, — он не сдержал восторженного вздоха. Настоящий камзол! И легкая туника, перехваченная позолоченным ремешком, и туфли с пряжками, и даже шейный платок! Слуга предложил помочь, но Ри наотрез отказался. Он сам! Запершись в комнате, он еще раз осмотрел свалившееся на него богатство, зарылся лицом в тончайший шелк туники и вдохнул — кажется, от ткани едва уловимо пахло лимонной мятой.

Переодевшись, Ри сунул в карман коробочку для пастилок. Содержимого он не трогал, лишь иногда доставал подарок и встряхивал его, чтобы услышать, как перекатываются внутри пастилки. Этот звук успокаивал. Камзол был длинным, как у богатых, его фалды доставали Ри почти до коленей. Но Эвретто все равно нашел, к чему придраться.

— Платок завязан криво. перевяжи, не позорь его светлость.

Ри перевязал, но ровнее не стало, только ткань еще больше помялась. А дану все равно внимания не обратил. Он прошел мимо, почти не взглянув на Ри, снова бодрый и великолепный в камзоле нежно-кремового цвета, лиловых бриджах и высоких сапогах с длинными носами.

— Умеешь ездить верхом? — спросил он, когда к Ри подвели серого жеребца.

А что будет, если сказать нет? Отправит в карету к женщинам? Ри внутренне скривился. Ну не к себе же в седло возьмет, в самом деле.

— Умею, дану.

— Тогда вперед.

Больше он к Ри не обращался до самого вечера. Но Ри не жаловался. На выезде из города дану встретил какого-то приятеля, и они несколько часов беседовали, обсуждая погоду и общих знакомых. Ри с удивлением ловил знакомые имена, сравнивая услышанное с ранее ему известным, и то и дело приходил к выводу, что ему не известно ровным счетом ничего. Эвретто, видя его интерес, презрительно кривил губы. Сам камердинер разговора словно не слышал, а ведь наверняка запоминал каждое слово.

Ехать до Уланду было недолго, но до темноты они не успели. Попутчик дану остановился в придорожной гостинице, но Гергос приказал ехать дальше. Лошади шли шагом, чтобы не обгонять сильно груженую карету, и вся кавалькада двигалась медленно и тягуче. Ри почувствовал, что засыпает. Но голос Гергоса не позволил ему отключиться и вывалиться из седла.

— Ри, дитя мое, приблизьтесь.

Ри подстегнул жеребца, чтобы оказаться вровень с Гергосом. Успел поймать неодобрительный взгляд Эвретто. Он снова что-то сделал не так? Надо было остановиться на полшага позади? Ри чуть придержал лошадь.

— Ближе, я сказал.

Мысленно проклиная вечно всем недовольного Эвретто, Ри снова чуть сдвинул пятками бока лошади.

— Да, дану?

— Где вы научились ездить?

— Я... у моих родителей была лошадь.

— У ваших родителей-крестьян?

— Да, дану.

— Расскажите мне о ней.

— О лошади?

— О ком еще?

— Ну... она была коричневой, с белым пятном на лбу и черной гривой.

— Как ее звали?

— Ме... Метелкой, дану.

— Вашу лошадь звали Метелкой?

Ри поймал изумленный взгляд Гергоса и покраснел.

— Да, дану. Когда отец ее только купил, конюх забыл закрыть дверь в стойло, и Метелка выбралась и... и смела весь овес. И как только не лопнула! Вы бы ее видели, дану, с утра она походила на бочонок на ножках!..

Ри рассмеялся. Воображение нарисовало ему очень подробную картину, и он еще долго не умолкал, описывая все в мельчайших деталях: как разозлился отец, как оправдывался конюх, как Ри впервые сел в седло... А потом дану Гергос, мягко улыбнувшись, спросил:

— Так значит, у вашего отца-крестьянина был конюх?

И Ри едва не провалился под землю.

— Это... это был не его конюх, а гейра. Он за две марки в год разрешал держать лошадей в своей конюшне.

— И много у вашего отца было лошадей?

— Всего одна, дану. Метелка.

— И он платил за постой две марки в год?

— Д-да...

— Вы не устали?

— Немного, дану.

— Не хотите пересесть в карету?

Ри снова поймал взгляд Эвретто. Слушает, зараза. И глаз не сводит, даже затылок будто онемел от его пристального внимания. Так что, наверное, будет лучше и впрямь забраться в карету. Но как же не хочется!

— Нет, дану, спасибо. Я могу ехать.

До Уланду они добрались только через два часа, и к тому времени Ри уже едва не клевал носом, лишь из упрямства не покидая седла. Он вцепился мертвой хваткой в поводья, ноги, сжимавшие бока лошади, отдавали тупой ноющей болью, спины и того, что пониже, Ри практически не чувствовал. И потому даже не рассмотрел места, куда они приехали. Запомнил только высокие кипарисы и длинную песчаную дорожку, ведущую к дому, ослепительно красивую женщину, выбежавшую навстречу Гергосу, и молодого, но строгого распорядителя, который тут же принялся командовать: куда отнести багаж, где оставить лошадей, по какой лестнице подняться в дом. Войти следом за дану Ри не позволили, но в тот момент ему уже было все равно.

Он добрел, шатаясь, до комнаты, на которую ему указал один из слуг, и, скинув камзол, рухнул на постель. Даже не успел заметить вторую кровать, стоящую у противоположной стены, и очень удивился, когда в комнату, держа перед собой свечу, вошел Эвретто. Камердинер обвел скупую обстановку презрительным взглядом, осмотрел почти бесчувственного Ри и фыркнул. Ри, слишком уставший, чтобы обижаться, натянул повыше одеяло, отвернулся и вскоре снова уснул.

Проснулся он в одиночестве и сразу же понял — проспал. Солнце стояло уже высоко, за окном пели птицы и стрекотали кузнечики, но вот в доме стояла подозрительная тишина. Так бывает, только когда слуги уже переделали всю утреннюю работу, а хозяева встали и уже

позавтракали. Ри поспешно вскочил, вспомнил, что спал, практически не раздеваясь, и в ужасе уставился на помятую тунику. Потом схватился за платок. В Интернате ему почти не приходилось думать об одежде, она была мятой и заношенной практически у всех. Только подмастерья ювелиров щеголяли новыми чистыми рубахами, да и то по праздникам.

Что же делать? Эвретто его убьет! И, пожалуй, на этот раз будет прав. Ри вспомнил свою радость при виде костюма пажа и едва не застонал в голос. Дурак! Он стянул тунику, разложил ее ровно на кровати и, как мог, разгладил. Теперь она выглядела немного лучше, но, стоило Ри ее поднять, снова пошла складками и заломами. Проклятье!

Услышав голоса за окном, Ри быстро оделся, застегнул на все пуговицы камзол и попытался пригладить волосы. Вот еще холера! Он умылся в оставленном Эвретто тазу и слегка намочил челку, чтобы не так мешалась. Потом выбежал из комнаты и отправился по поиски дану. Двигаться было больно. Отвыкшее от седла тело отчаянно жаловалось и требовало покоя. Ри прибавил скорости и чуть не столкнулся в дверях с распорядителем.

— Господин, — поспешно отступив, поклонился Ри, — я искал дану...

— Его светлость спрашивал о вас, — ответил распорядитель.

Из-за специфического разреза глаз выражение лица молодого мужчины казалось строгим и едва ли не пренебрежительным, но говорил он вполне дружелюбно, и Ри осмелился спросить:

— Давно?

— Около получаса назад.

Полчаса! Не так и много. Но все равно плохо!

— Где я...

— Он в саду.

— Спасибо!

Ри выбежал на крыльцо и едва не скатился кубарем, когда яркое солнце мазнуло по глазам. Он побежал вперед, не поднимая глаз от песчаной дорожки. Кажется, это следы Гергоса. Куда они ведут?

Они вели прямо к саду. К сожалению, Ри не обратил внимания на вторую цепочку следов, тянущуюся рядом, и присутствие госпожи Дакару стало для него полной неожиданностью. Снова едва не налетев на кого-то, Ри поднял глаза и увидел прямо перед собой красивую молодую женщину, изящно одетую, с милой улыбкой на лице. Дану Гергос рассмеялся.

— Вы хорошо поспали?

Ри покраснел до самых ушей, едва не споткнувшись, поклонился госпоже Дакару, а на Гергоса даже взглянуть не посмел.

— Д-да, дану.

— Познакомьтесь, душа моя, это Ри, мой новый паж.

— Очень приятно.

Ри склонился над протянутой рукой, но целовать пальчики с аккуратными розовыми ноготками не стал. А выпрямившись, убрал руки за спину, чтобы дану не заметил почерневших от поводов ладоней.

— Теперь, когда все в сборе, мы можем идти.

Они ждали его? Едва ли можно было покраснеть еще сильнее, но у Ри получилось. Гергос взял госпожу Дакару под руку и повел куда-то вглубь сада. Ри поплелся следом, разглядывая любовницу хозяина со спины. А спина была красивой, ровной, со спадающими

до лопаток круто завитыми локонами. Из-под подола легкого, практически летнего платья то и дело мелькал аккуратный каблучок, чуть выше, чем было принято. Наверное, госпожа Дакару переживала из-за своего невысокого роста — она была ниже Ри, но выглядела удивительно пропорциональной и хорошо сложенной. Ри вспомнил милое приветливое лицо и окончательно скис. Ну что ей мешало оказаться горбатой стервой?..

— Направо, мой господин, — нежный голосок госпожи Дакару ударил, подобно отравленному кинжалу.

Может быть, она окажется непроходимой дурой? Ри захотелось разбить лоб о ближайшее дерево. Ну что за глупости постоянно лезут в голову? Он заставил себя оторвать взгляд от любовницы Гергоса и как следует оглядеться. Сад вокруг был прекрасен. Газоны вдоль усыпанных мелким желтым песком дорожек пестрели разноцветными шафранами, нарциссами и тюльпанами. Стоило подуть ветру, и весь сад окутывало изумительным ароматом цветущих апельсиновых деревьев. Между раскрытыми яркими бутонами летали пчелы и бабочки, жужжали басовито мохнатые шмели.

Солнце припекало. Ри провел ладонью по влажному затылку, стирая пот, но расстегнуть камзол так и не решился. Госпожа Дакару вела их все дальше вглубь цветущего великолепия. Зачем? Почему-то спрашивать было неудобно. Ри бросил мрачный взгляд на идущего впереди Гергоса и, пока никто не видит, пнул небольшой камушек. Тот улетел куда-то в заросли гибискуса.

— Прощу! — улыбнулась госпожа Дакару.

Ее рука с тонким, украшенным золотым браслетом запястьем, указала на небольшую беседку. Сверху, проникая сквозь небольшие отверстия в крыше, нависали ветви цветущей оливы. Внутри, вдоль стен, протянулось несколько узких скамеечек, а в самом центре стоял мольберт. Гергос обошел его, чтобы взглянуть на оставленный холст, и его брови приподнялись в немом изумлении. Ри тут же захотелось протолкаться вперед, но места не было: беседка едва вмещала двоих.

— Вам нравится? — взволнованно спросила госпожа Дакару.

Ее лицо дышало такой надеждой, что Ри на мгновение сделалось противно от самого себя. И немного — от Гергоса. Она была прекрасна, как сад, как все поместье, она любила его! А он? Дану еще немного посмотрел на картину, мельком взглянул на Ри, а потом ответил, довольно сухо:

— Это мило.

***

Линая вздрогнула, чуть отстраняясь. Она старалась скрыть разочарование, но у нее не больно-то получалось. За последние три месяца она совершенно разучилась притворяться. Как богатая, циничная вдова превратилась в эту восторженную девчонку? Гергосу казалось, что на этот раз ему ничто не угрожает и что он сам никого не ранит мимолетной интрижкой. Но теперь он жалел, что согласился приехать, что не прекратил все еще несколько недель назад, когда Линае взбрело в голову написать его портрет. Он должен был догадаться.

— Я просто смущен, — сказал он, пойдя на поводу у не самой своей мудрой стороны. Зачем оправдываться и юлить? Ведь дальше может быть лишь хуже.

— Отчего же? — робко спросила Линая.

Ей так хотелось верить!

— Вы изобразили меня совсем не таким, каким я себя знаю. Это... смущает.

— О! — рассмеялась она, снова окрыленная надеждой. — Но вы именно такой, Онсо. Именно такой. Ри, подойдите!

Гергос отступил, пропуская к мольберту своего нового пажа, и принялся с почти болезненным любопытством наблюдать за переменами на его лице. Удивление? Потрясение? Грусть? Ри чуть закусил нижнюю губу, перевел взгляд с картины на самого Гергоса, потом обратно.

— Ну, что скажете? — поторопила его Линая.

— Мне кажется... гм, вы замечательно изобразили хозяина, госпожа.

— Я тоже так думаю. Но он с нами не согласен.

Гергос пожал плечами и уселся на одну из скамеечек.

— Вы безбожно мне льстите, душа моя.

— Совсем нет! Ри, скажите ему!

— Вы... вы и впрямь очень красивы, — словно через силу выдавил Ри.

И тут же залился краской, став одного цвета с растущими неподалеку маками.

— Линая, вы смущаете ребенка.

— Я не...

— Он не ребенок! — воскликнули они одновременно.

И тут же рассмеялись, отчего и Гергос не смог сдержать улыбки.

— Ри, у вас скоро пар из ушей повалит, снимите этот проклятый камзол.

— Дану, я не уверен, что...

— Снимите.

С видом, будто его ведут на плаху, Ри расстегнул несколько верхних пуговиц. Бросил затравленный взгляд на Гергоса, сначала настоящего, потом на портрет, вздохнул и начал расстегивать дальше. В чем дело? Он одеться забыл? Но вроде бы туника на месте. Осознав, что слишком пристально рассматривает пажа, Гергос перевел взгляд обратно на Линаю.

— Как поживают карпы?

Как выяснилось, карпы прекрасно перезимовали и просто жаждут попасться на крючок. К счастью, разговор наконец удалось увести от проклятого портрета, и Линая с удовольствием принялась рассказывать о нововведениях в Уланду.

— А еще я устроила поляну для пикников и вечеринок на свежем воздухе. Хотите, покажу?

— Может быть, не сейчас.

Линая чуть надулась, но быстро забыла обиду и принялась говорить о другом. Гергос почти не слушал.

— Онсо, вам нехорошо?

— Нет, что вы.

— Вы все молчите.

— Я слушаю вас и люблюсь.

Она рассмеялась и подставила губы, он наклонился и поцеловал их, как и требовалось. Ри тихонько шел рядом.

По возвращении их ожидал накрытый стол с прохладным вином и легкими закусками, после чего Линая отправилась музицировать, а Гергос пошел искать распорядителя — договориться по поводу завтрашней рыбалки.

— Прогуляемся? — предложил он Ри, когда удочки были наконец осмотрены и наживка подобрана.

Мальчик просто кивнул и пошел рядом, пиная на ходу камушки или проводя рукой по листьям растущего вдоль дорожек жасмина.

— Вы сегодня удивительно немногословны, дитя мое.

Ри пожал плечами, но не ответил.

— Что-то случилось?

— Нет, дану.

Может быть, просто показалось. Скорее всего, Ри просто устал после путешествия, не выспался или переспал, может быть у него... а впрочем, неважно. Гергос шел, любуясь садом и слушая журчание ручья неподалеку. Уланду был хорошим поместьем, ухоженным, заботливо оберегаемым.

— Дану?

— Слушаю.

— А почему госпожа Дакару называет вас «Онсо»?

Гергос улыбнулся.

— Это сокращение от «Окьеллу Викенсо». Анкьерцы обожают давать сложные имена своим детям, но ненавидят их произносить.

Ри хмыкнул.

— А госпожа Дакару — она анкьерка?

— Наполовину. Ее отец был чистокровным тобрагонцем, и сама она в жизни не отъезжала от Каргабана больше, чем на пятьдесят миль. Вас что-то насмешило?

— Нет, дану, просто... Вы всегда с таким неодобрением говорите о тобрагонцах, что я подумал...

— Что вы подумали, дитя мое?

— Ничего, дану. Просто глупость. А почему вы взяли с собой Налану?

— Кухарку? Она хорошо готовит.

— Вы могли бы нанять хорошего повара в Каргабана. И никто не берет с собой кухарку, отправляясь в гости.

— Я беру.

— Вы так не любите тобрагонскую кухню?

— Какие странные вы делаете выводы.

— Признайтесь, дану! Вы ненавидите Каргабан!

— Я не питаю ровно никаких чувств к этому городу, он не лучше и не хуже прочих.

— Брехня!

— Ри!

— Простите, дану. Вы возьмете меня с собой на рыбалку?

— Я планировал, но с каждой минутой мое желание тает.

— Дану, пожалуйста!

— Хорошо, хорошо. Но вам следует лечь пораньше, я собираюсь уйти еще до рассвета.

Он отпустил Ри сразу после ужина. Оставшись наедине с Линаей, Гергос сослался на усталость и необходимость рано вставать и ушел к себе так быстро, как позволяли приличия. Он затылком чувствовал разочарованный взгляд красивой молодой женщины и даже сам себе не мог объяснить, почему сбежал.

Эвретто разбудил его еще до того, как встали слуги. Появившийся вслед за камердинером Ри спал на ходу и то и дело душераздирающе зевал.

— Дитя мое, вы можете отправляться обратно в постель.

Два темных глаза уставились на него в недоумении, кажется, впервые за утро по-настоящему раскрывшись.

— Почему, дану?

— Я боюсь, вы свалитесь в пруд.

— Вряд ли. Но если свалюсь, вы ведь спасете меня, не так ли?

— Не думаю. Вы видите этот воротник из муара? Вода губительна для него.

Когда они дошли до пруда, небо на востоке едва начало светлеть. Горизонт окрасился легкой зеленцой, но в траве еще стрекотали цикады, а со стороны леса то и дело доносилось низкое свиное уханье. Ри с интересом оглядывался по сторонам, а врученные ему удочки держал как маршалский жезл. Вступив на свежие, еще пахнущие смолой мостки, Гергос в очередной раз мысленно восхитился Линаей. Никто, кроме него, здесь не рыбачил, значит, мостки срубили именно к его приезду. Великолепная женщина. Почему же от этого так паскудно на душе?

— Умеешь насаживать? — спросил Гергос, отгоняя непрошеную хандру.

— Нет, дану.

И родители-крестьяне не научили? Но Гергос решил не перегибать.

— Тогда смотри и запоминай.

Восторженное внимание Ри льстило самолюбию, и оттого злость внутри лишь росла. Когда мальчик попытался заговорить, Гергос шикнул на него и приказал молчать — до тех пор, пока не поймает своего первого карпа. Но с клевом Ри не везло, и с каждой минутой его лицо становилось все несчастнее.

— Ри, в чем дело? — не выдержал Гергос.

— Ни в чем, дану. Это глупость.

Гергос вздохнул. Вот только душевных переживаний пажа ему не хватает. Но в то же время он не мог не спросить:

— Важная глупость?

— Немножко.

— Тогда говори.

— У вас нет слуг-тобрагонцев, кроме меня. Вы сказали, что приехали в Каргабан по делам, а потом вернетесь в Анкьер. Вы возьмете меня с собой?

Гергос потратил несколько минут, чтобы проверить поплавки и забросить крючок подальше. Его удовлетворила лишь четвертая попытка.

— Неужели вы хотите уехать, дитя мое? У вас наверняка имеется родня, ваши родители могли вам что-нибудь оставить, в конце концов, Тобрагона — ваш дом.

— У меня нет дома.

— Возможно, последние два года были непростыми, но я уверен, что...

— Вы ошибаетесь.

— Вы хотите о чем-то мне рассказать, дитя мое?

— Я... да. То есть... Смотрите, дану, клюет!

Ри подхватился, вцепившись в удочку обеими руками. Глаза его полыхнули кровожадным азартом, и вскоре первый карп шлепнулся на траву.

ГЛАВА 6. ТАЙНА ДОМА КОВАРЭН

Ри все-таки свалился в пруд, но спасать его не пришлось. Поскользнувшись на мокрых мостках, он шлепнулся на мелководье, распугав лягушек и любопытных мальков.

— Жалкое зрелище, — вздохнул дану Гергос.

Ри быстро вскочил, безуспешно пытаясь отжать насквозь мокрые штаны.

— Да-дану, я...

— Марш переодеваться!

Подхватив удочку и ведро с карпами, Ри зашагал в сторону дома. Все уже проснулись, а госпожа Дакару как раз прогуливалась по террасе, когда Ри, оставляя мокрые следы, поднялся на крыльцо. Звонкий женский смех заставил его остановиться и глянуть исподлобья на хозяйку поместья.

— Ри, что с вами случилось?

Разве не заметно?

— Я захотел искупаться, госпожа.

Не дожидаясь ответа, он пошел дальше, предвкушая злорадный триумф в глазах Эвретто. Но все оказалось не столь печально, и Ри без особого труда добрался до сундука с чистой одеждой, так и не наткнувшись на камердинера. Их общая комната пустовала, как и ванная по соседству. Закрыв дверь на защелку, Ри стянул наконец мокрую одежду и налил в таз чистой воды из стоявшего тут же ведра.

Утреннее солнце блеснуло на поверхности, и Ри вдруг с удивлением уставился на собственное отражение — лихорадочный румянец и глубокие тени под глазами. Вид у него был уже не такой голодный и затравленный, как раньше, но все равно нездоровый. Ри плеснул себе в лицо, стирая грязь. Капельки потекли по шее, скатились на грудь, упали на пол. Ри глубоко вздохнул и окунулся, чувствуя, как вода покрывает затылок и представляя себя карпом. Глупым, обреченным карпом, способным лишь разевать рот и бестолково бить плавниками.

Вынырнув, Ри едва не всхлипнул. Ну что с ним не так? Почему он постоянно думает о всяких глупостях и злится на госпожу Дакару? Впрочем, нет, госпожу Дакару ему просто жаль, а злится он на дану. За что? Ри стиснул зубы и опрокинул на себя таз. Вода была холодной, и по коже тут же пронеслась лавина мурашек, прозрачные волоски на руках встали дыбом. Все, хватит глупостей.

Когда Ри вышел из ванной, в доме царила странная суета. Пробегавший мимо слуга сказал, что хозяйка решила устроить импровизированный пикник и приказала немедленно запечь пойманных карпов, установить в саду стол и приготовить закуски. Ри заторопился, надеясь найти Гергоса на террасе или в гостиной, но Эвретто его остановил:

— Его светлость просил передать, что ваши услуги ему сегодня больше не понадобятся.

Странное разочарование отдалось в сердце и рухнуло куда-то в низ живота. Ри замер посреди коридора, не зная, куда себя деть. Закрыться в комнате и поспать? Пройтись по саду? Последняя мысль показалась более заманчивой. Главное не наткнуться на поляну для пикника. Интересно, а где она?

Выяснив направление, в котором ходить точно не стоит, Ри побрел по дорожкам сада, изо всех сил любуясь цветами и вдыхая сумасшедшие ароматы весны. Открытые клумбы сменялись тенистыми зарослями фруктовых деревьев, иногда зеленые тоннели заканчивались небольшими круглыми площадками, в центре которых стояли то изящная статуя, то небольшой журчащий фонтан. Совершенно случайно Ри снова вышел к беседке, мольберта с картиной в ней уже не было, но Ри все равно забрался внутрь и посидел несколько минут, размышляя.

А потом, крадучись, направился в южную часть сада. Он старался двигаться бесшумно и постоянно прислушивался, надеясь различить приглушенные голоса. И едва не подпрыгнул

на месте, услышав крик. Это был странный звук, словно кого-то смертельно ранили, и Ри едва не бросился вперед, чтобы узнать, что случилось. Остановил его спокойный голос Гергоса.

— Линая, не нужно устраивать из этого трагедию.

Ответом ему был новый полукрик-полустон. Ри, пригнувшись, пошел к поляне, посреди которой стоял накрытый на двоих стол. Ее окружал высокий орешник, и Ри не стоило труда спрятаться. И хотя сквозь кусты ничего рассмотреть не получалось, он прекрасно все слышал: госпожа Дакару плакала, а дану Гергос молчал, нетерпеливо постукивая пальцем по бокалу.

Очередной прерывистый всхлип заставил Ри покраснеть. Что он тут делает? Зачем подслушивает? Какое ему дело до того, что хозяева поссорились? Но ноги не шли, а уши сами ловили каждый звук, каждый шорох.

— Ну, хватит, — нетерпеливо выдохнул Гергос. — Не может быть, чтобы вы всерьез рассчитывали, будто это продлится хоть сколько-нибудь долго. Вы ведь разумная женщина и все понимаете.

— Нет! Я не понимаю, Онсо! Почему вы так жестоки, почему даже не хотите выслушать?

— Линая, я прошу вас, не надо. Вы никогда не простите мне это унижение. Поэтому успокойтесь, вытрите глаза. Хотите вина?

— Как вы жестоки.

— Я честен.

Она фыркнула.

— Я всегда был честен с вами, Линая, и никогда ничего не обещал.

— Но я думала... я думала...

— Что? Что я женюсь на вас?

Молчание.

— Линая, вы и сами прекрасно знаете, что это невозможно.

— Потому что я всего лишь какая-то Дакару, вдова провинциального гейра...

— Да будь вы хоть дочерью лаонта, это невозможно. Я не могу жениться. Ни на вас, ни на ком другом.

Ри понял, что до белых костяшек вцепился в шершавый ствол орешника и заставил себя разжать кулак. Госпожа Дакару снова застонала. Страшный звук, полный глухого отчаянья и боли. Ри прикусил губу. «Да будь вы хоть дочерью лаонта...» Почему он так сказал?

— Наверное, мне лучше уйти.

По траве прощуршали ножки стула, Гергос поднялся на ноги.

— Через час я уеду из Уланду.

— Нет! Я прошу вас, Онсо, останьтесь! Я сейчас успокоюсь, мы поговорим, мы все обсудим.

— Здесь нечего обсуждать.

— Нет, пожалуйста! Я люблю вас! Неужели для вас это пустой звук?

— Я благодарен вам за все.

— Благодарность? — в голосе госпожи Дакару промелькнули истеричные нотки. — На что мне твоя благодарность? Что я должна с ней сделать?

— Я пойду.

— Предатель! Бессердечное чудовище!

Вскоре Ри перестал различать шаги Гергоса, а госпожа Дакару все продолжала плакать, перемежая всхлипы ругательствами и признаниями в любви. Слушать это было неприятно, но Ри словно прирос к месту. В душе его царил полный сумбур. Почему дану решил разорвать отношения, все ведь было так хорошо? И госпожа Дакару — Линая — действительно любила его, она такая красивая, милая и рисует неплохо...

И эти слова о том, что он никогда ни на ком не женится. Даже на дочери лаонта. Почему именно дочь лаонта? Рыдания наконец сделались тише, и с Ри словно спало заклинание. Он наконец смог отползти в сторону и, убедившись, что госпожа Дакару уже не сможет его увидеть, побежал к дому. Если дану решил уехать, то Ри будут искать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он оказался прав. Гергос был явно не в духе и встретил его упреком:

— Наконец-то! Где вы ходите? Собирайтесь, мы уезжаем.

— Да, дану!

Ри прошмыгнул мимо, надеясь, что Гергос ни о чем не догадается. Но щеки и уши все равно виновато горели.

Через час дану в сопровождении слуг действительно выехал за ворота Уланду, провожал их только распорядитель. Госпожа Дакару нехорошо себя чувствовала и предпочла остаться в постели. Дану Гергос пожелал ей скорейшего выздоровления.

Ри едва не застонал, вновь очутившись в седле. За два дня его ноги и спина ничуть не отдохнули и, казалось, болели даже сильнее, чем раньше. Гергос, глядя на страдальческую гримасу, которую Ри даже не пытался скрыть, неожиданно улыбнулся.

— Вам надо чаще ездить верхом. Будете сопровождать меня во время прогулок.

— Да, дану.

С каждой милей, приближавшей их к Каргабану, настроение Гергоса все улучшалось, и через пару часов Ри уже весело беседовал с ним, обсуждая планы на неделю.

***

Через несколько дней после возвращения из Уланду Гергос наконец добрался до клуба «Белый шоколад». Он располагался недалеко от дворца рисса и пользовался репутацией исключительно престижного заведения. Гергос получил приглашение только потому, что, как и основатель «Шоколада», был родом из Анкьера, а еще водил дружбу с Албэни, который оказался основным в Каргабане поставщиком экзотического лакомства. Вообще же мягкими диванами и лучшим в столице шоколадом могли наслаждаться лишь избранные представители высшего общества.

Сопровождавший Гергоса Ри споткнулся, едва переступив порог. Окъеллу опустил взгляд на присевшего, чтобы завязать шнурок, пажу, но ничего не сказал. Он с улыбкой поприветствовал нескольких знакомых, пообещал присоединиться к игре и послушать последние новости о лошадях и скачках.

Шторы на окнах были задернуты, в просторном салоне клуба царил мягкий полумрак и до горечи на языке пахло шоколадом. Вот только завсегдатаи предпочитали заморскому напитку привычное тобрагонское вино. Гергос быстро осмотрел благородное собрание и направился к дальнему столику.

Ри следовал за ним послушной тенью.

— Вас что-то тревожит, дитя мое?

— Все в порядке, дану.

— В таком случае принесите мне вина. А, господин Коварэн, какая встреча!

Гергос со всей видимой сердечностью поприветствовал давнего знакомого. Лаонт Коварэн был уже немолодым мужчиной, почти лысым, с остатками рыжевато-каштановых волос за ушами. Он поклонился Гергосу, но на приветствие ответил скупой. А ведь сам искал встречи всего несколько дней назад! Неужели передумал?

— Позвольте к вам присоединиться, — продолжал улыбаться Гергос, пододвигая себе стул. — Ри сейчас нальет нам вина. Ри, еще один бокал! Нет, Коварэн, даже не спорьте, я настаиваю.

С другого конца комнаты за ними пристально наблюдал альсах Албэни. Заметив его взгляд, Гергос дернул уголком рта — и улыбка из теплой и радушной на миг сделалась насмешливой. Албэни вздохнул и встал, чтобы подойти ближе. По пути он чуть не столкнулся с вернувшимся Ри.

— Дану?

— Налейте всем. А, ваше сиятельство, вы ведь не обижаетесь за ту мою выходку?

Албэни с улыбкой подставил свой бокал.

— Ничуть, мои гости нашли несколько вещей, что я давно считал потерянными. А мой камердинер едва не подавился, когда выворачивал карманы. За это я должен отдельно поблагодарить Ри. Если бы не его благородный поступок, я бы так и считал, что у Тэнтара есть только одно выражение лица.

— Тогда я предлагаю тост! За благородного пажан!.. Коварэн, вы ведь еще не видели моего нового пажан? Ри, подойдите сюда! Покажитесь.

Ри уронил кувшин с вином, ойкнул и принялся подбирать осколки.

— Оставьте, слуги уберут. Вы порежетесь... ну вот, покажите руку.

Не поднимая темно-медной макушки, Ри протянул Гергосу ладонь с застрявшим в ране кусочком стекла.

— Ее нужно обработать.

— Да, дану.

— Отправляйтесь домой, и пусть Митти промоет рану.

— А как же вы, дану?

— Я справлюсь, благодарю, дитя мое. Идите.

Гергос больше не улыбался и проводил тонкую фигурку Ри с тревогой. Потом он обернулся обратно к лаонту Коварэну и снова нацепил улыбку.

— Конечно, он немного неуклюж, но на диво исполнительен, — сказал Гергос, рассматривая профиль лаонта. — А еще умеет читать и ездит верхом. Хотите, расскажу, где я его нашел?

— Нашли кого? — словно очнувшись, спросил Коварэн.

— Как кого? Ри, моего пажан! Не правда ли, интересное имя? Ри. Впрочем, мне кажется, это скорее прозвище. Он сказал, его родители умерли, а другой родни не осталось.

— Какая печальная история.

— Действительно. Она разбила мне сердце. Но, увы, это было лишь началом злоключений маленького пажан... Господин Коварэн, куда вы?

— Прошу меня извинить, господа.

Он почти выбежал из клуба, а Гергос наконец перестал улыбаться. Он слегка потер щеки, восстанавливая кровообращение в затекших скулах.

— Что это было? — спросил Албэни.

— О чем ты?

— Скорее о ком. Почему ты вдруг вцепился в Коварэна? Я думал, вы едва знакомы.

— О нет, мы знакомы даже слишком хорошо. Но это разговор не для общей залы.

— Хочешь уйти в кабинет?

— Пожалуй. И прикажи подать туда шоколад, ненавижу эту кислятину...

Как у почетного члена клуба, у Албэни в «Шоколаде» был свой кабинет. Небольшой, но роскошно обставленный, с обшитыми красным деревом стенами. Гергос прошелся по нему, с раздражением рассматривая гравюры весьма фривольной тематики и содержания. «Шоколад» был исключительно мужским клубом. Албэни молча наблюдал за ним, но Гергосу казалось, он слышит, как роятся мысли в голове альсаха.

— Это как-то связано с твоим новым пажом? — наконец предположил его сиятельство.

— О нет, все произошло еще до рождения Ри.

— Ты меня заинтриговал.

— Если тебе так интересно, — Гергос задумчиво провел пальцем по бледному шраму на виске. — Этим я обязан именно Коварэну.

— Он ударил тебя?

— Это след от хлыста.

Албэни застыл в немом изумлении.

— Да, — тихо подтвердил Гергос. — Долгое время мне самому казалось невыносимым подобное признание. Даже сейчас это... немного унижительно.

— Если ты не хочешь рассказывать, я не настаиваю.

— Я хочу. Наверное, — он снова криво улыбнулся. — Ты знаешь мою историю: младший из двух сыновей Великого Гергоса и единственный из его детей, кто посмел ослушаться.

— Об этом многие слышали. Ты сбежал из храма посреди брачного ритуала, а невесте пришлось возвращаться домой.

— И я ничуть не жалею. Это было правильным решением, которое, я уверен, пошло на пользу нам обоим. Тем не менее мудрости моего поступка отец не оценил бы. Так как в Анкьере почти все подчинялось ему, я решил уехать в Тобрагону. Едва не загнал лошадь, пока добрался до Каргабана. Чем может заниматься молодой повеса, лишенный всего? Я начал играть. Кости, карты, сначала мелкие ставки и поручения, затем по-крупному. Я, разумеется, жил тогда не под своим именем, и мало кто знал, кто я на самом деле.

— Тогда ты и познакомился в Коварэном?

— Именно. Накануне мне сильно не повезло, я был практически на мели и срочно искал притон, в котором бы для меня еще открыли кредит. Таких в Каргабана с каждым днем становилось все меньше. И тут меня ловит молодой аристократ и предлагает сделку. Он хотел отправиться в заведение Дядюшки Лу, но один идти боялся, а никто из друзей его не поддержал. Он сказал, что видел меня за игрой и готов дать сто марок, если я пойду с ним и поддамся. Я согласился.

Гергос говорил ровно, но по-прежнему не смотрел на альсаха. Он снова видел узкие улочки Лулуаня и чувствовал запах пряностей, разврата и стали.

— Игра у Дядюшки шла по-крупному, но мне везло. Вскоре я выиграл почти тысячу марок, и вот тогда в игру вступил Коварэн. Я должен был поднимать ставки, а он — выигрывать. В конце вечера он обещал отдать мне треть — баснословные для меня тогда деньги.

— Он не сдержал слова? — предположил Албэни.

— Нет, он был честен со мной. Но через неделю мы снова сели играть, уже в другом клубе. Ставки росли, деньги — тоже. Еще через неделю я смог купить дом в Каргабана и нанял первых слуг. Мне казалось, еще немного, и я смогу избавиться от маски, заявить всем, что я Гергос, и занять подобающее положение. Но меня сгубила женщина.

— Женщина? — поразился Албэни. — Ты влюбился?

— Увы. Даже самые стойкие среди нас не безгрешны.

— Что случилось? Кем она была?

— Она была младшей сестрой Коварэна. Да и сейчас ею является, хоть уже давно вышла замуж и родила то ли пятерых, то ли шестерых детишек. Я не вникал. Но когда-то, почти двадцать лет назад, я не представлял для себя большего счастья, чем назвать ее своей.

— Что случилось?

— Я пришел к Коварэну и рассказал ему все, назвал свое настоящее имя и попросил руки его сестры. Их отец к тому времени уже умер, а старший из братьев уехал в Нашарат усмирять очередное восстание. Я был уверен, что мне не откажут. В конце концов, благодаря мне Коварэн получил кучу денег. Но, как оказалось, мое предложение было оскорбительным.

Голос Гергоса сделался сухим, как старая бумага.

— Он приказал спустить меня с лестницы, а когда я не позволил слугам меня схватить, взялся за хлыст... — Гергос замолчал.

Почему память так любит возвращать нас в самые неприятные, самые стыдные, самые страшные моменты? Вспоминать было больно и в то же время — приятно, как расчесывать укусы москита.

Албэни откашлялся.

— Ты вызвал его? — спросил он тихо.

— Разумеется. Но мне не повезло, это услышал один из друзей Коварэна, и тому пришлось согласиться. Но он знал, что не сможет победить, поэтому тем же вечером отправился к Дядюшке Лу и все ему рассказал. Точнее, он рассказал свою версию: что все это было моей идеей, что я постоянно жульничал, но сам Коварэн ни о чем не подозревал. Зато когда узнал, тут же разорвал все связи. Кто слышал о нашем конфликте, охотно подтвердили: да, умница Коварэн спустил подлеца с лестницы. После этого мне пришлось срочно уехать из Каргабана.

— Это подло.

— Я рад, что людская подлость еще может тебя удивлять. Меня этой способности лишили в довольно юном возрасте, но не все так плохо. Со временем я научился во всем видеть и светлые стороны. Ведь, останься я в Каргабана, то мог бы успеть повидать отца перед смертью, и он бы точно вычеркнул меня из завещания.

Албэни рассмеялся.

— Все было настолько плохо?

— О да, в Анкьере меня ненавидят. Мой старший брат, любимец отца и его единственное сокровище, узнав, что Великому Гергосу совсем плохо, бросился из столицы в поместье, забыв про весенние паводки. Мост размыло, мой брат решил пересечь реку вброд и утонул вместе с лошастью. Когда отец услышал об этом, его окончательно хватил удар. А так как моему племяннику на тот момент не было шестнадцати лет, главой рода стал я.

— Предполагаю, что было, когда ты наконец вернулся домой.

— О, встретили меня по-королевски. Особенно невестка — я прямо чувствовал, как ее

распирает от яда. Я был готов к примирению, но не она... За два месяца меня дважды называли самозванцем, один раз пытались отравить и четырежды — подставить с помощью продажных женщин, карт и опиума. Но увы. Я так и остался единственным совершеннолетним наследником Великого Гергоса.

— Что же заставило тебя вернуться в Каргабан?

Гергос холодно улыбнулся.

— Предчувствие. Несмотря на все старания дорогих родственников, жизнь в Анкьере была в достаточной мере скучной и предсказуемой. Я мог бы привыкнуть к ней со временем, остаться... Но я не могу распрощаться со старой жизнью, не отдав долги.

— Ты вернулся, чтобы отомстить Коварэну?

Гергос молча улыбнулся в ответ.

— И ты уже решил, как это будет? Ты снова вызовешь его на дуэль?

— Нет, это лишь сделает его мучеником в глазах общества. Конечно, Коварэн спас меня от очередного глупого брака, но его методы... Нет, друг мой, я хочу полностью уничтожить его. Сделать так, чтобы приличные люди стеснялись произносить его имя.

— Что ты замыслил?

— Ты помнишь его племянницу?

— Не думаю, что кто-либо успел забыть! Хотя прошло уже сколько? Два года? Ее побег из-под венца наделал много шума... Хм, если задуматься, у вас много общего.

Гергос остановился у окна, раздвинул шторы и выглянул на улицу. Люди, лошади, экипажи — день был в самом разгаре.

— Не так много, я подозреваю, — сказал он, не оборачиваясь. — Боюсь, история сбежавшей принцессы Коварэн не так проста, как кажется.

— Ты что-то узнал?

— Пока ничего определенного, но я умею ждать. К тому же судьба недавно послала мне чудесный подарок. Надо лишь решить, как им распорядиться. Видишь ли, Девиан, благородная девица может сбежать из дома любящего дядюшки, но она не может просто так исчезнуть. Почему она не обратилась к друзьям или другим родственникам? Ее ведь искали, но не нашли даже тела. Что с ней стало? Почему она не вернулась?

Албэни только руками развел.

— Я думаю, Атарьяна Коварэн сбежала не из-за предстоящей свадьбы, а от своего дяди. И если я узнаю настоящую причину, то его светлость наконец получит по заслугам.

— Знаешь, Онсо, иногда ты меня пугаешь... Двадцать лет мечтать о мести, а теперь использовать для этого несчастную девушку. Даже если тебе удастся ее найти, как ты заставить ее все тебе рассказать?

— О, это как раз просто, — улыбнулся Гергос, — я знаю одну формулу: немного сочувствия, капелька холодности, чуть-чуть ревности...

— Не думаешь же ты влюбить ее в себя?

Гергос не ответил, он продолжал наблюдать за суетой на улице.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПЛЕМЯННИЦА

ГЛАВА 7. ПРОПАЖА

Ри бежал, не разбирая дороги. Кажется, он толкнул кого-то, а потом едва не угодил под колеса экипажа. Люди оглядывались, вслед ему неслись возмущенные крики и проклятья. И лишь каким-то чудом он не заблудился и вылетел прямо к дому. Взбежав по ступенькам на крыльцо, он распахнул дверь и, кажется, впервые за последние полчаса смог вдохнуть.

Теперь он был в безопасности, теперь никто и ничто не могло ему навредить.

Кроме Эвретто. Наверное, у камердинера был нюх на такие вещи. Стоило Ри появиться на пороге в залитом вином и кровью камзоле, с разорванным рукавом, как Эвретто был тут как тут. Зоркие глаза тут же заметили пятна на черном бархате — что было не так-то просто! — и, как только Ри сделал несколько шагов, его окрикнули:

— Да ты, я вижу, не щенок, ты свинья.

Ри оскорбляли и раньше. Даже за последние полчаса он выслушал столько сомнительных комплиментов, что обижаться на Эвретто было, по меньшей мере, странно. Но напряжение и пережитый страх что-то в нем надломили. И теперь это что-то окончательно сломалось. Ри поступил так, как научился поступать за два года в Интернате. Он ударил камердинера его светлости Гергоса. Ударил больно и обидно — не так, как полагается бить воспитанному молодому человеку. Но Ри был сильно ниже Эвретто и поступить более изящно — например, свалить обидчика хуком справа — не мог.

Эвретто согнулся и зашипел. А Ри пошел своей дорогой — искать Митти, чтобы она помогла промыть и забинтовать рану. Но он добрался до кухни, так никого и не встретив. А потом его нагнал Эвретто. Первый же удар камердинера свалил Ри с ног, он приземлился на раненую руку, и осколок вошел глубже. Если бы не это, Ри тотчас бы вскочил и дал сдачи. Он умел драться и не боялся даже более крупных противников — в Интернате многие были выше и сильнее его. Но осколок стекла в правой ладони очень сильно мешал.

Поэтому — и только поэтому! — Эвретто удалось нанести второй удар. От третьего Ри увернулся, откатившись в сторону. Затем вскочил и бросился вперед — пинаясь, кусаясь и царапаясь здоровой рукой. На крики прибежали слуги и принялись разнимать дерущихся. Теперь и ливрея Эвретто была порвана и запачкана кровью. Волосы Ри стояли дыбом, а выражение лица, должно быть, было настолько диким, что кухарка, не удержавшись, вздохнула:

— Звереньш!

Ри шмыгнул разбитым носом.

— Он первый начал.

Но никто ему почему-то не поверил. Эвретто с достоинством поправил ливрею и пригладил волосы.

— Я сообщу его светлости, — пообещал он.

— Трус и стукач!

Это не прибавило ему одобрения в глазах других слуг. Видя вокруг лишь осуждающие взгляды, Ри выскочил из кухни.

— Эй! — донесся сзади тоненький голосок Митти. — Давай помогу!

Но Ри не остановился. Он пронесся по коридору, мимо дверей, и выбежал в холл. Там он столкнулся с богато одетой дамой, и только ее испуганный визг заставил его наконец прийти в себя.

— Госпожа Дакару!

— Ри? — недоверчиво спросила она. — Что-то случилось с его светлостью?

Большие голубые глаза смотрели на него с неподдельной тревогой. Ри попытался привести себя в порядок, но тут же зашипел — правая рука нестерпимо болела при каждом движении.

— Нет, — пробормотал Ри, — с дану... то есть с его светлостью все хорошо. Но его нет дома.

— Где он?

Тревога сменилась подозрением, госпожа Дакару сначала побледнела, потом ее хорошенькое личико залил румянец. А Ри только поразился, какая светлая у нее кожа, почти прозрачная. Не то что его собственная. И одежда — светло-голубое платье собрано спереди в красивые складки и чуть приподнято, чтобы были видны кружевные оборки панталон.

— Он в клубе, беседует с его сиятельством Албэни и... — тут Ри пришлось кашлянуть, прочищая горло, — и его светлостью Коварэном.

— А!

Госпожа Дакару заметно повеселела.

— А с тобой что приключилось? Ты ранен? Покажи руку.

Ослушаться было невозможно, и пришлось рассказать про упавший кувшин и небольшое происшествие на кухне — служанка только что вымыла полы, и Ри поскользнулся.

— Все тебе не везет, — вздохнула госпожа Дакару. — Пойдем, я помогу. Нет-нет, не спорь. Ты! — она обернулась к стоявшей в дверях Митти. — Принеси бинты и пинцет.

Маленькие тонкие пальчики госпожи Дакару двигались на удивление проворно. С другой стороны, а что в этом удивительного? Любовница дану Гергоса была талантливой художницей и музыкантшей. Впрочем, это не помешало ей стать бывшей любовницей дану Гергоса — тут же напомнил себе Ри, и от этого словно на душе посветлело.

— Расскажи... — начала Линая Дакару и снова смутилась, — как поживает его светлость?

Ри честно не знал, что ответить. За прошедшие три дня дану Гергос получил несколько приглашений на обед, посетил три вечеринки и принял бессчетное количество гостей. О прочитанных и написанных письмах Ри старался даже не думать. Но скажи он обо всем этом госпоже Дакару, и она снова начнет плакать. Она неплохо держалась, даже улыбалась немного, но глаза все равно подозрительно блестели.

А с другой стороны, не врать же? Еще подумает, что дану убит расставанием, и решит вернуться. Или остаться. Почему-то от мысли, что госпожа Дакару может поселиться в доме Гергоса, Ри стало нехорошо. Он осторожно сжал пальцы, проверяя, не осталось ли в ране стекла. Разрез по-прежнему саднил, но боль теперь была вполне терпимой.

— Я думаю, — осторожно сказал Ри, — что вам следует самой у него спросить.

— По-твоему, он скоро придет?

— Я не знаю. Он...

Вечер у Гергоса был уже полностью распланирован, если он и собирался зайти домой, то только для того, чтобы быстро переодеться.

— Пожалуй, ты прав, я подожду его светлость.

Ри закусил губу. Ну зачем ему лезть во все это? Надо промолчать.

Но Ри не промолчал.

— Я думаю, госпожа, будет лучше, если вы просто оставите карточку.

Госпожа Дакару вспыхнула на мгновение, но быстро справилась с собой. Сжав забинтованную руку Ри, она грустно улыбнулась:

— Я и тебе кажусь жалкой, да? Ну, хорошо! Пусть будет по-твоему, я подчинюсь совету мудрого пажа.

Она вынула из ридикюля аккуратную визитку и, попросив перо, быстро написала на обратной стороне несколько слов.

— Позаботься, чтобы никто, кроме его светлости, ее не увидел, — попросила она,

вручая Ри карточку. — Тебе я доверяю, но другие слуги... сам понимаешь.

Ри смущенно кивнул, чем заработал еще одну грустную улыбку.

— И береги его, Ри. Сбереги его для меня.

Она быстро ушла, оставив после себя легкий шлейф духов. Ри повертел в руках визитку, но разобрать написанного не смог. Нет, почерк у госпожи Дакару был на зависть многим, но то ли что-то в глаз попало, то ли камин чадил... Бросить бы ее в огонь! Но ведь нельзя, госпожа Дакару непременно спросит. Ри вздохнул и направился в покои хозяина.

Он никогда не был там без Гергоса, и теперь комната казалась непривычно большой и пустой. Спрятав визитку в шкатулке для драгоценностей, куда, кроме самого дану и Эвретто, никому заглядывать не полагалось, Ри быстро ушел. Вытирая тыльной стороной ладони глаза, он спустился на первый этаж и замер в недоумении.

Посреди холла стоял громоздкий, неприятного вида мужчина. Ри был настолько вымотан всем случившимся, что даже не сразу его узнал. А узнав, охнул и едва не бросился наутек.

Господин Тракас! Старый и уважаемый патрон Интерната, последний год изводивший Ри обещаниями выкупить его и «пристроить в дело», как он любил выражаться. Дану Гергос так и не встретился с ним. Когда господин Тракас пришел впервые, они с Ри как раз были в Уланду. Ри узнал об этом, когда разбирал скопившуюся за несколько дней корреспонденцию. Можно было подумать, что патрон понял намек и больше не вернется, но не тут-то было.

Ри замер у подножия лестницы, как кролик на удава, глядя на приближающееся грузное тело. Густые усы господина Тракаса свисали, как два понурых беличьих хвоста, на массивный подбородок, который незаметно переходил в мясистую шею, а та, в свою очередь, — в бочкообразную грудь. Верхние пуговицы камзола, как всегда, оставались не застегнуты, объемный живот перетягивал широкий камербанд. Длинные носки ботинок чуть загибались кверху. Ри сглотнул. Его самый страшный кошмар наяву.

— Не подходите! — пискнул он, когда господин Тракас сделал очередной шаг вперед.

Патрон не остановился, и только раздвинулись в насмешливой улыбке губы под усами. Глаза маслянисто блеснули, лапища с похожими на сосиски пальцами потянулась к Ри.

Тот отшатнулся и едва не упал, споткнувшись о ступеньку. Вывернулся в последний момент, проскочил под протянутой рукой и бросился к дверям.

***

Впервые за несколько месяцев Окъеллу Гергос сам открыл входную дверь. В просторном холле не оказалось ни слуг, ни дворецкого, никто не встретил его, не забрал трость. Никто, кажется, даже не заметил, что он вернулся. Из гостиной доносились громкие голоса, Гергос узнал глубокий баритон Парлато и постоял некоторое время, прислушиваясь. Затем встал в дверях гостиной и откашлялся.

— Ваша светлость! — тут же засуетились слуги.

Полицейский, до того сидевший на диване со стаканом лимонада, поспешно вскочил, едва не расплескав на дорогуший голубой шелк оранжевое питье. А вот тучный господин, которого раньше Гергос вроде бы не встречал, остался сидеть.

— Господин Гергос? — спросил он, поправляя камзол.

Окъеллу, не торопясь, осмотрел полицейского с ног до головы, потом перевел взгляд на дворецкого.

— Что здесь происходит?

Тучного господина он решил до поры до времени не замечать. Пока присутствующие переглядывались, решая, кому следует отвечать на вопрос, Гергос обежал взглядом гостиную и отметил, кого не хватает. Конечно, здесь были не все слуги, но одно лицо было странно не увидеть.

Наконец Эвретто выступил вперед.

— Ваша светлость, должен с прискорбием сообщить, что в доме произошла кража.

— В моем доме? — уточнил Гергос.

— Да, ваша светлость.

— И что же украли?

— Золотую цепь господина Тракаса, три кольца и коробочку для пастилок с инкрустацией.

— О, о последнем не беспокойтесь. Я сам ее отдал.

— Отдали, ваша светлость? Ри?

— Совершенно верно. Эвретто, а что у вас с лицом? Это что, синяк?

Камердинер явно смутился и чуть отвернул голову, чтобы синяк был не так заметен.

— Это произошло случайно.

— Несомненно. Это вы вызвали полицию?

— Да, ваша светлость. Господин Тракас настоял.

И снова господин Тракас. Имя вроде бы знакомое, но Гергос каждый день слышал столько имен, что давно перестал их запоминать. Он снова взглянул на тучного господина. Нет, они с ним определенно раньше не встречались.

— А что насчет колец и коробочки? Вы сами обнаружили пропажу?

— Да, ваша светлость.

— Когда? Как? Не помню, чтобы приказывал вам осматривать мои вещи.

— Нет, ваша светлость, но...

— Но что?

— Этот мальчик, паж.

— Ри?

— Да, ваша светлость, когда он вернулся сегодня днем, то был не в себе.

Стоявшие за спиной Эвретто слуги согласно закивали, некоторые — с мстительным удовольствием. Неужели Ри так быстро обзавелся врагами? Впрочем, ничего удивительного. Новый любимчик хозяина.

— Он порезался, — холодно сказал Гергос, смерив каждого тяжелым взглядом. — Это не такая уж заразная болезнь.

— Дело не в этом, он...

— Ну, говорите же, Эвретто, что с ним?

— Он вел себя неподобающим образом.

— А, так это он вас ударил! И как только дотянулся?

На помощь смущенному Эвретто пришел дворецкий.

— Напав на господина камердинера, мальчик провел полчаса с госпожой Дакару — она решила не дожидаться вашего возвращения и ушла в слезах. После этого ваш паж поднялся на второй этаж, зашел в вашу комнату и пробыл там какое-то время. Когда он спустился, его и увидел господин Тракас.

— А что вы делали в моем доме? — впервые обратился Гергос к тучному господину. — И кто вас впустил?

Тот наконец поднялся и довольно-таки нахально устоялся в ответ.

— Я вошел сам, ваша светлость, и собираюсь забрать мальчика.

— Какого еще мальчика?

— Ри!

— Ах да, этого мальчика... Но по какому праву?

— По праву собственности! — громыхнул Тракас. — Директор Боравадо составил необходимые документы на мое имя еще год назад!

Теперь Гергос вспомнил, где и когда слышал его имя. Патрон Интерната, давно положивший взгляд на Ри. Неудивительно, что тот предпочел стать вором.

— Возможно, достопочтенный директор Боравадо забыл упомянуть об этом во время нашего с ним разговора неделю назад. Если произошла ошибка, обратитесь к моему юристу. Парлато, вы помните адрес конторы?

— Конечно, ваша све...

— Мне не нужен никакой юрист! Я пришел за мальчишкой!

— Но его здесь нет.

— Потому что он обокрал меня и сбежал! Сдернул золотую цепь с моего пояса и удрал, маленький паршивец!

Милостивая Эйръярта, какая ирония! И ведь все — даже полицейский — понимают, что Тракас врет. Но слово благородного человека слишком весомо, и побег в подобных обстоятельствах выглядит как самое настоящее признание вины. Никто даже разбираться не станет. Гергос планировал припереть Ри к стенке с помощью родового перстня Албэни, господин Тракас использовал собственную золотую цепь. Как же отвратительно это выглядит со стороны...

Гергос вздохнул.

— Его кто-нибудь видел? — спросил он у Парлато.

— Нет, ваша светлость. Я слышал только, как хлопнула входная дверь, вышел в коридор и наткнулся на весьма раздосадованного господина Тракаса.

— После чего я и проверил драгоценности вашей светлости, — вставил Эвретто.

— И посчитали, что их украл Ри?

— Это несомненно, — кивнул дворецкий.

— Ри все-таки что-то украл... — недоверчиво повторил Гергос. — Я потрясен.

— Ничего удивительного, — наконец сумел вставить слово полицейский. — Интернатские воспитанники часто крадут. Это все кровь.

— Кровь? Какая кровь? — удивился Гергос.

— Их кровь, ваша светлость, — под неприятливым взглядом Гергоса полицейский начал слегка заикаться. — Их родители были пьяницами и ворами, и дети, сколько их ни воспитывай, идут той же дорогой.

— Так вы думаете, проблема в родителях Ри?

— Вы знали их, ваша светлость?

— Нет, я не был с ними знаком.

— Большинство воспитанников Интернета даже не знают, кто принес их туда. И все же кровь дает о себе знать. Я дам мальчишку в розыск.

— И что ему грозит в случае поимки?

Полицейский без особого интереса пожал плечами.

— Каторга, скорее всего. А может, отрубят руку и сошлют на работы.

— Я поражен, что с таким отношением в Каргабане кто-то еще решается воровать!

— Это все кровь, — повторил полицейский. — Ваша светлость.

Он поклонился и вышел.

— Эвретто, мне нужно переодеться. А потом пересчитайте кольца еще разок. Я уверен, они просто куда-то закатились. Парлато, все же дайте господину Тракасу адрес юридической конторы. Господин Тракас, был счастлив познакомиться. Эвретто, костюм!

В воображении порядочных каргабанцев район Лулуань всегда представляется грязным и мрачным местом, с заваленными мусором и телами пьяниц улицами, по которым вечно стелется зловонный туман. Даже просто дышать воздухом Лулуаня опасно для благовоспитанного человека, он наполнен миазмами и стонами — наполовину предсмертными, наполовину сладострастными.

Если откуда-то становится известно, что вы были в Лулуане, вашей репутации конец. Но Гергоса не сильно заботила его репутация, особенно в молодости. Когда-то он был завсегдатаем этих мест и, вновь оказавшись на тесных, но вполне чистых улочках злочного района, испытывал чувство сродни сентиментальной ностальгии по давно ушедшим денькам.

И, только дойдя до дома Дядюшки Лу, Гергос перестал улыбаться. Все-таки он рисковал, приходя сюда. У Дядюшки были очень цепкие пальцы и очень длинные руки, а еще паскудный, мстительный характер. Но другого способа найти Ри раньше полиции Гергос не знал. Мальчишка мог быть где угодно, встреча с Коварэном явно выбила его из колеи, он мог снова исчезнуть... И в то же время у самого Гергоса руки были связаны. Будет странно, если он начнет защищать мелкого воришку. Это привлечет внимание. Люди станут задавать вопросы.

Охранник у входа заступил ему путь. Гергос привычным, но забытым движением вскинул руки, позволяя осмотреть себя и ощупать карманы. Удовлетворившись, охранник кивнул и позволил пройти внутрь.

Вот тут обстановка больше походила на то, о чем шептались в престижных кварталах за закрытыми дверями. Масляные лампы из красного дымчатого стекла, сильный запах гашиша, развязный женский смех. Гергос улыбнулся. Насколько он помнил, Дядюшка Лу предпочитал работать при дневном свете, не курил и был крайне сдержан в общении с женским полом. Но он заботился о своей репутации не меньше чопорных старых дев.

Юнцы, которые обычно приходили сюда в надежде на удовольствие и легкие деньги, видели то, о чем втайне мечтал каждый добропорядочный каргабанец: свободу, разврат и нескончаемый праздник. Пьяных, опустившихся или просто мертвых Дядюшка Лу приказывал выносить через черный ход. Некоторых находили утром на берегу, других — никогда.

— Кого я вижу! — услышал Гергос и неторопливо обернулся.

Доверенных лиц Дядюшки вполне логично называли Племянниками. И сейчас перед ним был старший из них — Фенхо. Гергос сложил пальцы в приветственном жесте. Это движение было известно многим, но мало кто решался его использовать. Это дозволялось только близкому кругу Дядюшки, остальных жестоко наказывали.

— Зачем ты пришел? — спросил Фенхо, не торопясь ответить на жест.

— Мне нужна помощь.

Племянник хмыкнул.

— Неужели Великолепный Онсо Гергос чего-то не может сам?

Окьеллу мягко улыбнулся.

— Я не могу быть таким же незаметным, как раньше.

— Так тебе нужны наши Пауки?

— Мне хватит и пары человек. Дело несложное.

— И ты думаешь, Дядюшка обрадуется твоему визиту?

— Теперь у меня есть деньги.

— Мы и так не голодаем.

Гергос чуть склонил голову. Что спорить? Фенхо либо пропустит его — а он должен был это сделать по всем правилам, — либо прогонит. Но тогда придется устроить скандал. Гергос ждал. Наконец Фенхо мотнул головой, быстро сложил пальцы в ответном жесте и кивнул в сторону дальней двери.

— Иди уже.

Гергос вежливо поклонился и пошел в указанном направлении. Где найти Дядюшку, он знал и так. Лу не любил перемены и, раз выбрав самую светлую и просторную комнату, никуда из нее не переезжал.

Но за двадцать лет глава преступного Каргабана сильно изменился. Гергос такого не ожидал. Он помнил жесткого, подтянутого мужчину, без возраста, без страстей, без слабостей. Железный человек, стальной, неуязвимый. А теперь, открыв дверь и войдя, он увидел перед собой старика.

Сколько же ему лет? Шестьдесят? Семьдесят?

Гергос снова поклонился, на этот раз ниже, но с достоинством. Теперь они были почти равны. Гергос наверняка был богаче, а Дядюшка Лу — чуть свободнее в средствах. Но, начнись между ними война, никто не скажет заранее, кто победит. Зато от Каргабана могут остаться одни лишь головешки.

Лу сощурил подслеповатые глаза.

— Возьми стул.

Гергос спрятал улыбку и взялся за спинку стоящего у двери стула. Обычно посетители слушали распоряжения Дядюшки стоя. Право сидеть в его присутствии получали лишь избранные. Это было хорошим знаком. Видимо, Лу не собирался припоминать старые грешки и признавал равенство.

Гергос сел напротив и сложил на коленях руки. Все-таки Лу был старше, и ему полагалось говорить первым.

— Я слышал, тебя обокрали.

Гергос даже не удивился.

— Да, один жадный человек решил отобрать у меня слугу, а камердинер спрятал где-то несколько побрякушек.

— Раньше из-за тебя дрались кредиторы, теперь — слуги.

— Ри — не совсем обычный слуга.

Дядюшка улыбнулся щербатым ртом, морщинки вокруг губ обозначились сильнее.

— Ты хочешь его вернуть.

— Да. Желательно до того, как он попадет в полицию.

— И ты хочешь, чтобы я тебе помог.

Гергос снова поклонился.

— Я не останусь в долгу.

— Не сомневаюсь. Но что если я попрошу не денег?

И снова ничего удивительного. Дядюшка никогда не просил то, что человек был готов легко отдать. Ему не нужны были деньги, он собирал души.

— И чего же ты хочешь за Ри?

— Чтобы ты сыграл сегодня.

— В Каргабане закончились каталы?

— Нет, я только вчера приказал одного повесить — слишком много их развелось в последнее время.

— И все же ты просишь меня сыграть.

— Я не прошу, — снова улыбнулся Лу, — ты просишь.

— С кем и когда?

— Сегодня вечером мы ждем важного гостя. Старший сын лаонта Крассона недавно получил полное право на наследство своей матушки. Ты мне его добудешь.

— И какова сумма?

— Пятьдесят тысяч.

— Целое состояние.

— Именно. Целое состояние господина старшего сына.

И снова вопрос был не в деньгах. Лу зачем-то понадобилось взять под колпак этого мальчишку, и лучший способ — лишить его средств.

Словно угадав мысли Гергоса, Лу добавил.

— Деньги можешь оставить себе. Наймешь нового камердинера.

— Когда я смогу забрать Ри?

— Как только я получу Крассона. По рукам?

Гергос улыбнулся самой ледяной из своих улыбок.

— По рукам.

ГЛАВА 8. ДЯДЮШКИ И ПЛЕМЯННИКИ

Ри не хотел убегать, но у него не осталось выбора. За ним следили. Станный человек в черном камзоле преследовал его от самого дома. Ри хотел вернуться, но тут перед ним появился еще один черный человек, и Ри пришлось удирать. Сначала он даже сумел оторваться. Пробежал через рынок, нырнул под арку, прошел насквозь мясницкую лавку и вышел с другой стороны площади. Но черных преследователей оказалось больше двух. Пока одни тщетно искали его в торговых рядах, другие, заметив, тут же попытались схватить.

У Ри болела рука, ныли ребра от ударов Эвретто и начинали кровоточить ноги — новые ботинки пажа совсем не подходили для бега по городским улицам. Он попробовал улизнуть, взобравшись по стене на крышу, но не успел добраться до самого верха — его сдернули. Тут же на голову опустился черный мешок. Ри хотел укусить обидчика, но лишь заработал пощечину, от которой тут же зазвенело в голове. Итак, его кто-то похитил.

Потом Ри посадили в карету и долго куда-то везли. Карета тряслась, вихляла и подпрыгивала на кочках, и Ри за время путешествия обзавелся парочкой свежих синяков. Он даже пожалел, что госпожа Дакару вынула стекло из его ладони. Если бы она оставила хоть кусочек, то он мог бы сейчас вытащить его и перетереть стягивавшие руки веревки.

Карета не останавливалась. Она все ехала и ехала, и Ри понял, что везут его куда-то за город, может быть, очень далеко, может быть, чтобы убить. Он начал кричать и вырываться.

Неожиданно с головы сдернули мешок, а к губам приставили горлышко серебряной фляги. Ри плевался и отбивался, но безуспешно — похитителям, двум здоровенным мужланам, все-таки удалось влить ему в рот немного противной горькой жидкости, после

чего Ри внезапно обмяк. В глазах поплыло, и он чуть не свалился на пол.

Очнулся Ри, когда путешествие закончилось. Он обнаружил, что лежит на широкой тахте в незнакомом доме. Руки его по-прежнему были связаны, но мешка не было. А еще кто-то сменил на ране повязку. Выходит, убивать его пока не будут? Или бинты сняли, чтобы проверить, не спрятал ли он чего?

Ри осторожно огляделся. В ушах по-прежнему немного шумело, и предметы иногда расплывались в очень необычные формы, но в остальном он чувствовал себя вполне здоровым. Ри подошел к окну и выглянул наружу. Пейзаж был явно незнакомый, но вполне подходящий для предместья Каргабана. С одной стороны тянулись аккуратные домики — хозяйственные постройки, с другой начиналось поле. Не убили и не увезли далеко. Значит, чего-то хотят? Но чего мог хотеть владелец этого поместья от простого пажа?

Ничего. И Ри сделалось страшно.

Он взобрался на подоконник и попытался открыть окно. Когда ничего не вышло, он взялся за стул и несколько раз ударил по стеклу, надеясь его разбить. Тоже не получилось. Связанными руками орудовать стулом было очень неудобно, ножки лишь скользили по стеклу, не причиняя тому ни малейшего вреда. Но чем разрезать веревки?

Ри прошелся по комнате, все более обеспокоенный. Кто-то неплохо подготовился. В комнате не было ни одного острого или режущего предмета. Даже решетку камина сняли! Значит, его заранее планировали похитить?

Наверное, у дану Гергоса были враги. Но почему Ри просто не попытались подкупить? Он бы даже подыграл в надежде заработать несколько марок! Добравшись до двери — разумеется, запертой, — Ри принялся кричать и дергать за ручку. Он снял тесные башмаки и несколько раз ударил ими. Никто не пришел. И даже не заругался на шум.

— Здесь вообще есть хоть кто-нибудь?!

Ему не ответило даже эхо.

Ри снова опустился на тахту и стал думать. Его похитил кто-то странный, очень странный. Кто-то привел его в пустой дом и запер. И что дальше? Даже наблюдая за птицами из окна, Ри очень быстро затосковал. Рука его почти не беспокоила, синяки на ребрах забылись, да и узкие туфли больше не жали.

Может быть, его хотят уморить? Эта мысль заставила Ри снова вскочить и заходить по комнате. Однажды в Интернате он слышал историю про странного вельможу, который крал маленьких мальчиков, издевался над ними, а потом подкладывал трупики их матерям. Вдруг Ри украл именно такой вельможа?

— Тогда его ждет очень большой сюрприз, — вслух сказал Ри и захихикал.

Казалось, он сидит один уже несколько часов. Если бы не солнце за окном, Ри даже сказал бы, что несколько дней. В общем, ужасно долго. Но ведь еще даже не начало темнеть! Почему время так тянется?

Вдруг на дорожке захрустел гравий. Подскочив к окну, Ри увидел богато украшенную карету с вензелем на двери. При виде этого вензеля, а потом и человека, вышедшего из кареты, Ри снова заметался по комнате.

Ну должно же быть здесь хоть что-то острое!

За дверью послышались шаги, затем щелкнул замок, и на пороге появился почти лысый мужчина с остатками темно-рыжих волос за ушами. Он придирчиво взглянул на застывшего посреди комнаты Ри и закрыл за собой дверь.

— Ваше высочество, — он поклонился с издевательской улыбкой.

— Дядя, — прошептал Ри.

Когда Коварэн шагнул вперед, Ри отступил, потом еще и еще, пока не уперся в стену.

— Чего вы хотите? — высоким голосом спросил он.

— Я желаю вам только добра, ваше высочество

Ри оскалился.

— Тогда зачем похитили?

— У меня не было другого выхода. Гергос никогда не отпустил бы вас.

— Он, в отличие от вас, не набрасывал мне на голову грязный мешок и не опаивал всякой гадостью!

— Согласен, это было уже слишком. Но, боюсь, вы не оставили мне выбора. Если бы не ваш побег... — он замолчал и скорбно поджал губы.

— Вы прекрасно знаете, почему я сбежал.

— Ах да, то недоразумение...

— Недоразумение! Вы хотели отравить...

— Тихо! — крикнул Коварэн, а затем добавил, уже мягче: — Тихе, ваше высочество. Даже у стен есть уши, а мне бы не хотелось, чтобы поползли слухи.

Ри сглотнул.

— Я никому не говорил. Не рассказывал.

Коварэн нахмурился.

— Так ли это нужно?

— Что «это»?

— Говорить о себе в мужском роде. Вы ведь девушка, Атарьяна, прекрасная молодая девушка, которой совсем не к лицу этот маскарад.

Всерьез опасаясь, что его прямо сейчас решат переодеть, Ри вцепился в воротник камзола.

— А что еще мне было делать? Не мог же... не могла же я бродить по Каргабану, одетая как девочка.

— Нет, конечно же нет, — согласился Коварэн. — Но вам и не надо было убегать.

— Разве?

— Конечно. Мы ведь могли спокойно сесть и все обсудить. Тихо, мирно, по-родственному.

— Но вы хотели отравить рисса.

— Чепуха! Никто не желает зла его величеству.

— Но я видела яд.

— Никто не собирался его использовать. Яд был нужен, чтобы убедить рисса в серьезности наших намерений, но никто не хотел его убивать.

Ее высочество принцесса Атарьяна Коварэн недоверчиво поморщилась.

— Вы совсем за дуру меня держите? Никто не собирался! Никто не хотел! Я хоть и не во дворце росла, но знаю, как выглядит заговор!

Коварэн перестал улыбаться.

— Раз так, то давайте поговорим как взрослые, искушенные в интригах люди. Кому вы успели рассказать, Атарьяна?

— Нико... — она замолчала.

— Успели проболтаться Гергосу?

— Если так, вы и его похитите? Или проще сразу отравить?

Коварэн пожал плечами.

— На всякого найдется управа. Кому еще?

— Я написала несколько писем и оставила их в тайниках.

— Сколько писем?

— Пять.

— Кому адресованы?

— Это... это не имеет значения. Они существуют, и этого достаточно.

— Кто знает про тайники?

— Никто!

— То есть в случае вашей гибели письма так и останутся лежать.

Атарьяна быстро прикусила нижнюю губу.

— На них могут наткнуться. Случайно.

— Знаете, моя дорогая, мне кажется, вы врете. Нет никаких писем и тайников. Если бы они существовали, вы бы не стали сбегать, а сразу бы пришли ко мне и продиктовали свои условия. Вы просто глупая маленькая девчонка.

— И что же вы собираетесь делать, дорогой дядюшка? Убьете меня?

— Если придется, — холодно ответил Коварэн. — Но мне бы не хотелось прибегать к этому способу. В конце концов, вы дочь моего старшего брата, я испытываю к вам родственные чувства.

— Заметно.

— Я дам вам шанс. Расскажите мне все, что видели и успели узнать, а также кому и когда проболтались. Если вы будете честны и откровенны со мной, то останетесь живы.

— И что со мной будет? Я смогу вернуться к брату? Меня представят риссу?

— Нет, это было бы слишком рискованно. Вы пострижетесь в Дочери Эйры, потом напишете письмо своему брату, в котором объясните, что последние два года провели в молитвах и что намерены продолжать идти по пути благочестия. Вы не вернетесь в Каргабан, но останетесь живы.

— А если я не соглашусь?

— Тогда мне придется найти аргументы, которые вас убедят.

— Какие, например?

Коварэн снова пожевал губами.

— Мне бы, право, не хотелось прибегать к жестокости... Но в этом далеком от идеала мире существует куча способов сломать человека. Особенно молодую женщину. Соглашайтесь, Атарьяна. Это в ваших же интересах.

— Я могу подумать?

— Разве двух лет было недостаточно? Но хорошо, хорошо, к чему упираться? Успокойтесь, поешьте, выпитесь хорошенько. А завтра мы поговорим снова. В конце концов, куда нам торопиться?

Атарьяна постаралась ничем себя не выдать, но Коварэн наблюдал за ней очень внимательно.

— Вы надеетесь, что Гергос вас найдет? — догадался он. — И не мечтайте. Я обо всем позаботился. В ближайшее время ему будет чем заняться. Как знать, возможно, ему даже придется уехать из Тобрагоны?

Он отошел к двери и снова поклонился.

— Я прикажу принести еду.

— Развяжите меня.

— Мне кажется, это будет лишним.

***

Игра продолжалась далеко за полночь. Юный Крассон с каждым часом становился все бледнее, и только на щеках горело несколько пятен нездорового румянца. Гергос не торопился, стараясь не передавить, чтобы мальчишка не вышел из игры раньше времени. Он позволял ему отыгрываться, возвращая свои деньги через несколько партий, иногда Крассон даже уходил в плюс. Но постепенно ставки росли. Они начинали с тысячи, а теперь речь шла уже о двадцати пяти.

Крассон отер со лба испарину. Две партии назад он крупно проиграл, но теперь удача словно сама лезла ему в руки. Если выиграть этот раунд, он сможет удвоить свое состояние. Гергос не торопился.

— Я повышаю, — сказал он.

На стол легла еще одна расписка — Гергос уже не помнил, чья именно. Он видел только цифры. Тридцать тысяч. Крассон побледнел еще сильнее, глаза его забегали. Уйти и в итоге выиграть за вечер какие-то жалкие четыреста пятьдесят марок? Или одним махом сделаться богаче собственного отца, обрести свободу? Гергос молча приподнял бровь. Теперь любое вмешательство с его стороны могло только навредить. Если мальчишка испугается...

Крассон дернул шейный платок и бросил в кучу все лежащие перед ним бумаги.

— Принимаю, и еще триста сверху!

Сыграно! Но все равно нельзя забывать об осторожности.

Гергос потянул на себя новую карту. Он хорошо знал эту колоду, чувствовал насечки под пальцами, заранее просчитал, что обойдет Крассона лишь на пару очков. Может, это научит молодого глупца не ходить в Лулуань?

Мальчишка снова вытер лоб, забарабанил по столу, нервно поглядывая на свои карты. По расчетам Гергоса, у него был хороший расклад. С таким можно идти ва-банк, шанс нарваться на старшую комбинацию на этом этапе игры почти нулевой. Почти.

Гергос снова провел пальцем по насечке. Если бы не крапленые карты, он выбыл бы из игры еще несколько раундов назад. Конечно, если бы не его искусство и тонкий расчет, Крассон проигрался бы еще раньше. Но тогда бы он потерял всего тысяч пять, а Дядюшка Лу хотел все пятьдесят.

Снова пришлось напомнить себе, ради чего он сел за этот стол. Ри грозила опасность. И, возможно, только Лу мог найти его достаточно быстро. Но таким способом? Гергос чуть не поморщился. Нашел время! Раньше надо было думать! Если так ценишь честь и репутацию, не стоило вообще приходить в Лулуань. Гергос на мгновение закрыл глаза.

— Принимаю.

Он положил карту рубашкой вверх и сдвинул ее на середину стола. Крассон сделал то же самое. Потом оба, не глядя, взяли по новой карте из оставшейся колоды. Гергос заранее знал, что придет. Глаза Крассона блеснули. Он тоже получил желаемое. Теперь только если отданная Гергосом карта окажется нужной масти...

Лицо Окъеллу превратилось в ничего не выражающую маску. Сейчас, еще мгновение. Он чувствовал приближающийся шторм. В воздухе уже почти плясали молнии.

— Открываем! — азартно воскликнул Крассон и первым потянулся к своей карте.

Гергос быстрым движением опрокинул собственную. Как он и думал. С противоположной стороны стола раздался восторженный вопль. Крассон вскочил, срывая с

шеи платок, вытирая лицо и недоверчиво глядя на собственные карты. Гергос едва заметно улыбнулся и выложил свои.

Медленно. По одной. С каждым мгновением улыбка на лице Крассона становилась все неувереннее, уголки рта задрожали, опускаясь, в глазах блеснуло беспокойство. Он быстро переводил взгляд с лица Гергоса на стол и обратно.

Окьеллу выложил последнюю карту.

— Поздравляю, Крассон, вы победили.

Он почти не слышал нового радостного крика. Уши словно заложило, только невозможно громко стучала кровь в висках, и жгло затылок от злого взгляда Фенхо. Гергос встал и поклонился своему противнику. Потом обернулся и поклонился старшему Племяннику Дядюшки Лу.

— Господа, благодарю за прекрасный вечер.

Он вышел, прекрасно зная, что уйти из квартала ему не дадут. Фенхо и еще трое встретили его у первой же развилки.

— Как это понимать? — спросил старший Племянник.

— Я передумал.

Опасно блеснула улыбка. Гергос сильнее сжал рукоять трости. Ближе, чем на три шага, Фенхо подпускать нельзя. Иначе смерть. Мог ли Дядюшка приказать убить его? Гергос на всякий случай распустил тугой узел шейного платка. Он уверял себя, что ничуть не боится, но все же был не слишком уверен. Один против четверых. Проигрывая, он надеялся, что противников будет максимум трое.

Но он не жалел. Всегда можно найти иной способ: подкупить полицейского, выкрасть Ри из отделения, организовать побег... Для этого не нужно рушить жизнь молодого балбеса. Когда-то Гергос и сам был на его месте, и спасло его тогда лишь чудо. Приятно было самому стать таким чудом. И особенно приятно оттого, что сделал он это, в том числе, ради Ри. Еще один спасенный мальчишка. Гергос усмехнулся.

— Приступим?

Первым ударил тот, что был справа, надеялся, что Гергос не успеет вытащить клинок. Он ошибся. Окьеллу быстро отступил на шаг и встретил противника прямым выпадом. Тут же крутанулся, уходя от следующего удара. Драться он учился на тех же улицах, что и его противники, но все же имел некоторое преимущество — десять лет под опекой лучшего фехтовальщика Анкьера. Когда речь заходила о чести рода, отец не скупился. Это любовь он отмерял по капле, а деньги Великого Гергоса мало заботили.

И все же нападавшие, за исключением разве что Фенхо, были моложе. Если не разобраться с ними за несколько минут, они его просто вымотают. Пока что легкий перевес был на стороне Окьеллу. Все вместе его противники нападать не могли — да благословит Тавох узкие улочки Лулуаня! — а атаки одного или двоих Гергос отражал без особого труда. Он успел разоружить первого, отшвырнув нож себе за спину, и ранить второго — в правую руку, но враг неплохо орудовал и левой. Фенхо пока держался сзади, наверное, хотел собственноручно нанести решающий удар.

Постепенно положение выравнивалось, а затем Гергос начал отступать. Он отходил неторопливо, мастерски — шаг назад и полшажочка вперед, не давая загнать себя в угол и не слишком обнадеживая. Пот стекал по лицу, рубашка на спине промокла. Времени у него оставалось немного. Шаг вперед, в сторону и неожиданный выпад — и один из людей Дядюшки свалился, безуспешно пытаясь зажать рану на животе. Он упал прямо под ноги

своему товарищу, тот перепрыгнул — и напоролся на клинок Гергоса.

Двое против одного. Уже лучше. Гергос прекратил притворное отступление. Теперь следовало держаться очень аккуратно. Фенхо был неудобным противником. Даже двадцать лет назад Окъеллу не всегда удавалось победить его в драке. Фенхо был быстрым и хитрым, ни его ноги, ни глаза не выдавали намерений. За двадцать лет старший Племянник мог научиться куче новых трюков. Гергос ушел в защиту, отразил несколько ударов — скорее пробных, ищущих, чем на самом деле опасных. Потом Фенхо скакнул вперед в неожиданном финте, путая и выматывая диким темпом ударов. Гергосу пришлось отступить. Теперь уже по-настоящему.

Второй его противник держался чуть в стороне, но это не слишком помогало. Скорее наоборот. Так Фенхо мог показать все, на что способен, ему никто не мешал.

Из окружающих домов, словно крысы, выглядывали люди. Но никто не кричал, не звал полицию, и вмешиваться в происходящее тоже не торопились. Все знали, что Дядюшка Лу сам решает свои проблемы. Даже если Гергос победит, никто из них не бросится на него, чтобы отомстить или добить. Если Дядюшка послал четырех человек и они не справились, это было ошибкой самого Дядюшки. И он не любил, когда другие указывали ему на его ошибки.

Гергос поднырнул под новый выпад, позволяя Фенхо приблизиться. Он надеялся, что Племянник хоть на мгновение потеряет равновесие, шагнет чуть дальше, чем рассчитывал, но нет. Тот двигался с нечеловеческой точностью и проворством. Резко изменив направление удара, Фенхо обрушил гарду на голову Гергоса. Окъеллу покачнулся и пропустил следующий удар. Лезвие полоснуло по руке, заставляя выпустить оружие.

Гергос инстинктивно отскочил назад, уворачиваясь от новой атаки. Выхватил из-за пояса кинжал. Учитывая узость переулка, он почти ничего не потерял в боевой мощи, но зато приобрел в маневренности. Следующие несколько обменов ударами позволили ему отвоевать потерянное пространство. Фенхо отбросил длинный клинок и тоже взялся за кинжал. Насколько помнил Гергос, с этим оружием он обращался даже лучше.

Пропущенные удары начинали сказываться. Боковое зрение поплыло, движения замедлялись. Гергос отступил на несколько шагов, давая себе небольшую передышку. Вряд ли его хотят убить. Но покалечить, вывести из строя на несколько недель — запросто. А в это время Дядюшка разыщет Ри и выяснит, что такого особенного в этом паже, что дану Гергос так за него переживал. И тогда все будет зря.

Гергос быстро вытер рукавом пот с лица. Он выложится на полную, сделает все, что только сможет, возможное и невозможное. Он обязан. Но поможет ли это?

Новая атака Фенхо снова заставила его отступить. Оказавшись у развилки, Гергос был вынужден свернуть не туда. Чувствуя за спиной тупик, он бросился вперед, отчаянным усилием отвоевав несколько шагов. Но уже следующая контратака вернула его на предыдущую позицию. Он слишком устал. А Фенхо был слишком умен. И слишком предан Дядюшке — сколько ни пообещай, подкупить его не получится.

Гергос плотнее ухватился за кинжал, чувствуя, как рукоять начинает скользить в мокрой от пота и крови ладони. Еще несколько выпадов, и все кончится.

— Господа, а что здесь происходит?

Юный, немного развязный и такой знакомый голос. Гергос даже на мгновение не отвел взгляда от клинка Фенхо, но он узнал говорившего, и в душе зашевелилась надежда.

— Иди своей дорогой, Крассон, — не поворачиваясь, ответил старший Племянник.

Это был прекрасный момент для атаки, но Гергос слишком устал и потратил его на отдых. Мышцы горели, плечи и бедра сводило болезненной судорогой усталости.

Послышался шелест вытягиваемого из ножен короткого меча. Гергос мысленно вознес благодарственную молитву Керпо, и это едва не стоило ему жизни. Фенхо прыгнул вперед, и что-то в его движениях неуловимо изменилось — он больше не пытался ранить, он хотел убить. Крассона встретил последний из нападающих. Но он все же был не так хорош, а Крассон — не так пьян. К тому же мальчишка по-прежнему верил в свою непобедимость и непреходящую удачу. Нередко это становится причиной быстрой смерти, но на этот раз Крассону и впрямь повезло. Его противник не ожидал такого напора. Все закончилось в несколько выпадов.

Видя, что теперь расклад не в его пользу, Фенхо отступил. Едва ли Крассон знал, с кем имеет дело, но наверняка почувствовал что-то, догадался. Он позволил старшему Племяннику пройти мимо. Оказавшись на безопасном расстоянии, Фенхо убрал кинжал. Он ничего не сказал, но по его взгляду Гергос понял: война.

Он выдохнул и едва не свалился на землю от усталости. Подскочивший к нему Крассон помог удержаться на ногах.

— Идемте, Гергос, пока другие не пришли.

Кажется, в голосе молодого человека проскользнул страх. Неужели все-таки знал, с кем схлестнулся? И ради кого? Впрочем, некоторые люди даже не самого лучшего толка становятся ужасно благородны, стоит случиться чему-нибудь хорошему. А почти шестьдесят тысяч выигрыша — это что-то очень хорошее.

— Сегодня нам позволят уйти, — сказал Гергос, когда понял, что уже не задыхается. — Но с завтрашнего дня, Крассон, вам стоит чаще оглядываться и не ходить одному.

Мальчишка кивнул с на удивление серьезным, понимающим видом.

ГЛАВА 9. СЛИШКОМ МНОГОЕ ПОСТАВЛЕНО НА КАРТУ

Принцесса Атарьяна Коварэн нехорошо выругалась. Потом еще раз обежала взглядом комнату. Должен быть выход, должен быть! Может, удастся подкупить кого-нибудь из слуг? В конце концов, золотое шитье на ее камзоле стоит немало. Она перекусила нитку на рукаве и потянула, отрывая красивую вышивку.

И времени только до утра. Согласиться на предложение Коварэна невыносимо. Но что если не останется других вариантов? И что там дядюшка болтал о Гергосе? Что подстроил, в какую ловушку заманил дану? Ри, безусловно, верил в хитрость и изворотливость своего хозяина. Но опыт принцессы Атарьяны подсказывал, что даже на самых сильных и богатых можно найти управу. Если подумать, то тем более на них.

Необходимо выбраться! Но сначала — поесть. До этого момента она даже не осознавала, насколько проголодалась. В последний раз она ела ранним утром — успела перехватить несколько булочек до того, как на кухню спустился вечно всем недовольный Эвретто. Атарьяна грустно улыбнулась. А ведь когда-то ссоры с противным камердинером были ее самой большой проблемой. Когда-то! Да она врезала ему всего несколько часов назад! Принцесса, нечего сказать.

Атарьяна еще раз тихонько хихикнула, закрыла глаза на мгновение и снова превратилась в Ри. У шептунного мальчишки из Интерната Толорозы было больше шансов сбежать, чем у изнеженной принцессы. В чем-то Коварэн был прав: жизнь богатой наследницы ее немногому научила. Зато улицы Каргабана не скупилась на уроки.

Снова щелкнул замок. Вошел один из похитителей, тот, у которого была фляга. Ри

против воли ощерил зубы. Договариваться? Да этот громила скорее силой сдерет с одежды всю дорогую вышивку, а может, и просто заставит раздеться, в конце концов, бархат тоже стоит немало. Ри отвернулся, пытаясь скрыть румянец. Нет, такой поворот вряд ли поспособствует побегу.

В качестве ужина подали какую-то непонятную жижу — то ли рагу, то ли суп. И ложку. Но зато чашка была керамической. Ри скривился.

— Что это?

— Еда.

— Я не стану это есть.

— Тогда голодай.

Громила хотел забрать у него миску, но Ри не позволил.

— Передай хозяину, что я требую нормальной еды!

— Ага, уже бегу.

Мужчина снова попытался выхватить посуду, но Ри с гневным криком швырнул миску на пол. Осколки вперемишку с кусками мяса и овощей разлетелись по комнате. Громила зарычал, глядя на свои забрызганные штаны, и бросился на Ри. Тот ловко увернулся, потом кувырнулся через голову и незаметно поднял один из осколков. Ри был плохим вором, но прятать вещи в рукаве научился очень давно.

Добившись желаемого, он заорал. Так громко, как только мог. Высоко, срываясь на пронзительный девчачий визг. Громила замер. В коридоре уже слышались торопливые шаги, и через минуту в комнату вбежал всклокоченный Коварэн.

— Что здесь происходит?

— Он напал на меня! — звонко выкрикнул Ри.

Коварэн перевел взгляд с него на разбитую чашку, затем на громилу.

— Я приказывал обращаться с мальчиком как можно мягче!

— Да я ничего не сделал! Он сам!

— Сам?

— Ну да, заявил, что не станет есть, грохнул миску, разорался...

— Сам, — повторил Коварэн и пошел к Ри. — Покажи руки!

Ри протянул обе руки ладонями вверх. Коварэн грубо схватил их, покрутил, затем ощупал рукава до локтя, посмотрел, не спрятано ли чего за поясом.

— Что не так с едой? — спросил он уже мягче.

— Я хочу нормального мяса. Жареного. С травами. А не эти разваренные помои.

— Еще что-нибудь?

— Пару булочек с заварным кремом?

К большому удивлению Ри, Коварэн улыбнулся.

— Я постараюсь их раздобыть, ваше высочество.

Он коротко поклонился. Громила хмыкнул. Видимо, решил, что это шутка и хозяин просто издевается над заносчивым пленником. Ри смерил его презрительным взглядом.

— Пусть кто-нибудь здесь приберет, — велел Коварэн.

После этого двое мужчин ушли, а через несколько минут в комнату проскользнуло тонкое испуганное создание, наверное, одних с Ри лет.

— Пожалуйста, господин, — пролепетала служанка, — вы не могли бы отойти к дальней стене?

Ри выполнил ее просьбу. Ссориться с прислугой он не собирался. Служанка быстро

убрала остатки разбитой миски и вытерла пол. Она иногда бросала на Ри настороженные взгляды, но он старался даже не шевелиться лишней раз, и постепенно служанка перестала так трястись. В конце она даже улыбнулась ему.

— Спасибо, господин, — и добавила, чуть осмелев: — Булочки будут готовы через час.

Она выскользнула из комнаты, не дожидаясь ответа. А Ри тоскливо вздохнул: булочек было жалко — но оставаться пленником он не собирался. Удостоверившись, что дверь снова закрыта и никто не идет, Ри запустил руку за ворот камзола и вытащил осколок. Он спрятал его там, пока Коварэн ругал громилу. Все-таки в его положении были и свои преимущества: некоторые части тела дорогой дядюшка явно побоялся осматривать. Это касалось, в особенности, перевязанной груди. Но между двух слоев плотной ткани, можно было спрятать почти что угодно.

Взяв осколок в руку, Ри принялся тереть веревку. Край был не слишком острым, и дело заняло несколько минут. Высвободив одну кисть, Ри быстро распутал узел. Веревка еще могла пригодиться.

Снова проверив дверь, Ри вернулся к окну. Теперь, со свободными руками, он мог замахнуться как следует. Стекло треснуло после третьего удара. Ри прицелился получше и заехал ножкой в самую большую трещину. Стекло с грохотом осыпалось. Ри отскочил, чтобы его не задело, и не услышал, как за его спиной снова открылась дверь.

— Как предсказуемо, — вздохнул Коварэн.

Ри подпрыгнул от неожиданности.

— А ведь я надеялся, что мы поняли друг друга.

— Это не я, — пролепетал Ри. — Оно само разбилось.

— Несомненно. Как и миска. У меня было время, я сложил принесенные служанкой осколки и увидел, что одного не хватает. Ах, Атарьяна, как же глупо!

Последнее он выкрикнул с явной досадой.

— Неразумное дитя, почему ты отказываешься слушаться?

— Потому что вы похитили меня и держите взаперти?

— Это для твоего же блага!

Ри промолчал. Он понимал, что попался, и готовился к драке. В конце концов, с Эвретто получилось неплохо, может, удастся и Коварэну оставить пару синяков на память? Выбраться живым он уже не рассчитывал.

— Идем!

Коварэн схватил его за руку, порезанную, и Ри невольно зашипел от боли. Дорогой дядюшка надавил сильнее.

— И даже не пробуй сбежать.

Он потащил Ри в коридор, потом по лестнице вниз, потом снова по какому-то коридору, пока не остановился перед обитой железными полосами дверью. Ри сглотнул.

— Это темница?

— Нет, кое-что получше, — ухмыльнулся Коварэн. — На темницы у нас нет времени.

Он открыл дверь и втолкнул Ри внутрь. У того снова поплыло перед глазами, хотя на этот раз его никто не опаивал. Это была пыточная. Настоящая древняя пыточная, о которых он когда-то слышал в страшных сказках. С каменной стены свисали кандалы на цепях, напротив стоял стол в виде двух скрещенных в виде буквы Х досок. Ящик с кучей страшных железных штук: штырей, клещей, ножниц, пил, игл... И жаровня. Ри попятился, уперся в грудь Коварэна и мелко задрожал.

— Поняла наконец?

Коварэн снова взял Ри за руку и повел к стене. На слабые попытки вырваться он даже внимания не обратил. Щелкнули, словно волк зубами, кандалы. Тяжелые, холодные, шершавые.

— Что вы задумали?

Ри постарался вернуть в голос побольше уверенности. Не может быть, чтобы дядя и впрямь задумал его пытать. Так никто уже не делает. Это дикость, варварство! Да и зачем? Коварэн мог либо добиться согласия мирным путем, либо убить его. Зачем пытать? Это все блеф.

Разве что ему нужно было что-то от Ри? Но что? Имена тех, кому он успел проболтаться о заговоре? Ри стиснул зубы. Кого бы он ни назвал, их наверняка постигнет та же участь.

Коварэн разжег жаровню, все время поглядывая на пленника и мерзко ухмыляясь. Слишком уж мерзко и демонстративно, уверял себя Ри. Коварэн блефует, он не станет ничего делать. Но держать руки навесу над головой с каждой минутой становилось все неудобнее. Ничего, он потерпит. Как только Коварэн поймет, что ничего таким образом не добьется, все закончится. Ри закусил губу, чтобы не дрожала.

В воздухе запахло огнем и железом. А еще немного — можжевельником. Наверное, использовали можжевелевые дрова в прошлый раз. В прошлый? Ри в ужасе уставился на жаровню. Затем на стол с инструментами. Не чистые, но и не покрыты ржавчиной. А должны бы, за сотню-то лет, с тех пор, как вышел эдикт о способах дознания.

— Совершенно верно, моя дорогая, — с гнусной улыбочкой протянул Коварэн, — некоторые все еще придерживаются старых способов.

Ри снова закричал. Яростно, безнадежно. Задергался, пытаясь вырвать из стены вмурованные концы цепей. Но только горло сорвал и руки оцарапал. Должно быть, эти цепи удерживали и более сильных пленников. А стены слышали и не такие вопли. Ри понял, что дрожит и что предательски подгибаются ноги.

— Пожалуйста, дядя!

— Поздно! — зло выплюнул Коварэн. — Я пытался, я дал тебе шанс. Если я отвяжу тебя, ты снова попытаешься сбежать!

— Нет, нет!

— Вранье! Я не могу рисковать. Ты расскажешь мне все, что знаешь. И сделаешь, что тебе прикажут.

— Я расскажу, только не надо...

— На кону стоит больше, чем твоя или моя жизнь. Я должен убедиться, что ты не соврешь, — он помолчал немного. — И что не сбежишь.

Ему в голову явно пришла какая-то мысль, и это Ри очень не понравилось. Почти против собственной воли, он снова заметался, хотя знал, что шанса вырваться нет. Коварэн уложил на жаровню прут с широким плоским концом, потом подошел к Ри и присел.

— Я действительно пытался, — словно самому себе, повторил он.

И принялся стягивать с Ри чулки. Несмотря на собственный визг и грохот цепей, Ри все равно слышал, как потрескивают угли в жаровне, и видел, как постепенно раскаляется кончик прута. Казалось, он уже чувствует запах горелой плоти.

Холодный пол показался нестерпимо горячим. Ри подпрыгнул, приземлился сначала на одну ногу, потом на другую, затем попробовал заехать дорогому дядюшке в нос. Не получилось.

— Я все расскажу! Я обещаю!

— Расскажешь, конечно расскажешь.

Коварэн подошел к жаровне и проверил прут, повернул его, чтобы прокалить со всех сторон. Он больше не улыбался и не ухмылялся, как балаганный злодей. Кажется, на его лбу блеснул пот. Значит, ему тоже страшно, он нервничает... он и правда собирается попытать собственную племянницу раскаленным железом?

— Дядя, дядюшка, милый, пожалуйста, — Ри... нет, теперь просто Атарьяна, поняла, что плачет. Но смахнуть слезы, вытереть мокрые щеки было нечем, руки по-прежнему были скованы. — Не надо, пожалуйста.

— Я должен, — не отрывая взгляда от углей, отозвался Коварэн. — Слишком многое поставлено на карту.

Он вынул прут из огня и пошел к Атарьяне. Та дернулась, снова, опять, в который раз — просто потому что не могла стоять и спокойно ждать, когда светящийся кончик изуродует ее тело.

— Не надо...

Коварэн схватил ее за лодыжку, вывернул так, что Атарьяна больше не могла его пнуть, повернул ступней кверху... Атарьяна завывала еще до того, как железо коснулось кожи, зато потом — не смогла произнести ни звука.

***

— Ваша светлость!

Сложно было сказать, Парлато скорее обеспокоил или возмутил вид раненого хозяина. Так или иначе, Гергос отнесся к его переживаниям с сочувствием и изо всех сил постарался не заляпать кровью пол. Что-то вроде вежливости настоящих анкьерских аристократов. Они никогда не кричат на слуг, не поднимают руку на безоружных и не заливают кровью дорогие ноллийские ковры. Окъеллу почувствовал, как из горла рвется глупый смех и стиснул зубы. Со зрением творилось что-то неладное. Да и ноги... Гергос никогда бы в этом не признался вслух, но, если бы не помощь Крассона, он бы не добрался до дома.

Появившийся в дверях Эвретто побледнел как полотно и тут же бросился на кухню, на ходу выкрикивая распоряжения:

— Нагрейте воды! Принесите опиум! Вызовите врача!

Как будто и впрямь боится остаться без работы! Впрочем, за выходку с украденными кольцами любого другого камердинера на его месте точно бы уволили. Заигрался. Но Эвретто не уволишь, не так просто. Гергос позволил уложить себя на диван в гостиной. Странно, зрение от этого не улучшилось, а вращающийся перед глазами мир завертелся с еще большей скоростью. Окъеллу понял, что вот-вот лишится чувств.

Он ухватил кого-то за рукав, притянул к себе.

— Отправьте кого-нибудь в полицию. Узнайте про Ри. Нельзя, чтобы...

Он не договорил.

Полностью отключиться у Гергоса так и не получилось. Он пытался. Особенно в тот момент, когда прибывший врач взялся обрабатывать и зашивать рану на руке. Окъеллу заставили выпить что-то, наверное воду с несколькими каплями опиума, но этого было недостаточно, чтобы полностью приглушить боль. Гергос слышал голоса вокруг, но не мог разобрать слов. Его переключивали с одного бока на другой, потом что-то прохладное коснулось виска в том месте, где Фенхо ударил его, и Гергос вздрогнул, на мгновение возвращаясь в реальность.

— Сильное сотрясение, трещина в черепе, — услышал он сухой голос врача.

Потом сознание снова затопило вязкой, неприятно зудящей пустотой.

— Ри позовите... — одними губами повторил Гергос.

Нужно, чтобы кто-нибудь нашел Ри.

После этого он уже ничего не помнил. Осознавал, что что-то происходит вокруг — но что? Люди, звуки, тени и свет движутся и перемешиваются. Не отпускало беспокойство, Гергосу казалось, что он куда-то опаздывает — но куда?

Когда он пришел в себя, за окном уже светало. Во рту было сухо и горько. Голова нестерпимо болела, в теле ныла каждая косточка. Окъеллу потянулся за шнурком, чтобы вызвать слугу, но не смог поднять руку. А потом он вспомнил все, что случилось ночью, и, преодолевая слабость, закричал:

— Эвретто!

Вместо камердинера в комнату зашел Крассон, помятый и невыспавшийся.

— Ваша светлость, — он сдержанно поклонился.

Гергос еле сдержался, чтобы не послать его к Тавоху. Откуда он тут вообще взялся? Почему не вернулся домой? Крассон прочел вопрос по лицу Гергоса.

— Вокруг дома дежурят люди Дядюшки Лу, не позволяя никому ни выйти, ни зайти.

Гергос устало прикрыл глаза. Все-таки не успел. Он должен был подумать об этом раньше, отдать приказы, не позволять опаивать себя. И избавиться от Крассона!

— Эвретто, — повторил Гергос.

— Сейчас позову.

Крассон ушел, а Окъеллу еще раз попробовал оторвать голову от подушки. Он был слаб, как новорожденный котенок. Удар по голове, потеря крови и физическое истощение сделали свое дело, в ближайшие дни он едва ли встанет с постели. А в это время ищейки Дядюшки разыщут Ри, и только Тавоху известно, что с ним сделают. А все потому что Гергос не удержался — не сумел сразу отказаться от игры, а потом не довел ее до конца. Старый дурак. И ведь знал, что тем самым спровоцирует подлинную войну, что в первую очередь пострадают его люди... но не удержался.

Эвретто, бледный, но собранный, вошел, неся поднос. Гергос тут же запротестовал: он не хочет есть! — но слуга принес не еду. На подносе были чистые бинты, мазь и миска с водой. Гергос позволил сменить повязки.

— Ри?

Эвретто качнул головой. Глупо было даже надеяться. С другой стороны, если бы Дядюшке удалось разыскать глупого мальчишку, стал бы он молчать? Скорее сразу бы притащил его под окна особняка, чтобы содрать кожу на глазах у Гергоса. Как же не вовремя он позволил себя ранить! А ведь еще полиция...

— Помоги мне встать.

— Ваша светлость, врач не велел.

— Замолчи и помоги встать.

Тихо, но жестко. Гергос подкрепил приказ взглядом, который ясно говорил: я помню, из-за кого начались проблемы. Эвретто побледнел еще больше и послушно подхватил хозяина под руку, помогая подняться. Стоять было сложно. Только Гергос открыл глаза, и мир завертелся, как во время шторма. Но времени на слабость не осталось.

— Собери вещи, самое необходимое, пару смен белья. И позови дворецкого.

— Слушаюсь, ваша светлость.

На этот раз Эвретто спорить не стал. Учится. Стоило камердинеру уйти, Гергос ухватился за стену и несколько минут вообще не двигался, пытаясь справиться с тошнотой. Чистым усилием воли он заставил себя отойти к окну и выглянул наружу. Крассон не обманул. Трое дежурили перед домом. Наверняка и другие выходы под присмотром. Не отпуская подоконника, Гергос вынул из тайника под резным столиком заряженный пистоль.

Вошел дворецкий с очередной порцией опиума. Гергос сделал вид, будто не заметил протянутый стакан.

— Парлато, сколько человек сейчас в доме?

Дворецкий задумался лишь на долю мгновения.

— Семнадцать, ваша светлость.

— А сколько женщин?

— Восемь, ваша светлость.

Женщин надо увести в первую очередь. Едва ли люди Дядюшки полезут в дом днем, но лучше не рисковать. А с наступлением ночи они наверняка решат поживиться. Сточные крысы.

— Прикажите всем, чтобы взяли самое ценное и готовились уходить. Женщины пойдут первыми.

— Ваша светлость?! — возмущенно воскликнул дворецкий.

Гергос невесело улыбнулся.

— Мне жаль, Парлато, но к вечеру эта крепость падет. Не будем терять времени!

Он держался из последних сил, уже чувствуя симптомы подступающей слабости. Вцепился в подоконник и с наигранной небрежностью намотал на кулак шнурок от шторы. Может, хоть это позволит продержаться на ногах хотя бы еще пару минут? Только бы Парлато не стал спорить... Но, к счастью, дворецкий наконец осознал всю серьезность положения. Холеная физиономия приняла суровое выражение, бакенбарды воинственно встопорщились.

— Я обо всем позабочусь.

Он вышел, оставив Гергоса одного. Но ненадолго, в коридоре уже слышались торопливые шаги. Вскоре в гостиную вернулся Эвретто. Гергос заметил за дверью несколько сундуков.

— Это ты называешь «пара смен белья»?

Впрочем, настаивать он не стал. Хозяйская одежда для камердинера — это профессиональная гордость, он просто не может отдать ее на поругание безродным бродягам. Все правильно.

— Прикажи слугам собраться на кухне.

— Вам помочь, ваша светлость?

Надо же, кажется, искреннее участие прорезалось. Может, и в самом деле испугался? Надо бы приказать, чтобы больше не цеплялся к Ри... Ри...

— Нет, я сейчас приду. Сам, — твердо добавил Гергос, когда Эвретто упрямо потянулся, чтобы помочь.

Окъеллу чувствовал, что упадет, если сделает хоть шаг. Сначала он должен присесть. Или прилечь. Хотя бы на пару минут. Стоило за Эвретто закрыться двери, Гергос медленно опустился на пол. Вот так, уже лучше. Почти хорошо. Не спать!

Кто-то постучал. Гергос поморщился. Кого еще несет? Не дождавшись ответа, в гостиную вошел Крассон. Выражение лица такое же, как у Парлато. Боевая команда, Тавох

ее разбери.

— Я помогу вам!

Этот не спрашивал, сразу подхватил под руки и заставил встать, не слушая возражений. Вместе они добрались до кухни, где уже столпились слуги. Семнадцать человек, сказал Парлато? А кажется, что больше. Целая толпа... или это перед глазами двоится?

— Аладео, — обратился Гергос к конюху, — в дальнем правом углу вы найдете люк, откройте его, пожалуйста.

— П-под тумб-бой, в-в-ваша св-в-ветлость?

Гергос кивнул. Обычно Аладео так не заикался, а когда говорил с лошадьми, так и вовсе забывал о дефекте. Но умирающий хозяин и его напугал, наверное. На помощь Аладео пришел один из лакеев, Крассон тоже дернулся было, чтобы помочь сдвинуть тяжеленную тумбу, но тут Гергос начал тихонько сползать по стеночке, и он остался на месте.

— Откройте люк, зажгите лампы. Парлато, идите первым, за вами — женщины.

— Куда ведет этот ход, ваша светлость? — растерянно спросил дворецкий.

Он даже не знал о его существовании. Никто из слуг не знал. Но Гергос купил этот дом только из-за подземного хода.

— На пристань. Там вас будут ждать. Шебека называется «Мариника».

— Я понял, ваша светлость, — дворецкий поклонился. — Ну, чего встали? Аладео, дай мне лампу! За мной!

Гергос наблюдал, как его люди один за другим спускаются в подвал. Вслед за Наланой, Митти и другими женщинами под полом скрылись Эвретто и четыре лакея, несших сундуки с одеждой, затем ушел Аладео, и наконец они остались с Крассоном одни.

— Идите, — махнул рукой Гергос, — я захлопну крышку.

— А как же вы?

— У меня еще есть дела.

— Гергос, я вас не оставлю!

— Как будто у вас есть выбор.

— Я выведу вас силой, если понадобится!

— Откуда столько дерзости, Крассон?

— Я спас вам жизнь и требую, чтобы вы ушли.

Того и гляди, он всему Каргабану об этом расскажет!

— Не льстите себе, мой мальчик.

Гергос со стоном поднял руку и вытащил из внутреннего кармана пистоль.

— Я бы никогда не сунулся в Лулуань, имея при себе только два клинка.

Получилось. Видимо, Крассон не знал, что Дядюшка ненавидит огнестрельное оружие и, будь у Гергоса и впрямь с собой пистоль, его бы и на порог не пустили.

— Что вы намерены делать?

— Искать Ри.

Ни о чем другом думать не получалось.

— Гергос, не будьте идиотом! Вы даже шагу ступить не можете без посторонней помощи!

— У меня будет время отлежаться. Люди Лу не пойдут на штурм до наступления темноты. К тому же кто-то должен остаться, чтобы дом не выглядел заброшенным. А вечером я уйду.

— Тогда останусь я.

— Не дурите.

— Гергос, если вы продолжите спорить, я вас ударю. И нет, ваш пистоль меня не остановит, вы даже прицелиться как следует не в состоянии.

— Я никуда не...

Падая, Гергос с удивлением осознал, что Крассон и впрямь его ударил. Несильно, по щиколотке. А потом подхватил и потащил к черному провалу подземного хода.

ГЛАВА 10. ШКАТУЛКА

— Я знаю, что ты не спишь, так что можешь открыть глаза.

Атарьяна не пошевелилась. Мир вокруг не сильно ее интересовал. Она знала, что находится уже не в подземелье, скорее всего, ее перенесли обратно в жилую часть дома. В новую комнату, потому что она разбила окно в старой. Но особого желания проверять догадку не было, и Атарьяна продолжала лежать, закрыв глаза и мысленно считая вдохи.

Голос не отставал.

— Ваше высочество, не заставляйте меня быть жестоким.

Что такое жестокость? И что такое боль? Казалось, правую ногу Атарьяны по колено опустили в горячее масло, иногда брызги долетали и до середины бедра, а вот стопы она практически не чувствовала. Наверное, она полностью растворилась в раскаленном металле. Атарьяна вздрогнула, как от холода. Ее знобило.

— Принесите еще одеяло!

А это что — жестокость или забота? Желание помочь или всего лишь попытка не дать ценному свидетелю погрузиться в пучины лихорадки? А было бы здорово. Больнее уже не станет, а вот не думать будет проще. Атарьяна сильнее сжала зубы, чтобы не стучали, и продолжила считать.

Сначала ее укрыли, потом поднесли к губам что-то холодное — край фарфоровой чашки, внутри что-то плещется. Не вода, гуще и ароматнее. Атарьяна так и не разжала губ, и жидкость стекла по подбородку прямо на подушку. Рядом кто-то выругался. Интересно, кто с ней нянчится: неужели сам дядюшка? Или он прислал кого-то из своих громил? А впрочем, не так и интересно.

Снова плеск, на этот раз не в чашке. Сосуд явно большой. Ведро? Атарьяна вцепилась в одеяло, когда его попытались отобрать. Хватка получилась неожиданно сильной, пальцы словно судорогой свело. Отпустили. Просто задрали с другого края, оголяя ноги. Левой стало холодно, правой... правая по-прежнему варилась в своем масляном котле. Но, когда к ней прикоснулась шершавая ладонь, показалось, будто в масло добавили раскаленного свинца.

Атарьяна вырвалась, выгнулась дугой и открыла глаза. Она хотела закричать, но услышала лишь глухой хрип. Они и голос у нее отобрали?

Кстати, кто такие эти они? Перед ней стояло трое: дядюшка, чья лысина поблескивала в солнечных лучах — уже утро? — рядом с ним какой-то закутанный в тряпки тип, похожий на нашаратского бедуина, третий — и вовсе чудище — огромный, кажется, в полтора раза выше дяди и в два раза толще. Чего еще им надо?

Атарьяна снова попробовала заговорить — и снова не произнесла ни звука. На мгновение она даже забыла о правой ноге, испугавшись, что теперь навсегда останется немой. Ее взгляд заметался по комнате: незнакомая, всего одно узкое окошко, вся мебель тяжелая, из цельного дерева.

Вперед выступил закутанный в длинный балахон мужчина, протянул костлявую, узловатую руку, и Атарьяна невольно дернулась. Мужчина не обиделся, убрал руку и присел

рядом.

— Мое имя Рафаль, — произнес скрипучий старческий голос с едва уловимым акцентом.

Ноллиец? Врач?

— Вы позволите?

Он выразительно посмотрел вниз, на ноги Атарьяны, и, чуть поколебавшись, она кивнула. Рафаль склонился над раной, не касаясь, но внимательно ее разглядывая, потом потянул носом, жестом попросил перевернуть ногу, снова принялся смотреть...

— Мне нужно больше света, — заявил он после нескольких минут.

Кажется, Коварэн не обрадовался, но спорить с врачом не стал.

— Мы можем перенести ее в мой кабинет.

— Зулун!

Гигант ожил. Он решительно шагнул к Атарьяне и, не обращая внимания на ее сдавленный, протестующий хрип, подхватил ее на руки.

— За мной, — Коварэн повел их к кабинету, на ходу обернувшись к доктору: — Кстати, что у нее с голосом?

— Это может быть последствием болевого шока.

— Это надолго?

— Предсказать нельзя. Может пройти через несколько часов, может остаться на всю жизнь. Нельзя предсказать.

— А как насчет всего остального? Она слышит, что мы говорим? Понимает?

— Нельзя предсказать, как именно трагическая случайность повлияла на молодую госпожу.

Атарьяна всерьез задумалась о том, чтобы разыграть дурочку. Но если она набросится на дядю с зубами и когтями, ее снова свяжут. А если начнет пускать слюни — гадость какая! — то могут просто убить, чтобы не возиться. Но что Коварэн рассказал врачу? Что там за «трагическая случайность»? Злость мешалась со страхом. Чего он от нее потребует?

В кабинете Коварэна было светлее и просторнее. Зулун опустил Атарьяну на диван-канопе, где она сумела устроиться с относительным комфортом, привалившись к спинке. Рафаль снова принялся осматривать ногу.

— Я могу к вам прикоснуться?

Было страшно, от воспоминаний о раскаленном пруте Атарьяну чуть ли не мутило, но в конце концов она кивнула, бросив перед этим затравленный взгляд на дядю. Не хотелось оставаться калеккой, но что если это лишь временная передышка? Если шансов нет, то не лучше ли прогнать врача и умереть от заражения? Но ведь ей и этого, скорее всего, не позволят. Свяжут, напоят чем-нибудь — и делай, что хочешь.

Прикосновения Рафаля были легкими и слегка щекотными. Как будто бабочка села на кожу. Атарьяна перевела дыхание. Быстро покончив с осмотром, врач принялся отдавать приказы на незнакомом языке. Гигант Зулун тут же завозился в объемной кожаной сумке-мешке, доставая необходимое. В следующий час Атарьяну заставили выпить два разных зелья, промыли и обработали ожог, наложили мазь и показали, как правильно держать ногу и ухаживать за раной в последующие дни. Единственное, что она поняла из длинной тирады Рафаля, — он собирается уйти и оставить ее наедине с Коварэном.

Дядя все время находился рядом, смотрел, слушал, размышлял о чем-то — его глаза перебежали с Атарьяны на окно, на письменный стол, на дверь. Что еще он замыслил, какую

подлость готовит? Атарьяна была почти уверена, что не успела ему ничего выболтать. Просто не смогла, а не из-за какой-то особенной храбрости. Если ей снова пригрозят железом, она согласится на что угодно.

— Ну, вот и все, — сказал Рафаль, довольно потирая руки.

Он с удовлетворением осмотрел повязку, скупно улыбнулся Коварэну и снова гаркнул:

— Зулун!

Они вышли, оставив после себя лишь баночку с мазью и приторно-кислый травяной запах.

— Итак, ваше высочество, на чем мы остановились?

Атарьяна молча подняла на дядю взгляд, как ей хотелось верить — осуждающий. Но, кажется, он дядюшку не впечатлил, и тот как ни в чем не бывало взял со стола письменный прибор и чистый лист бумаги.

— Не можете говорить, будете писать.

А если она откажется, то обратно в пыточную? Губы сами собой задрожали, и пришлось опустить голову. Нет, эту битву она не выиграет. Пока придется делать все, что попросят, а там, может, появится шанс сбежать. Сбежать! Да, скорее всего, в ближайшее время она даже ходить не сможет!

— Пишите: «Я, Атарьяна Коварэн, принцесса крови и дочь покойных лаонта Элиссандра Коварэна и ее высочества принцессы Михаэны Балароссэ, присягаю на верность...» Почему вы остановились?

Атарьяна привычно раскрыла рот, чтобы ответить, но, разумеется, не смогла.

— Пишите! — с нажимом повторил Коварэн и продолжил диктовать.

Итак, она собственной рукой подписала признание в измене, поклялась в верности заговорщикам и пообещала в случае необходимости отравить рисса.

— Подпись. Дату поставьте не сегодняшнюю, а будто письмо было написано два года назад. Отлично. Давайте сюда.

Коварэн взял листок, прочел написанное и довольно улыбнулся.

— Как видите, Атарьяна, все могло бы быть намного проще. Теперь вам придется сотрудничать.

Он вынул из закрытого ящика стола шкатулку — Атарьяна узнала ее! — и спрятал в нее сложенный вдвое листок. Так вот где она хранилась все эти годы. Сбежав, Атарьяна в первое время надеялась, что шкатулку удастся найти, выкрасть и передать властям. Без доказательств ей бы никто не поверил. Но, когда она вернулась несколько дней спустя, на прежнем месте шкатулки уже не было, зато ее поджидали двое наемников. Как ей удалось удрать? Атарьяна и сама не знала. Все происходило будто во сне, и проснулась она лишь несколько часов спустя — в подвальчике доктора Нахри, раненая, без денег, без титула. Именно Нахри отвел ее в Интернат и посоветовал спрятаться там на время.

А потом он уехал, и Атарьяна осталась одна. Впрочем, нет, теперь у нее был Ри, директор Боравадо, похотливые патроны и постоянно растущий долг перед Интернатом. Два года, пока не появился Гергос и не забрал ее оттуда. Но теперь исчез и он, и Атарьяна начала сомневаться, что когда-нибудь снова увидит своего дану. Если бы он мог ее спасти, то сделал бы это до того, как Коварэн взялся за раскаленный прут.

«Что теперь?» — хотела спросить она, но лишь просипела что-то невнятное. Впрочем, Коварэн и так понял.

— Отдыхайте, — велел он. — Я прикажу слугам, чтобы перенесли вас в вашу новую

комнату.

Он выглядел очень довольным собой, хоть и уставшим. Интересно, а каково это — пытаться собственную племянницу? И, главное, ради чего? Чего не хватает ему, дворянину первой линии? Власти? Денег?

Атарьяна откинулась на спинку дивана. Она должна была отдохнуть, выспаться, поесть. Потом можно начинать думать о будущем, но пока следует сосредоточиться на самом простом. В итоге она проспала до самого вечера. Едва теплившаяся надежда, что ее спасут, окончательно угасла. Прошло уже больше суток.

Она безропотно съела все, что ей принесла служанка, правда, на робкую улыбку не ответила и проигнорировала вопрос о самочувствии. Потом позволила сменить повязку и заново смазать ожог мазью. Теперь боль была скорее ноющей, терпимой. Правда, стоило Атарьяне неудачно повернуться, и рана снова вспыхнула, лишив ее возможности двигаться и даже думать на целую минуту.

Затем снова наступила ночь. И снова день. Атарьяна надеялась, что Коварэн уедет, но он как будто никуда не торопился. Сидел целыми днями запершись в кабинете — об этом служанка рассказала — и писал десятками письма — бедняжка замучилась их отправлять. Служанка вообще оказалась на удивление разговорчивой, и если поначалу это раздражало, то потом Атарьяна стала прислушиваться к ее рассказам и даже задавать вопросы — едва различимым шепотом. Быть может, получится узнать, что дядюшка замышляет? По всей видимости, поимка сбежавшей принцессы позволила его планам продвинуться вперед. Но вот насколько и в каком направлении?

Когда никто не видел, Атарьяна пробовала вставать. Получалось пока плохо, на больную ногу наступать она не могла, и то ли из-за долгого лежания, то ли из-за общей слабости, но ее ощутимо покачивало. Тем не менее уже следующим вечером она совершила первую вылазку. Опираясь на стену, пропрыгала по коридору, чтобы выяснить хотя бы, в какой части дома ее держат. Кабинет Коварэна находился совсем рядом, дверь, конечно же, была заперта — но кого и когда это останавливало? В следующий раз Атарьяна пожаловалась служанке на грязные спутанные волосы и получила два ведра горячей воды, мыло и несколько новеньких шпилек.

Ночью она пробралась в кабинет. Передвигалась Атарьяна по-прежнему с трудом и не особенно представляла, что собирается сделать, но сидеть без дела больше не могла. Она вскрыла дверь, затем, как когда-то в кабинете альсаха Албэни, прошла по всем ящикам стола. Замки там были посерьезнее, чем у альсаха, пришлось потратить немало времени и проявить сноровку, но в конце концов Атарьяна вновь взяла в руки шкатулку, из-за которой два года назад вся ее жизнь пошла наперекосяк.

***

Лошади больше не могли идти галопом, и пришлось остановиться. Крассон в очередной раз с укоризной посмотрел на Гергоса.

— Хотел бы я знать, что такого особенного в этом паже, — вздохнул он. — Из золота он что ли?

— Есть и более ценные металлы.

— Какие, например?

— Медь.

Крассон только головой покачал.

Они кружили по восточным предместьям Каргабана с самого рассвета, но так ничего и

не нашли. Пара фраз, услышанных в порту, заставила Гергоса — а вместе с ним и Крассона, который заявил, что не позволит важному анкьерскому гостю окончательно загнать себя в могилу, — бросить стоявшую на якоре шебеку и отправиться на поиски.

— Дворяне бегут из города как крысы! Только вчера лаонт Коварэн, проезжая через Восточные Ворота, чуть ребенка не зашиб...

Это не могло быть совпадением. Ри таинственным образом исчезает, а через несколько часов Коварэн мчится сломя голову из Каргабана? Знать бы еще, куда именно — поместий в той стороне у Коварэна не было. Охотничий домик? Маленькая позабытая вилла? Гергос спрашивал в каждой деревне, у каждой дорожной заставы — никто не видел кареты лаонта, никому ничего не было известно. День подходил к концу.

— Нам следовало остаться в той гостинице и дождаться утра, — словно самому себе, сказал Крассон.

Гергос сделал вид, будто не услышал. Но в конце концов им пришлось остановиться на ночлег — в какой-то второсортной придорожной таверне с несколькими грязными комнатами на втором этаже. А рано утром Гергос опять вскочил в седло. За ночь горячка спала, он снова мог нормально мыслить.

Итак, Коварэн был где-то рядом, но не в своих владениях. Конечно, не мог же он отвезти Ри в дом, где его тут же узнают. Значит, он отправился к кому-то из друзей, к тому, кому доверяет...

— Крассон, напомните-ка, как звали неудачливого жениха принцессы Коварэн?

— Прусто, — не очень уверенно ответил молодой человек, — Варелли Прусто, если мне память не изменяет.

Противное имечко. Неудивительно, что ее высочество предпочла побег.

— Не знаете, есть ли у него дом неподалеку?

Крассон только плечами пожал, но в ближайшей же деревне Гергосу ответили на его вопрос: да, есть, правда, до него почти тридцать миль.

Гергос не жалел лошадей. Один раз он даже чуть не стал причиной несчастного случая, когда вылетевшая из-за поворота повозка была вынуждена резко изменить курс. Сидевший на козлах детина выругался по-ноллийски и погрозил Гергосу кулаком.

— Зулун, ааро ша, — проскрипел его спутник.

«Зулун, не обращайтесь внимания на недоумка», — автоматически перевел Гергос, но даже не обернулся.

До поместья они добрались только к вечеру, уже в сумерках. Лошади совершенно выбились из сил, и последние мили пришлось проделать шагом. Нестерпимо хотелось дать шенкелей и заставить коня перейти хотя бы на рысь, но Гергос сдерживался. Их только двое, значит, уходить, скорее всего, придется быстро. Плюс Ри. Лошади должны отдохнуть.

— Что вы планируете делать?

— Пока не знаю.

Гергос наблюдал из-за ограды за длинным одноэтажным домом: в некоторых окнах горел свет, но большинство комнат выглядели темными и пустыми. Как узнать — в которой из них Ри? Если он вообще здесь, никто из опрошенных Гергосом крестьян ничего о мальчике не слышал.

— Подождем, пока окончательно стемнеет, и проберемся внутрь.

Они привязали лошадей и отправились на разведку. За полчаса обошли дом, осмотрели ограду и нашли место, где будет проще всего перебраться — на другой стороне росло дерево,

позволявшее незаметно спуститься, а если понадобится — и быстро взобраться обратно. Потом стали ждать. Окна одно за другим гасли, пока свет не остался только в дальней части дома.

— Пора.

— Я пойду первым и помогу вам.

— Крассон, вы испытываете мое терпение.

— А у меня его вообще не осталось. Тише! Кто-то идет.

С той стороны ясно слышались шаги, медленные, то ли крадущиеся, то ли просто неторопливо-ленивые. Гергос с Крассоном переглянулись, и молодой человек, вытащив нож, полез через ограду. Стена была невысокой, всего чуть больше четырех локтей, и Крассон без особого труда через нее перебрался.

— Кто здесь? — донесся хриплый мужской бас.

Потом быстрые шаги, возня и едва слышный стон вперемешку с ругательствами. Через минуту над оградой показалось довольное лицо Крассона.

— Готовы, ваша светлость?

— Я сам.

— Давайте руку, так будет быстрее. Ну же! А, Тавох! Здесь еще кто-то есть. Спрячьтесь!

Крассон снова исчез за оградой, а Гергос, ухватившись за верхний край, подтянулся, желая увидеть, что происходит на той стороне. Но было слишком темно. Снова звуки борьбы, на этот раз молчаливой. Все решилось быстрее, но Крассон не торопился возвращаться. Проклятый мальчишка!

— Ваша светлость, — раздался неуверенный голос, когда Гергос уже готов был плюнуть на все и идти разбираться, — я, кажется, кого-то поймал.

— Кого?

— Он... она не говорит.

Гергос сам не заметил, как оказался по ту сторону ограды. Сердце стучало в горле, глаза лихорадочно искали в темноте: где? Где он? Или она... Неважно! Рядом с Крассоном заметить Ри было непросто, он как-то терялся на фоне широкоплечего сына лаонта, вот только белая нижняя рубаха и светлые бриджи выдавали. Гергос шагнул вперед и замер, наткнувшись на хмурый взгляд исподлобья. Ри стоял, прижимая к груди какую-то шкатулку, и не торопился двинуться навстречу.

— Ваша светлость, это он? — растерянно спросил Крассон.

— Да.

— Тогда нам нужно уходить. Я думаю, здесь есть и другие охранники. Пойдем-ка!

Он подтолкнул Ри к оградке, и тот вдруг упал, сжавшись в болезненный клубок. Но шкатулки не выпустил и не произнес ни звука. Да что с ним такое? Гергос подскочил ближе, обнял за худые плечи, прижимая к себе, инстинктивно пытаясь укрыть — белая рубаха была слишком заметна даже в темноте. Ри беззвучно плакал, цепляясь, как утопающий за обломок мачты, за свою нелепую шкатулку. И пальцы были темными, словно... в крови?

— Ну, тише, тише, маленькая... Пойдем, нам надо уходить. Слышишь?

Ри едва заметно кивнул и шмыгнул носом, уткнувшись в плечо Гергоса. Поднять его было непросто, полученные в схватке с Фенхо раны давали о себе знать, но Гергос бы ни за что не доверил свою ношу Крассону. Ри не мог стоять. Возможно, из-за повязки на правой ноге. Что же с ним приключилось?

— Крассон, приведите лошадей!

Кое-как, цепляясь за ветви дерева, Гергосу удалось перетащить Ри через ограду. Со стороны дома не доносилось ни звука, но надолго ли это затишье? Кто-нибудь рано или поздно найдет убитого охранника и поднимет тревогу.

Вернулся Крассон. Гергос усадил Ри в седло, потом взобрался сам. Конь недовольно всхрапнул, мотая упрямой головой и отказываясь идти.

— Нам надо уходить!

— Я знаю. Послушайте, Крассон, возвращайтесь в Каргабан и передайте капитану «Мариники», что я буду ждать его завтра вечером в порту Иверноста. Езжайте как можно быстрее, за вами наверняка увяжется погоня.

К счастью, на этот раз Крассон не стал спорить. Только посмотрел с любопытством на прижавшегося к Гергосу Ри и вскоре скрылся в темноте. Гергосу наконец удалось справиться с упрямой лошастью, и он повернул в противоположную сторону — на юго-восток, где его, хочется верить, станут искать в последнюю очередь.

ГЛАВА 11. ИВЕРНОСТ

Они скакали не меньше получаса, когда на Ри наконец накатило понимание: он спасся, он снова сбежал. Чувствуя за спиной теплое, крепкое тело Гергоса, он был уверен, что теперь все будет как надо. Нужно только спрятать получше шкатулку. Уничтожить ее нельзя — тогда все будет зря, но и открывать пока не следует. Справиться с замком с помощью шпилек у Ри не получилось, поэтому оставалось только прижимать шкатулку к груди и ждать более подходящего момента.

Становилось все темнее. Новорожденная луна почти не давала света, но дорога была ровной и шла относительно прямо. Ри едва не задремал. Если бы не глупая обида, он мог бы сказать, что счастлив: дану все-таки приехал за ним, пусть и позже, чем хотелось бы, но он все-таки приехал! Гергос его нашел, и теперь все будет как раньше. Но вот если бы только дану приехал хоть на полчаса раньше...

Неожиданно лошадь взбрыкнула, едва не став на дыбы, потом дернулась, болезненно заржав... Ри краем глаза заметил какое-то быстрое движение впереди — кажется, заяц перебежал дорогу, — но осознал он это уже лежа не земле. Поняв, что конь вот-вот упадет, Гергос выбросил Ри из седла, чтобы не придавило. Ри приземлился на какой-то кустарник — в темноте было не разобрать, — оцарапал ладонь и ушиб локоть, но в остальном был цел. Он тут же поднялся, намереваясь броситься назад, но больная нога не дала сделать и шагу. Пришлось прыгать.

— Дану! С вами все в порядке? — получился лишь слабый шепот, и, кажется, Гергос не услышал.

Он по-прежнему удерживал поводья, поэтому снова вскочившему на ноги коню далеко убежать не удалось. Да, впрочем, он бы и так далеко не ушел. Вернувшись к тому месту, где все произошло, Ри увидел вывороченный камень и ямку, в которую, должно быть, и угодило копыто нервной лошади. Испугавшись зайца, она заплясала, споткнулась и в итоге потянула ногу. Сделав несколько неровных шагов, лошадь снова заржала и наконец остановилась.

Гергос тяжело вздохнул и сменил руку, которой держал повод.

— Что у тебя с ногой?

Ри не сразу понял, что обращаются к нему, а не к лошади.

— Обжегся, — тихо ответил он.

— Решили научиться ходить по углям, дитя мое?

Да, легенды ходили, что где-то на далеком юге Нашарата есть племя, которое не боится

огня: они могут ходить по углям, хвататься за раскаленные предметы и купаться в кипятке. Вот только Ри не очень-то верил в подобные сказки. Теперь — особенно.

— Я наступил на неостывшую лампу, дану.

Рассказ о пыточной Коварэна вызвал бы слишком много вопросов: зачем лаонту понадобилось пытаться простого пажа? Что он хотел узнать?

— А с голосом?

— Не знаю.

— Идти совсем не можете?

— Я попытаюсь.

— Вы можете отдать мне свою шкатулку...

— Нет!

Нет, ее нельзя никому отдавать. И даже не потому что Ри не доверил бы ее никому — даже Гергосу. Может, и доверил бы. Но если кто-нибудь увидит дану с ней, охота начнется и на него тоже. Пока Коварэн лишь подозревает, но не знает наверняка и едва ли решит ссориться с главой дома Гергосов из-за простых подозрений. Ри крепче прижал шкатулку к груди.

— Можно сделать костыль. Подержите лошадь?

Теперь она стояла смиренно, понуро свесив голову и тяжело и глубоко дыша. Ри принял поводья. До Иверноста было еще много миль, а вот до поместья, в котором его держал Коварэн, — всего ничего. Что если дорогой дядя снарядит погоню? Конечно, в темноте следов, ведущих на восток, могут и не заметить, но утром наверняка поймут, что всадников было двое и они разделились.

Гергос вернулся с какой-то корявой палкой, которая не столько помогала идти, сколько мешала, больно упираясь в подмышку и царапая ладонь. Но Ри не жаловался.

— Может, нам стоит сойти с дороги?

— До Иверноста больше пятидесяти миль. Ни вы, ни я их пешком за день не преодолеем. Можно, конечно, нанять карету в ближайшей деревне, но где она, я не знаю. А вы?

— Нет, дану.

— Тогда самое разумное — не сворачивать с дороги.

Наверное, со стороны они смотрелись довольно жалко: хромя лошадь, хромым мальчик-подросток и очень уставший и раздраженный анкьерский аристократ. Ри грустно улыбнулся. Он несколько раз сглотнул, чтобы смягчить горло. Впрочем, это не сильно помогло, вместо обычного голоса раздался лишь сиплый хрип:

— Вы еще не купили балахон и козлиный череп, дану?

Кажется, Гергос не сразу вспомнил, о чем идет речь, но потом Ри услышал тихий смешок.

— Нет, но я подумаю об этом, когда мы доберемся до города.

Они в итоге прошли совсем немного, когда лошадь снова споткнулась. Дурное животное! Откуда только Гергос его взял? В его собственной конюшне были только самые породистые и вышколенные лошади. Споткнувшись в третий раз, конь замотал упрямо головой, захрипел, упираясь и отказываясь ступить на большую ногу.

— Я тебя пристрелю, — пообещал ему Гергос, но эффекта это не возымело.

— Дану.

— Что?

— Я могу остаться с ним, пока вы ходите в ближайшую деревню. Один вы дойдете быстрее.

— Нет, Ри, я тебя не оставлю.

От этих слов, пусть и сказанных резко и нетерпеливо, потеплело на душе.

— Мы хорошо спрячемся.

— Я сказал нет. Не спорь.

Ри улыбнулся, радуясь, что в темноте этого никто не видит. Ему бы очень не хотелось оставаться одному, глупый коняга — не в счет.

— Тогда что мы будем делать?

— Этой дорогой часто пользуются, рано или поздно кто-нибудь по ней проедет.

Но в следующий час никто по ней не проехал, а Ри все равно весь извелся. В каждом шорохе ему чудился приближающийся конский топот — это Коварэн выслал за ними погоню. Тишина пугала не меньше, каждая минута промедления казалась губительной. А потом он услышал слабое позвякивание колокольчика. Сначала подумал — это Тавох шутки шутит. Откуда ночью посреди дороги взяться колокольчикам?

Но тут Гергос поднялся с поваленного ствола, на котором сидел все это время, и довольно выдохнул:

— Наконец-то!

Ри тоже встал, опираясь на свой нелепый посох. Звон сделался громче, потом к нему добавились скрип колес и тихое лошадиное фырканье. Гергос вышел на дорогу прямо перед приближающейся каретой, и Ри услышал возмущенные крики возничего:

— Ты что творишь? А ну пошел отсюда! Ну!.. Эээ, ваше сиятельство?

Гергос подошел ближе. При свете фонаря возницы его равнодушное, высокомерное лицо показалось Ри восковой погребальной маской какого-нибудь древнего царя. Он уже научился ловить это выражение на лице дану и знал, что Гергос смотрит так, когда хочет заставить собеседника понервничать. Возница заерзал на сидении, свет заплясал, и Ри увидел на боку кареты эмблему — крылатый конверт и скипетр. Почтовый дилижанс!

Гергос молча смотрел на возницу.

— Ваша светлость? — еще более неуверенно предположил тот.

— У вас есть свободные места?

— Нет, ваша светлость.

— Вы сможете их предоставить?

— Я смогу... что? Как вы сказали?

— Предоставить. Ссадите кого-нибудь. Нам нужно два места. Без багажа.

— Но... Ваша светлость, ночь ведь, до ближайшей гостиницы еще восемь миль.

Гергос не стал спорить, он привстал и ухватился за шнурок колокола — его звоном возница обычно извещал о прибытии на очередную станцию. В отличие от маленьких колокольчиков, привешенных на постромки и едва слышных даже ночью на пустой дороге, большой колокол отозвался ясным и гулким звоном. Внутри кареты завозились, кто-то заворчал, а потом отдернулась занавеска, и наружу высунулось недовольное сонное лицо:

— Что случилось? Почему мы стоим?

— Выходим, — звучно скомандовал Гергос. — Приехали.

Возница только беспомощно озирался и бормотал себе под нос — так, чтобы Гергос не услышал:

— Ну что же вы, ваша светлость... ну нельзя же так!

Пассажиры дилижанса выходили медленно и нехотя. Половина даже не проснулась толком. Всего восемь человек. Спрыгивая с подножки, они непонимающе оглядывались, видели смущенного возницу и непреклонного Гергоса — и замирали в ожидании. Чутье подсказывало, что перед ними очень важный человек и его лучше слушаться. Но что ему нужно?

Ри держался в стороне. То же самое чутье — инстинкт, быстро появившийся в любом человеке, чья судьба каждый день зависела от капризов какого-нибудь вельможи — заставляло его молча наблюдать за происходящим. Даже усталый и в не очень пышной одежде, Гергос внушал уважение и страх. Рядом с ним мальчишка-оборванец смотрелся бы странно. Нелепо.

— Что случилось?

— Господин, почему нас остановили?

— Мы ничего не сде...

— Двое из вас дальше не поедут, — перебил Гергос. — Сами решайте, кто это будет, но тот, кто сойдет с дилижанса, получит лошадь. Она слегка подвернула ногу, но повреждение несерьезное, пройдет за несколько дней. Ну так?

— Каждый? — спросил кто-то. — Каждый получит по лошади?

— Нет, одну на двоих. Делите как хотите, хоть разрежьте ее напополам, меня это мало волнует. Ну так?

Пассажиры загалдели. Две очень приличного вида женщины возмущались нахальством выскочек-аристократов, трое рабочих спорили, кто из них сойдет — получить лошадь хотелось каждому, высокий худой юноша, по виду студент, нерешительно оглядывался по сторонам — в основном на двух других пассажиров, что, как и он, держались немного особняком.

— Я жду, — через пару минут напомнил Гергос.

Оттолкнув товарищей, вперед вышел один из рабочих, следом за ним шагнул другой, получил в морду от третьего и осел на землю.

— Мы сойдем, — заявил драчун. — Давайте сюда кобылку, ваш'сияство.

Гергос передал ему поводья.

— Это жеребец, — сказал он тихо.

Ри показалось, он вот-вот рассмеется.

— А, — махнул рукой великий знаток коневодства, — эт неважно.

— Прошу всех занять свои места, — любезно предложил дану.

Он очаровательно улыбнулся дамам и слегка поклонился мужчинам. Возница только головой покачал, а Ри понял, что теперь и ему можно выйти на сцену. Но он не успел и шага ступить. Гергос подхватил его под руку, выкинул куда-то в темноту костыль и чуть ли не за шкуру затолкал в дилижанс.

***

Пекки и Нарюока ехали на свадьбу сына их общей знакомой, но эта знакомая ни одной из них по-настоящему не нравилась, ее сын был во всех отношениях никчемным человеком, а его невеста — пустоголовой вертихвосткой. Знать все это Гергосу было решительно незачем, но выбора не оставалось. К тому же он и сам был виноват: Пекки и Нарюока не могли уснуть — ведь они так испугались его бандитского нападения на дилижанс!

Зато Ри спал. Доверчиво прижавшись к плечу Гергоса и подложив грязную ладошку под щеку. Иногда карету потряхивало, и Ри начинал ворочаться, что-то неразборчиво бормоча.

Тогда Гергос теснее прижимал его к себе и гладил по коротко стриженным медным волосам, пытаясь успокоить. За прошедшие несколько дней в Ри что-то изменилось, под глазами залегли глубокие тени, он стал словно еще тоньше, еще бледнее. Что успел натворить Коварэн, что он ему наговорил?

Остаток ночи прошел спокойно, к утру даже не умолкавшие всю дорогу сплетницы притомились и задремали. Но Гергос так и не сомкнул глаз. С собой у него было лишь полтора десятка марок — хватит, чтобы нанять лошадей до Иверноста, но не более того. С одеждой для Ри — бедняга дрожал от холода в одной лишь нижней рубаше, и Гергосу пришлось отдать ему свой плащ — придется подождать. И ограничиться самой простой и непритязательной пищей, иначе может не хватить на взятки вознице и трактирщику.

Но первая часть плана прошла как по маслу. Гергос и Ри сошли с дилижанса в небольшом городке — Гергос даже не стал запоминать название. Они позавтракали на станции вместе с остальными пассажирами, после чего Гергосу удалось выторговать у зрителя двух вполне приличных лошадок.

— Сможешь залезть в седло? — спросил он у Ри, когда тот, хромя и морщась, подошел к своей лошади.

Ри кивнул, но Гергос все равно помог — подхватил под мышки и усадил, как маленького ребенка. Милостивый Керпо, да этот ребенок практически ничего не весил! И от него веяло жаром.

— Тебя лихорадит?

— Немного, дану. Ничего страшного.

— Это из-за ноги?

— Наверное.

Ри прикусил губу и виновато опустил глаза. Чего он недоговаривает?

— Нам стоит найти врача?

— Нет, дану, я в порядке.

Слабая улыбка была бледным призраком обычного задора, но время поджимало, и Гергос решил не настаивать.

К полудню он об этом сильно пожалел. Ри качало в седле, из просто бледного он сделался практически зеленым, глаза блестели неестественно ярко, и только пальцы, тонкие, почти скелетообразные, сжимали странную шкатулку. Что в ней, Ри так и не рассказал. Гергос подъехал ближе и перехватил поводья.

— Ноги из стремян.

— Что вы...

— Поедешь со мной.

Так было спокойнее. Гергос перетащил Ри к себе в седло и прижал к груди ставшим таким привычным жестом. Глупое дитя! До Иверноста оставалось уже немного, лошади шли быстро и ровно, еще несколько часов — и город. Но Ри становилось все хуже, вскоре он начал бредить.

— Уйди, уйди, — шептали бледные обветренные губы, — я никому не расскажу... просто уйди... не надо...

И все это хриплым, сиплым голосом, словно привидение. У Гергоса даже мурашки по спине побежали. Что Коварэн с ним сделал?! Хотелось повернуть назад и... Гергос тронул пятками коня, заставляя того перейти на рысь. Вторая лошадь скакала рядом. Теперь они могли пересаживаться с одной на другую, и это позволяло двигаться быстрее.

И все равно, когда впереди показались стены крупнейшего портового города Тобрагоны, солнце уже начинало садиться. Предупредил ли Крассон капитана? Раньше Гергос не позволял себе волноваться об этом, и теперь сомнения нахлынули сторицей. Если «Мариники» нет в порту, то что делать? Практически без денег, с большим ребенком на руках, когда за ним охотятся и люди Коварэна, и разномастное семейство Дядюшки Лу — картинка не из веселых. Но нет, Крассон должен был добраться до Каргабана. «Мариника» будет ждать, как и оговорено.

Перед воротами в город скопилась небольшая очередь, и Гергос пристроился в самом конце, не желая привлекать внимания. Хватит и того случая с дилижансом. Несмотря на марку, которую он дал вознице, Гергос не сомневался, что, если Коварэн до него доберется, старый пьянчуга выложит все как на духу. И тогда лаонт будет знать, в каком направлении они поехали, а догадаться, что конечной целью является Иверност, не так-то и трудно.

Двое стражников у ворот лениво осматривали въезжающие повозки, задавали одинаковые вопросы, собирали плату:

— Животные есть? За птицу по медяку с головы, за козу — пять, за лошадь — полсеребрушки. Следующий! Животные есть?..

Что-то пошло не так. Гергос затылком почувствовал чужое внимание, завертелся в седле, но никого не увидел. Зато встретился взглядом с одним из стражников, тот уж больно пристально его рассматривал. Др-рянь! А он еще радовался, что никто не перехватил их по дороге! Зачем, если добыча сама придет в ловушку? Гергос натянул поводья, заставив лошадь заплясать на месте и сделать почти полный оборот. Теперь он видел и двоих стражников, выбежавших из каптерки, и подозрительно любопытного купца в очереди, который едва не сцапал второго коня за узду, со стороны дороги тоже приближались трое всадников, на ходу выхватывая оружие. Дрянь!

Внутренний карман камзола оттягивал пистоль, так и просясь в руку. Вряд ли арестовать Гергоса приказал сам рисс, скорее всего это проделки Коварэна, мелкое самоуправство, но стрелять по стражникам — последнее дело. К тому же их слишком много, а перезарядить пистоль будет некогда.

Ри качнулся вперед, и Гергос в последний момент успел подхватить худое тело. Драться он не мог, сбежать, скорее всего, тоже. В кошельке еще оставалось несколько мелких монет. Гергос вытряхнул на ладонь серебро вперемешку с медью и швырнул в центр скопившейся позади него очереди. Люди бросились в сторону, позволяя Гергосу быстро выбраться из толпы, а вот преследователям пришлось сделать круг. Впрочем, один из всадников решил проскакать напрямик и увяз в жадной людской куче.

Уже лучше. Гергос пришпорил коня. На тракте ему не уйти — лошади слишком устали, да и Ри не выдержит быстрой скачки. Значит, надо прорываться в город. Но как? Стражники уже ставили заслон — несколько рогаток с заостренными кольями. Гергос крикнул, снова разворачивая свою лошадь и выпуская поводья второй. Он надеялся успеть, пока заслоны не сомкнулись.

Разгадав его намерения, стражники засуетились, быстрее сдвигая рогатки. Народ вокруг шумел, возмущались те, кто не успел пройти, другие азартно улюлюкали и, кажется, даже начинали делать ставки: кто окажется быстрее? Но Гергос не стал целиться на рогатки — пытаться их перепрыгнуть все равно было бы безумием. Он поехал прямо на стражника, того самого, что своим любопытством выдал весь план. И снова пристальный взгляд, ощеренные зубы, дико храпящий конь... У кого первым не выдержат нервы?

Они могли успеть, но стражник — теперь Гергос видел, что это юнец лишь на пару лет старше Ри — задергался, споткнулся на ровном месте, мешая установить последнюю рогатку... Острый кончик торчащего на пол-локтя кола мазнул Гергоса по сапогу, второй, с противоположной стороны, оцарапал лошадиный круп. От этого бедное животное вздрогнуло и, вытянув шею, бросилось еще быстрее вперед. Рядом сверкнула сталь алебарды, и Гергос, вытащив ногу из стремени, перетек на другой бок. Изогнутое лезвие просвистело буквально в пяди от его плеча. Сзади уже снаряжали погоню.

Копыта лошади звонко простучали по мощеной серым гранитом улице. В отличие от Каргабана, который был городом старым, с традиционной кольцевой застройкой, Иверност горел и перестраивался чуть ли не каждые пятьдесят лет. То кто-нибудь из матросов в пьяной драке прольет горячее масло на солому, то привезенная с очередным кораблем оспа пойдет гулять по кварталам, то новый глава синдиката решит заявить о себе и подожжет доки — в общем, к пожарам жители Иверноста, особенно припортовых его частей, давно привыкли. Они строили, оставляя широкие проспекты и пересекавшие их под прямым углом улицы, мостили их камнем и окружали дома высокими кирпичными заборами — кто мог себе это позволить, конечно же.

Почти все проспекты вели к берегу, не меньше половины — прямо в порт, остальные — к маленьким частным пристаням. Не заблудишься. До этого Гергос был в Иверносте лишь однажды, но без сомнения свернул сначала на одну улицу, затем на другую, чтобы подобраться ближе к центральным докам. Где Атолас решил пришвартовать «Маринику»?

Чем ближе Гергос подъезжал к порту, тем больше вокруг становилось людей. С галопа он был вынужден перейти на рысь, затем и вовсе послать лошадь шагом. Радовало, что преследователи двигались не быстрее. Почему-то стражники не торопились разогнать толпу «именем закона», что еще раз навело на мысль о вмешательстве Коварэна. И когда только он успел подкупить нужных людей?

Телеги с товарами и лоточники, торгующие прямо с них, заполнили половину проспекта. Вокруг шныряли собаки, дети и целые толпы попрошаек.

— Господин, купите! Господин!

— Дайте монетку! Монетку!

— Ваше сиятельство, ваш сын заболел? Вот чудесное средство, всего за семь медяков...

— Монетку! Монетку!

Гергос замахнулся хлыстом, когда не помогло — ударил по тянувшейся к поясу руке. Денег у него, правда, все равно не было.

— Господин Гергос!.. Дану! — вдруг донеслось из толпы.

Гергос повернулся на звук, пытаясь разглядеть, кто его позвал. Увидел какого-то грязного пройдоху, не то старого матроса, не то сутенера. Поняв, что его заметили, мужчина активнее замахал руками:

— Сюда, господин Гергос! За мной!

Окьеллу свернул в указанный переулок, странный субъект чуть ли не вприпрыжку бежал впереди.

— Сюда, за мной, скорее!

Они свернули в какой-то двор... впрочем, нет, на самом деле это не было двором, просто кто-то перегородил часть улицы, и Гергос до последнего момента не видел тяжелых железных ворот, которые сомкнулись, стоило ему проехать мимо. Словно из-под земли впереди выросли трое, еще четверо зашли сзади и с боков. Вооружены до зубов, но смотрят

спокойно, оценивающе. Профессионалы. Вот только чьи? Неужели Лу попросил кого-то из знакомых в Иверносте? Гергос снова развернул лошадь, просчитывая шансы. Иллюзий он не питал. Через минуту его убьют.

ГЛАВА 12. «МАРИНИКА»

Ри с удивлением смотрел на человека впереди и отчаянно пытался вспомнить, где и когда уже его видел. Лицо мужчины определенно было ему знакомо, и в то же время Ри был уверен, что лично с ним не встречался. Южанин, высокий, мускулистый, красивое лицо чисто выбрито, и только крупная родинка на щеке немного портит впечатление.

Пока Ри его рассматривал, мужчина вытащил из ножен кинжал. Зачем? Ри лихорадило, иногда он засыпал и видел на удивление реалистичные сны, потом просыпался и видел бесконечную дорогу впереди, затем появился город и очень много кричащих людей, но Ри только теснее прижался к Гергосу в полной уверенности, что все будет хорошо. А теперь знакомый незнакомый мужчина достал оружие и, недобро поглядывая, двинулся вперед. Он хотел причинить им с дану вред?

А может, это просто еще один сон?

Гергос сжал руки Ри и заставил его взяться за поводья.

— Если появится шанс, уезжай, — шепнул он ему на ухо. — Не жди меня, не медли, скачи что есть мочи. Понял?

Нет, Ри не понимал. Зачем ему уезжать? Но он послушно намотал поводья на кулак. Потом Ри снова качнуло, и вдруг оказалось, что сзади Гергоса больше нет. Вот он, стоит рядом с лошадью и вынимает из кармана небольшой пистоль. Ри вцепился в луку седла, чтобы не упасть, и завертел головой. Семь человек. И один дану. И он, Ри, единственный верховой, с приказом уезжать.

С двух сторон улицу сжимали высокие кирпичные стены, позади Ри увидел металлические ворота, а впереди дорогу преграждали трое, и тот, что в центре, должно быть главарь, странно знаком... Дану сказал уезжать. Ри сильнее стиснул бедра, чтобы не вывалиться из седла, и изо всех сил ударил лошадь по бокам. Он поехал прямо на мужчину с родинкой на щеке — Ри казалось, что-то подобное ему снилось совсем недавно. Мужчина отскочил в сторону, но недалеко, и попытался схватить лошадь под уздцы. Ри тут же опустил ему на голову тяжелую шкатулку. Скользкое дерево вырвалось из пальцев, но угол шкатулки очень удачно попал мужчине по виску. Тот выпустил узду, схватился за лицо, застонал. Ри хотел вдобавок пнуть его, но промазал. Громыхнул выстрел, и другой мужчина, успевший преградить Ри дорогу, упал. Самого Ри тоже качнуло, здоровая нога вывалилась из слишком длинного стремени, а вторая опалила болью до самого бедра. Ри вскрикнул и повалился назад, через круп, прямо под копыта нервно пляшущей лошади.

Где-то над его головой зазвенел металл, Ри услышал крики и крайне непристойные ругательства — это ведь не дану, нет? Но в тот момент он был слишком занят тем, чтобы не оказаться раздавленным, и почти не обращал внимания на происходящее. Ри приподнялся на локтях, увернулся от одного копыта, встал на колени, отклонился, чтобы не получить по лбу вторым, и быстро пополз в сторону. Взял с земли чей-то нож и наконец огляделся. В переулке отчаянно дрались... нет, не восемь человек, а раза в два больше.

Среди сражающихся был и Гергос, и Ри начал пробираться в ту сторону. Один раз кто-то заступил ему путь, Ри растерянно поднял голову, увидел прямо над собой мужчину с родинкой и, не мудрствуя лукаво, пронзил ножом его сапог. Лезвие вошло, почти не встретив сопротивления, легко прорезало мягкую кожу и застряло между камней мостовой.

Вряд ли Ри удалось сильно ранить мужчину, скорее всего, он его едва оцарапал, но зато это дало ему время сбежать.

Кто бы ни пришел им на помощь, их было человек десять. Они были хуже вооружены и больше походили на банду разбойников, но и нападавшие не ожидали отпора. Когда дану Гергос зарубил одного из них, остальные начали пятиться, а следующий труп окончательно решил исход схватки. Оставшиеся убийцы со своим слегка хромящим предводителем скрылись в одном из домов и забаррикадировали дверь. Седой мужчина с кучей шрамов, кажется главарь разбойников, попытался просунуть палец в щель между косяком и кирпичной стеной:

— Можно натолкать им туда горячей пакли.

— Или конопли, — добавил кто-то.

— Тавохов уд, а мысль!

— Откуда вы здесь? — отдышавшись, спросил Гергос.

Ри заметил валяющуюся посреди побоища шкатулку и пополз к ней. На него пока никто не обращал внимания.

— Предчувствие, — ответил седоволосый. — Так что будем делать с этими селедочными потрохами? Выкуриваем или пусть еще поживут?

— «Мариника» готова к отплытию?

— Готова-то она готова, да только вы когда в последний раз на небо смотрели, ваша светлость? Или хотя бы по сторонам? Видите ту тучку? Ночью будет шторм, а до Громобоя можем и не успеть, ветер-то не ахти.

О Громобое — скальной гряде, защищавшей восточные лагуны от бурь — Ри слышал не раз. Прошлые правители Тобрагоны даже пытались построить нечто подобное к западу от Иверноста, наращивая естественную косу с помощью гигантских камней, но у них ничего не получалось — налетал очередной шторм, и камни разбрасывало на много миль вокруг.

— В Иверносте нам тоже выспаться не дадут, — сказал Гергос. — Так что не будем терять времени.

Ри наконец добрался до шкатулки. Она была цела, только поцарапана с одного боку. Стоило ему коснуться темного дерева, и снова накатила противная слабость. И нога заболела пуще прежнего. Так что, когда дану Гергос подвел лошадь и поднял Ри, чтобы снова усадить в седло, тот был донельзя ему благодарен. До порта добрались без происшествий, и Ри увидел перед собой корабль со странными очертаниями: очень длинной, вытянутой кормой и треугольными парусами.

Седоволосый первым поднялся на борт и тут же принялся отдавать приказы. Гергос помог Ри выбраться из седла и хотел отнести его на руках, но тут уж Ри воспротивился.

— Я не маленький, — прошептал он упрямо.

— Как, дитя мое? Неужели мы так давно с вами не виделись, что вы успели повзрослеть?

Улыбка Гергоса была грустной, и Ри едва удержался, чтобы не разгладить складку справа от губ. Опомился в последний момент и сделал вид, будто просто хотел поправить волосы. Это все лихорадка.

Он сумел взобраться по крутым сходням и дойти до дверей каюты, располагавшейся прямо на висевшей над пустотой корме. Гергос объяснил, что эта часть корабля называется ютом, а сам корабль — шебекой, и Ри это даже запомнил. Зато потом, едва переступив порог каюты, он рухнул без сил и непременно разбил бы себе нос, если бы дану не успел его

подхватить. Ри улыбнулся, вновь ощутив на плечах сильные руки, и потерял сознание.

Очнулся он от того, что кто-то рядом отчаянно ругался. Ри даже заслушался — половины слов он никогда не слышал, а ведь два года в Интернате Толорозы существенно расширили его словарный запас. Чуть приоткрыв один глаз, Ри увидел совсем близко покрытое шрамами лицо и с удивлением понял, что тот, кого он посчитал стариком, на самом деле едва ли старше Гергоса. Просто седая голова и шрамы, издали похожие на морщины, сбивали с толку.

— Очнулся, жабья пупырка?

Ри показалось, что седоволосый сказал именно это. Но он не был уверен, поэтому просто кивнул в ответ.

— Почему раньше не сказал, что лихорадит?

Ри пожал плечами.

— А где дану?

Седоволосый махнул куда-то себе за спину.

— Еще один бестолковый мурений выкидыш. Как будто бы мне больше нечего делать, как зашивать старые раны. И ладно если бы царапина свежей была, так нет же, Тавохов уд, ей дня три, не меньше.

— Дану ранили?

— Почти вены вскрыли. Ну, нечего мне язык заговаривать. Вот, держи.

Под нос Ри сунули чашку с каким-то терпко пахнущим варевом. Он послушно выпил, рассматривая седоволосого. Станный он был. Много ругался и говорил намеренно грубо, но при этом очень правильно, словно специально хотел казаться глупее, чем есть.

— А кто вы? — спросил Ри.

Седоволосый фыркнул.

— Тот, кто уже пятнадцать лет не дает этой деревянной заднице Тавоха пойти на дно.

— Так вы не врач?

— Врач! — фыркнул седоволосый. — Да я здесь заместо светлого Керпо всех латаю. Допил? Давай обратно кружку, чего вцепился?.. А теперь спи.

Но спать Ри не собирался. Стоило седоволосому уйти, и он встал, чтобы подойти к койке на противоположной стороне каюты. Его качало больше обычного, и Ри не сразу сообразил, что это не лихорадка усилилась, а просто «Мариника» вышла в море. Гергос спал, закинув согнутую руку за голову, вторая, забинтованная, лежала поверх одеяла. Убедившись, что дану действительно спит, Ри осторожно погладил загорелые пальцы. Кто и когда его ранил? Почему дану ни о чем не сказал?

Упрямый, смелый... он готов был умереть, чтобы Ри смог уйти. Присев на пол рядом с кроватью, Ри прижался лбом к лежащей на одеяле руке. Пальцы Гергоса чуть шевельнулись, поглаживая, и Ри вздрогнул. Но Гергос спал.

Должно быть, Ри тоже задремал, потому что когда он в следующий раз открыл глаза, то уже не сидел на полу, а лежал на кровати, и Гергоса в каюте не было. Корабль сильно раскачивался, за окном свистел ветер и громко хлопали паруса. Потом сверкнула молния, и Ри окончательно проснулся.

Он чувствовал себя очень слабым и уставшим, будто вовсе не спал, при этом голова была чище, и мысли больше не путались. Пропитанная потом рубаха липла к телу и показалась ужасно холодной, стоило Ри откинуть одеяло. Встать с первого раза не получилось. Только Ри свесил ноги, и его швырнуло обратно, пол накренился, а оконное

стекло лизнула высокая волна, оставив после себя белую пену.

Фонарь под потолком дико раскачивался, свет дрожал и прыгал, будто на... на волнах. Ри почувствовал, что его сейчас стошнит. Снаружи то и дело доносились крики, отрывистые команды и ругательства. Ри узнал голос седоволосого. Но где Гергос?

Дверь в каюту была не заперта, и Ри вышел на палубу. Там творилось нечто невообразимое. Наверное, бывалый моряк смог бы увидеть в происходящем некую логику, но для Ри беготня матросов, сворачивание и разворачивание парусов и движения руля были сплошным хаосом. Он с удивлением наблюдал за совместным танцем людей и разбушевавшейся стихии. Брызги, тяжелые дождевые капли, льющиеся с треугольных полотнищ потоки воды — Ри промок в ту же минуту. Но когда он уже решил уйти, чтобы не мешаться, взгляд его привлекла странная бледная полоса впереди. Она тянулась, подобно второму горизонту, высоко, закрывая собой половину неба. Сначала казалось, что она не движется, но, приглядевшись, Ри заметил, что полоса поднимается, становится шире, постепенно заполняя собой почти все пространство прямо по курсу. А потом он понял, что первого горизонта, где бурлящее море становилось покрытым тучами небом, не видно. Его закрыла гигантская волна.

Ри судорожно вцепился в ручку двери. На шебеку надвигалась сама смерть. Взгляд Ри снова заметался по палубе, выискивая в неразберихе одну-единственную фигуру. Где же...

— Дану! — закричал Ри, заметив наконец Гергоса у одной из мачт.

Действительно закричал. Но времени удивляться вернувшемуся голосу уже не было. Вдруг стало совсем темно.

***

Гергос обернулся, услышав крик. Ри стоял у дверей каюты, такой маленький, такой уязвимый. Тонкая ручка указывала куда-то вперед и вверх, как будто кто-то мог не заметить идущего на них вала. Гергос выругался и перерезал веревку, которая тянулась от его пояса к мачте. Один раз она уже спасла его, когда волна, младшая сестра приближающейся, накрыла палубу и едва не смыла несколько человек за борт.

Атолас в последний раз крутанул штурвал, разворачивая корабль носом к волне. «Мариника» задрожала, застонала, почти как женщина в родах.

— Ваша светлость! — крикнул кто-то из матросов.

Гергос в два прыжка пересек палубу и оказался на юте ровно в тот момент, когда нос шебеки резко пополз вверх. Одной рукой Гергос прижал к себе Ри, другой перекинул веревку через перильца, отделявшие ют от нижней палубы. Затянуть петлю он не успел, корабль накренился на правый бок, и сверху обрушился шквал соленой воды. Гергос не устоял и теперь отчаянно пытался понять, где верх, а где низ, и как упасть так, чтобы не придавить Ри, вцепившегося в него мертвой хваткой. Но упасть не получалось. Палуба оказывалась то с одной стороны, то с другой, потом Гергоса швырнуло спиной о дверь каюты, протащило несколько пядей и снова отбросило.

Воздуха стало не хватать, Окъеллу до боли сжал зубы, не позволяя воде попасть в легкие. Скоро все закончится. Корабль снова накренило, и наконец стало понятно, где низ. Еще несколько мучительно долгих мгновений, и Гергос наконец смог вдохнуть. Он замотал головой, отбрасывая с лица мокрые волосы. Ри висел на нем, не в силах сам устоять на ногах. Слабое тело сотряс приступ надсадного кашля, по подбородку потекла морская вода.

— Дану! — прохрипел Ри, еще сильнее сжимая руки вокруг Гергоса — хотя, казалось бы, куда больше?

— Все хорошо, все хорошо. Ты жив. Отпусти.

Ри замотал головой.

— Все кончилось. Ри, подними голову. Ты видишь? Буря закончилась.

Море вокруг по-прежнему плясало дикими бурунами, но ничего похожего на гигантскую волну. Ри наконец разлепил соленые ресницы и недоверчиво посмотрел по сторонам.

— Почему мы не умерли?

— Потому что это хороший корабль, Ри, быстрый и крепкий. Он может выдержать сотню таких бурь. Ну же!

— Я не хочу еще сотню бурь...

— Вам нечего бояться, дитя мое, до Громобоя всего пара миль. Мы успели, теперь все будет хорошо.

— Правда?

Ри поднял на него глубокие темные глаза. Сколько было в этом взгляде надежды, сколько доверия! Гергос сглотнул противную горечь.

— Да, дитя мое. Теперь все будет хорошо, но вы должны вернуться в каюту. На палубе слишком опасно.

— А вы?

— Я приду позже.

Отцепить от себя холодные пальчики оказалось не так-то просто. Но потом Ри смирился: кивнул и пошел дерганой походкой к каюте. Гергос остановил его у самой двери:

— Ри! Постарайтесь поспать. Нам предстоит долгий разговор.

Буря не сдавалась. Оставшиеся до Громобоя мили не были простыми, хотя Атоласу уже не требовалась вся возможная помощь. Оглядев море вокруг, капитан небрежно махнул рукой в сторону кормы:

— Идите, ваша светлость. Сами разберемся.

Но Гергос не ушел. Он дождался, пока «Мариника» пройдет между рифами, пока острые верхушки Громобоя не окажутся позади, пока глаза не начнет слепить от поднимающегося прямо перед носом шебеки солнца... Потом оттягивать неизбежное стало невозможно.

Ри не спал. Он приподнялся на кровати, стоило Гергосу открыть дверь. Первым порывом было — отчитать и завернуть в теплое одеяло, но Гергос ему не поддавался. На стуле, аккуратно разложенные, лежали мокрые бриджи и рубаха. Из-под пледа выглядывали босые ноги. Гергос на мгновение задержал взгляд на свежей повязке, потом заставил себя отвернуться. Ему и самому следовало сменить одежду, но с этим пока придется подождать. Не сейчас. Не здесь.

Он остановился, притворив за собой дверь, и слегка наклонил голову — не слишком низко, без раболепства, как перед равным.

— Ваше высочество, я думаю, нам стоит объясниться.

Почти целая минута тишины. Но Ри не стал отрицать и прятаться — уже хорошо. Разве что голые пятки уползли обратно под плед.

— Как вы узнали? — спросил он наконец.

То есть она спросила. Гергос одернул себя — надо привыкать.

— У вас очень узнаваемый цвет волос. Цвет Коварэнов. К тому же вы похожи на свою мать в молодости.

— Вы знали ее?

— Лично? Нет. Только видел несколько раз. Мы тогда вращались в разных кругах.

— Почему вы сразу не сказали?

— Мне показалось, вы хотите сохранить инкогнито.

— Тогда почему заговорили теперь?

— Мы плывем в Анкьер, а даже я не могу увезти тобрагонскую принцессу крови в другую страну, не спросив ее разрешения.

— Я не хочу быть принцессой. Я Ри, ваш паж.

Гергос подошел ближе.

— Мне тоже весьма симпатичен этот юноша, но, увы, ему придется исчезнуть. Сейчас моего пажа ищет, наверное, пол-Каргабана: полиция, люди Дядюшки Лу, ваш дядя...

Гергос испытующе посмотрел на сидящую перед ним молодую девушку: скажет или нет?.. Она молчала.

Когда стало понятно, что откровенничать с ним не станут, Гергос добавил:

— Вам нужно сменить личину.

— Я не хочу быть принцессой Коварэн.

Последнее слово прозвучало скомкано, словно она пыталась подавить рвущиеся наружу рыдания. Неужели собственное имя вызывает у нее такой ужас?

— Почему? Прусто, ваш жених, давно отказался от мысли жениться на вас. Почему вы продолжаете прятаться?

Взгляд сам собой скользнул по стоявшей рядом шкатулке. Не в ней ли кроется ответ?

— Разве я не могу быть просто Ри?

— Нет, ваше высочество.

Она вздохнула, теперь уже спокойнее. Улыбнулась грустно, вымученно.

— К чему церемонии? Зовите меня Атарьяной. Впрочем, нет... так мне тоже не нравится.

— Отчего же? Это прекрасное анкьерское имя. Меня, правда, всегда удивляло, что тобрагонская принцесса решила назвать дочь на анкьерский лад.

— Меня тоже. Только мне больше не нравилась его длина, а не происхождение. Но теперь понятно. А ведь у него должен быть и сокращенный вариант, верно? Как... как Онсо.

— Да. Тари.

— Тари, — она снова улыбнулась, оживая. — Та-Ри. Мне нравится. Я буду Тари. Можно? Вам нравится?

— Да, ваше высочество.

— Не называйте меня так! Я должна отказаться от роли пажа, но совершенно не обязана снова становиться принцессой.

— А кем вы хотите стать?

Темные, бездонные глаза, задумчивая улыбка.

— Вашим другом?

Тонкая иголочка разочарования царапнула нерв. Другом.

Гергос снова поклонился:

— Почту за честь, ваше высочество.

— Дану! Вы издеваетесь надо мной!

— Немного, ваше высочество.

— Я запрещаю вам! Мы все еще в тобрагонских водах, и я запрещаю называть меня

«ваше высочество»! Только Тари.

— Я не подданный тобрагонской короны, и ваши запреты ничего не значат. Но хорошо.
Тари.

— Так о чем вы хотели со мной поговорить?

По ее лицу скользнуло шkodное выражение, маленькие пальчики снова показались из-под пледа. Гергос придвинул ближе стул и сел на него.

— О ваших планах.

— Они зависят от ваших.

— Но чего хотите вы? Вам не обязательно плыть с нами в Анкьер.

— Но я хочу в Анкьер!

Гергосу показалось, он услышал недосказанное окончание фразы — «с вами».

— Когда и как вы собираетесь вернуться в Тобрагону?

— А что если я не собираюсь возвращаться?

— Тари, так нельзя.

— Почему?

Если бы речь шла о ком-нибудь другом, он бы сказал: подумайте о вашей репутации. Но Ри... Тари уже два года никто не видел. Ее репутация и так уничтожена. Богатство? Влияние? Вопросы престолонаследия? Не похоже, чтобы ее это сильно интересовало.

— Я слышала, вы не стали жениться и сбежали из дома на двадцать лет, — подлила масла в огонь Тари. — Почему мне нельзя поступить так же? Если вы мне поможете, я могу стать кем угодно! Где угодно!

Чем он мог напугать ее? Осуждением высокого общества? Неизвестностью? Она видела и то и другое. Даже жаль, что здесь нет Албэни, он бы нашел, что сказать.

— Дану, — прохладная ладошка коснулась руки Гергоса. — пожалуйста, отвезите меня в Анкьер. Пожалуйста-пожалуйста!

— С одним условием.

— Каким?

Она придвинулась ближе, глаза азартно блеснули.

— Вы будете меня беспрекословно слушаться.

— Значит, я снова стану пажом?

— Нет! Я не могу сделать пажом молодую девушку.

Она скривилась.

— Мне нравится быть мальчиком.

— Вы хотите в Анкьер или нет?

— Да, дану.

— Я не могу сделать вас своим пажом, но вы можете стать моей воспитанницей.

— Воспитанницей?.. Это как...

— Как приемная дочь, да.

— Но...

— Тари, я на девятнадцать лет вас старше. Роль вашего приемного отца — единственная, которая не вызовет вопросов.

— Но...

— Тари, это мое условие.

Она упрямо насупилась, став ужасно похожей на маленького рассерженного котенка. Того и гляди зашипит, темно-рыжая шерстка встанет дыбом, на лапках покажутся когти. Но

Гергос тоже не собирался отступать. Она хотела стать его другом, и именно дружбу он ей теперь и предлагал. Что-либо иное выглядело бы не только предосудительно, но и... просто глупо. Нелепо. Девятнадцать лет — это много. Слишком много.

Молчание затянулось на несколько минут, Тари хмурилась, кусала губы, теребила плед, выщипывая из него ворсинки, Гергос просто ждал.

— Хорошо! — наконец воскликнула она. — Если вы так хотите, я стану вашей воспитанницей. Но, дану, должна сразу предупредить: я не собираюсь перевоспитываться!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВОСПИТАННИЦА

ГЛАВА 13. ДРЕВНИЙ И БЛАГОРОДНЫЙ ДОМ ГЕРГОСОВ

Сначала Тари думала, что ничего не изменилось. Во время плавания она по-прежнему должна была надевать мужскую одежду, капитан — или все-таки доктор? — Атолас обращался к ней как к мальчику, матросы рассказывали про особенности жизни на море, травили неприличные анекдоты и учили ее вязать узлы. Но потом Гергос забрал свои вещи и переехал в каюту капитана, и Тари поняла: изменилось все.

Она и сама не могла решить, нравится ей ее новый статус или нет. С одной стороны, ее привлекала свобода: Гергос теперь меньше командовал и не отмахивался, как бывало раньше, от каких-то ее слов. Но, с другой стороны, Тари казалось, что он отдаляется, отгораживается, как стальным доспехом, своим возрастом и ролью приемного отца. Ситуация раздражала еще сильнее оттого, что Тари и сама не понимала, почему злится.

Когда Гергос принес ей новый костыль — на этот раз действительно удобный, позволивший свободно передвигаться по кораблю, — Тари едва его поблагодарила. А потом долго кусала губы, не зная, как подойти и извиниться. Слова не складывались, фразы выходили неуклюжими, собственные пылающие щеки казались двумя предательницами, воздуха не хватало, и Тари снова начинала злиться... А Гергос, кажется, даже ничего не заметил!

В остальном же плавание проходило спокойно. Лишь однажды на горизонте появился корабль без флага, и пушечный залп приказал «Маринике» лечь в дрейф. Но капитан Атолас показал пиратам непристойный жест, приказал поднять все паруса, и через два часа корабль исчез из виду. Больше шебеку задержать никто не пытался. Море тоже вело себя на удивление мирно, впрочем, плававшие здесь не раз матросы уверяли, что к востоку от Громобоя всегда так.

Через неполные шесть дней после отплытия впереди показался Анкьер — столица одноименного государства, чье название в переводе означало «принадлежащий Къярру». Анкьер стоял в дельте реки Эрион, на, если матросы не вралы бессовестно, ста островах, больших и маленьких. А жители Анкьера были вынуждены передвигаться пешком или в паланкинах не потому что были чем-то лучше тобрагонцев, а из-за нескольких сотен горбатых мостиков, на которые карета просто не въехала бы.

«Мариника» пристала к берегу чуть западнее города, в небольшой бухточке, где уже покачивались на волнах две прогулочные яхты весьма внушительных размеров. Гергос не торопился покинуть корабль, он отправил вперед двоих посыльных, один из которых вернулся сразу, а второй пропал до самого вечера.

Уже в сумерках Гергос, Тари и несколько слуг пересели в лодку, которая отвезла их на берег. Там ждали оседланные лошади и повозка для багажа. Короткая поездка закончилась у высокой живой изгороди, из-за которой виднелись лишь печная труба и флюгер в виде распластавшейся в полете птицы. За изящными бронзовыми воротцами начиналась длинная

тенистая аллея, усаженная кипарисами, она делала полукруг и вела к дому.

— Это старая вилла, — объяснил Гергос, — в последние годы сюда никто не приезжал, и все здесь немного обветшало, но не беспокойтесь — мы надолго не задержимся.

Тари и не думала беспокоиться. Она во все глаза смотрела по сторонам и приходила в восторг от новых запахов — смеси морского воздуха и аромата экзотических, ранее не виданных цветов: с крупными белыми бутонами, которые раскрывались вечером, а не утром. Сам дом ей тоже ужасно понравился: одноэтажный, но очень просторный, с высоченными потолками, стенами из светлого ракушечника и красивой резной мебелью. В полу посреди квадратного холла было сделано небольшое углубление для сбора дождевой воды — Тари задрала голову и увидела звезды.

В левом крыле располагались жилые комнаты, в правом — кухня и хозяйственные помещения, а прямо за домом начинался парк — совсем не такой ухоженный, как у альсаха Албэни или госпожи Дакару, а дикий, почти запущенный. Когда слуги закончили разгружать повозку и неожиданно стало тихо, Тари услышала, как в пруду неподалеку горланят лягушки.

— Отдыхайте, — сказал ей Гергос на прощание, — завтра будет тяжелый день.

Но уснула Тари далеко не сразу. Уже переодевшись в длинную ночную рубашу, она долго стояла у окна и слушала стрекот цикад, шелест листвы в высоких кронах и тихое перекликанье ночных птиц. А потом выковыряла из подоконника кусочек ракушечника, открыла окно и попробовала добросить до пруда. Получилось лишь с третьей попытки.

А следующий день и впрямь оказался не из легких. Дану Гергос привел какую-то долговязую девицу, Кармиту, и объявил, что она будет личной горничной Тари. Саму Тари при этом, разумеется, никто не спросил. И все ее возражения остались без малейшего внимания. Ее попросили замолчать и поднять руки повыше, чтобы можно было снять мерки. Спасибо светлейшему Керпо, Гергос сам выбирал ткани и фасон будущих платьев, а Тари смогла подуться в свое удовольствие, сидя на пуфе в стороне от восторженной горничной, скептического Эвретто и деловито отдающего приказы Гергоса.

Кстати об Эвретто. Камердинер его светлости перевоплощение пажа Ри в воспитанницу Тари воспринял с удивительным равнодушием. А может, Тари просто не довелось присутствовать при его разговоре с Гергосом, когда эту новость объявили впервые. Если раньше Эвретто ее то и дело задирал, то теперь он попросту перестал ее замечать, словно поведение и состояние одежды не-слуг его совершенно не интересовало.

После снятия мерок Тари повели мыться. Каменная ванна была вырезана прямо в полу, огромная печь, которую Кармита назвала гипокаустом, занимала все соседнее помещение, и от нее под полом тянулись трубы с горячим воздухом, который и нагревал воду. Позабыв про обиды, Тари плескалась в ванне больше часа. Рану на ноге слегка пощипывало, но несильно. А потом стало еще лучше. Кармита попросила Тари лечь на стоящую тут же мраморную скамью и умело размяла ей плечи и спину, ноги, руки, живот... Тари едва не уснула, погрузившись в блаженную негу.

А перед самым обедом ей принесли первое платье. И это не было платьем. То есть было, но не совсем. Под разрезанной спереди до самого пояса юбкой скрывались милые шаровары, верх был свободным — рубаша с длинными широкими рукавами и короткая безрукавочка, чуть стянутая спереди шнуровкой. Это ужасно походило на то, что носили благородные юноши в Нашарате, и Тари пришла от нового костюма в неопишуемый восторг. Переодевшись, она сделала несколько кругов по комнате — платье ничуть не стесняло движений.

Услышав шаги за дверью, Тари, не дожидаясь, выскочила в коридор и едва не повисла на шее у Гергоса — удержалась, спрятала руки за спиной, но все равно продолжила глупо улыбаться.

— Спасибо, дану!

— За что? — удивился тот.

— За платье! Можно, я буду носить именно такие?

— Только такие? Разве вам не хочется разнообразия?

Тари поморщилась.

— Но обычные платья такие неудобные!

Гергос усмехнулся:

— Вы хотите сказать «обычные тобрагонские платья»? Дитя мое, вы теперь в Анкьере, а анкьерские женщины предпочитают одеваться так, чтобы легко можно было вскочить в седло или взобраться по крутой лестнице.

— А анкьерские мужчины?

Сам Гергос не торопился переодеваться в новую одежду. На нем был тот же изумрудно-зеленый камзол, что и в день, когда Ри попытался его ограбить.

— Вы увидите, разница между женскими и мужскими костюмами не так велика. Может быть, теперь вы желаете взглянуть на принесенные Кармитой эскизы?

Тари желала и взглянула. И пришла к выводу, что сможет пережить расставание с так полюбившимся ей костюмом пажа.

А потом наступило время обеда и лекций.

— Тари, постарайтесь держать спину прямо и не ставить локти на стол.

— Тари, не забывайте про нож.

— Тари, я предложил тост, вам следует хотя бы для приличия отпить чуть-чуть из своего бокала.

— Тари...

— Ну что еще?!

Гергос отложил салфетку, за которую взялся всего мгновение назад.

— Я хотел спросить, не устали ли вы и не желаете ли прогуляться после обеда по парку.

— О... — Тари виновато потупилась. — Спасибо, с радостью.

С костылем она теперь передвигалась ничуть не медленнее, чем до ранения, и даже могла наступать на больную ногу, хоть это и было неприятно. Атолас советовал не беспокоить некоторое время рану, чтобы успела нарасти новая кожа. При расставании он выдал Тари склянку с мазью — очень похожей на ту, которой смазывал рану доктор Рафаль, только эта пахла похуже. А еще капитан, убедившись, что Гергоса нет рядом, наклонился и очень серьезно посмотрел Тари в глаза:

— Это ведь не ожог от лампы, — сказал он, понизив голос. — Я видел такие раны, жабья пупырышка. Их оставляют плохие люди. Так что, мой тебе совет, отомсти и постарайся больше не попадаться.

Тари обещала постараться при условии, что он не расскажет Гергосу. Но капитан и так не собирался, а дану больше ни о чем не спрашивал. Тари с минуты на минуту ждала вопросов, особенно после того, как они сошли на берег. Но Гергос молчал. А теперь это предложение прогуляться — по заброшенному парку, где нет слуг и никто не сможет подслушать.

Сердце билось, словно сумасшедшее. Что ответить, если дану спросит? Он и так,

должно быть, о многом догадывался, так что можно и не прятаться. И если бы речь шла только об одной Тари, она бы рассказала — возможно, даже не дожидаясь, пока спросят. Ей отчаянно не хватало поддержки, совета или хотя бы сочувствия. Но документы в шкатулке затрагивали слишком многих — Тари знала доподлинно лишь несколько имен, но об истинных масштабах заговора могла только догадываться.

А еще был Иваро, старший брат, которого Тари не видела со смерти родителей. Он уже пять лет находился в Нашарате, путешествуя с армией от одного гарнизона к другому. Они никогда не были особенно близки — слишком большая разница в возрасте, — но Тари не собиралась ломать ему жизнь каким-нибудь безрассудным поступком. Если о заговоре станет известно, пострадает не только дядя, но и Иваро.

В первую очередь нужно было посоветоваться именно с ним. Теперь у Тари были средства, чтобы отправить послание в Нашарат. И ей следовало как можно скорее написать обо всем Иваро и дождаться ответа, а не выдавать семейные тайны первому попавшемуся анкьерцу.

Тари тихонько вздохнула. Что это за семья, когда первый попавшийся анкьерец делает для тебя больше, чем кто-либо из живых родственников?

***

— Я должен кое-что тебе объяснить, — начал Гергос, когда они свернули с основной аллеи и пошли вдоль пруда. — Потому что привезти тебя в Анкьер, не рассказав всего, было бы нечестно.

Мой отец немало сделал для своего дома. Род Гергосов очень древний, но он никогда не выходил на первый план, не играл значимой роли в жизни Анкьера. Мой отец это изменил, он рискнул ввязаться в тогда еще довольно сомнительную торговлю сахаром и через десять лет стал самым богатым человеком к востоку от Громобоя. Гергосы разных ветвей — у меня немного близкой родни, но достаточно троюродных братьев и сестер — заняли значимые должности, и это позволило обрести новые богатства и власть. Моего отца даже стали называть Великим Гергосом, ставили выше, чем основателя рода... а ведь тот одним из первых бросил факел в разграбленную Ноллэ!

Я всего лишь второй сын. Наследником и преемником всего должен был стать мой брат, а я не рассматривался даже как запасной вариант. И меня это жутко злило. Глупо, конечно, но мне казалось: если я смогу вывести отца из себя, он наконец вспомнит о моем существовании!

— И вы закрылись на чердаке?

— Налана рассказала? Она всем рассказывает, наверное, даже каргабанский молочник был в курсе. Да, я закрывался на чердаке, прятал отцовскую печать, пытался оседлать его лошадь, к которой он запрещал даже притрагиваться... Я сделал все, что мог, но добился в итоге только одного: мне окончательно перестали доверять. Я сам все испортил. А когда портить стало нечего, просто сбежал.

Я не знаю, почему сбежали вы, Тари, а я мечтал наконец найти самого себя, понять, кто я — кроме того, что бестолковый младший сын Великого Гергоса. Я настолько погряз в своей мелочной мести отцу и брату, что за семнадцать лет так и не понял, что собой представляю, чего хочу и на что способен. Детские обиды, детские проблемы, детский взгляд на мир... Каргабан быстро меня от этого вылечил.

Не стану пересказывать подробности. Из Тобрагоны я уехал в Ханьяр, провел там много лет, потом купил корабль — «Маринику», затем снова путешествовал по Нашарату и

Внутреннему морю... Иногда я годами не вспоминал о доме. Обиды улеглись, и оказалось, что мне почти нечего помнить, не по чему скучать. За двадцать лет я ни разу не навестил отца или брата.

А потом меня нашел адвокат, сказал, что отец очень плохо себя чувствует и требуется мое присутствие. Дело было в какой-то формальности, очень давно я подписался под одним документом как свидетель и теперь непременно должен был подтвердить его подлинность. Это даже забавно... Все эти годы я кичился собственной независимостью, представлял себя паршивой овцой, а между тем меня даже не пытались искать и вернуть! Когда я действительно понадобился, меня нашли очень быстро. И потому я добирался домой несколько месяцев.

Снега в том году было много, и по весне Эрион сильно разлился. Когда отцу стало плохо, мой старший брат находился в столице, но, услышав новости, стремглав бросился в Льен, наше родовое поместье. Из-за паводка мост поплыл, искать другой мой брат не стал, он подумал, что и так сможет перебраться — знал, где брод. Точнее, где он раньше был. Той весной даже в самых мелких местах Эрион был не меньше пяти локтей в глубину. Дурная лошадь испугалась и утянула моего брата на дно вместе с собой.

Когда отец узнал, с ним случился удар. Он умер на третий день. А я приехал только через несколько недель. По закону наследовать должен старший ребенок, но моему племяннику было всего пятнадцать — ему оставалось несколько месяцев до совершеннолетия. Другие претенденты были слишком дальней родней, и в итоге главой рода стал я. Забавно, правда? Меня не было двадцать лет, моя овдовевшая невестка даже пыталась представить меня самозванцем — она где-то раздобыла документы о смерти Окъеллу Гергоса. Но забыла про одну второстепенную печать. И некоторые из слуг ее не поддержали...

Я не желал вражды. Мое возвращение было странным и неожиданным, но я наконец оказался там, где должно. Больше не надо было никуда ехать, я мог быть тем, кем был рожден — Гергосом. Потом меня едва не отравили. И снова всплыли какие-то странные личности, уверявшие, что знали Окъеллу Гергоса и собственноручно его похоронили.

После очередного покушения на мою жизнь и репутацию мы с Дайаной — с Даврайей Касанной, так зовут жену моего брата — договорились: я называю ее сына своим наследником, никогда не женюсь и не завожу собственных детей, а она прекращает вредить и позорить дом. Кажется, я тогда впервые заговорил о чести Гергосов — до этого только слушал о ней в нотациях отца. Так или иначе, но мы заключили перемирие. Каким бы шатким оно ни было, это все же лучше, чем жить в постоянном ожидании еще какой-нибудь подлости...

— Вы боитесь, что мое появление может все испортить?

— Это возможно. Поэтому я и хочу сразу обозначить ваш статус. Вы всего лишь моя воспитанница и не претендуете на наследство Гергосов.

— Я и не думала, что...

— А еще лучше будет, если вы как можно быстрее выйдете замуж. Я понимаю, говорить об этом сейчас преждевременно, но если вы поедете со мной, то должны знать: стоит Дайане почувствовать хотя бы малейшую опасность с вашей стороны, и она ни перед чем не остановится. Наверное, я должен был раньше об этом упомянуть...

— Нет, все в порядке. Продолжайте.

— Тари, свами все хорошо? Вы побледнели. Идемте обратно в дом, прогулка, должно

быть, вас утомила.

— Нет, нет, пожалуйста! Я отлично себя чувствую, мне нужен свежий воздух.

— Итак, что вы скажете?

— О чем?

— О вашем решении. Вы можете оставаться здесь сколько пожелаете, но через несколько дней я отправлюсь в Льен. Я уже достаточно долго манкировал свои обязанности главы рода.

— Но если я хочу вас сопровождать, то должна буду выйти замуж?

— Конечно, не сразу. Скоро начнется сезон: балы, приемы, званые обеды. У вас будет шанс найти прекрасную партию, а я, со своей стороны, обеспечу сносное приданое.

Он специально на нее не смотрел. Гергос старался говорить ровно и с причитающейся случаю долей дружелюбия. Тари ответила словно через силу:

— Дану, я... я благодарна вам за предложение.

Быстрый взгляд на сосредоточенное, хмурое личико, и снова — вперед, на кипарисы. И не сбиться с шага.

— Вы не выглядите особенно довольной. Брак так вас пугает? Ах да, я почти забыл, вы ведь сбежали накануне свадьбы...

— Я сбежала не из-за свадьбы!

— Как скажете.

Одна минута, две, три...

— Тари, теперь вы знаете мою историю и должны понимать, что я не могу вас осуждать... Только не я.

Тишина. Потом:

— Кажется, мне все-таки нехорошо. Можно я пойду домой?

Гергос наконец позволил себе как следует взглянуть на Тари. Слишком бледная. И глаза прячет.

— Конечно. Давайте руку, я помогу.

Они дошли до дома в полном молчании.

— Дану, можно я еще подумаю?

Теперь уже Тари не решалась поднять на него взгляд, все рассматривала бассейн посреди холла. Странная все-таки была архитектура у предков, хотя, стоит отдать им должное, отопление и водопровод в этом доме были на порядок лучше, чем в более современном Льене.

Гергос убрал правую руку за спину, расправляя плечи, и лишь после сообразил, что вытянулся, как на парадном смотре. Неосознанная защитная реакция?

— Конечно.

— Хотя бы до завтра.

Голос тихий, несчастный, но на него все равно не смотрит. От непривычно формальной позы у Гергоса даже заныло между лопатками. Как еще убедить себя, что он все сделал правильно?

— Столько, сколько вам потребуется, Тари.

— Спасибо.

Она не позволила проводить себя до самой спальни, сжала губы и заверила, что прекрасно дойдет сама, беспокоиться не о чем. А уже на следующее утро за завтраком объявила, что поедет с ним в поместье и сделает все, что от нее потребуется.

ГЛАВА 14. ТРИ ЛИКА ЛЮБВИ

Несмотря на принятое решение, ждать отъезда пришлось еще четыре дня. За это время для Тари сшили еще ворох одежды, она обзавелась полудюжиной перчаток и туфелек, шляпками, ридикюлями и даже собственной тростью — это было последней модой в Анкьере, а для Тари, увы, по-прежнему насущной необходимостью. Она смогла избавиться от костыля, но все еще слегка хромала.

Дану Гергос тем временем отправил в имение посыльного — предупредить о своем визите. Посыльный не вернулся, зато приехали двое молодых дану — явно поплоше, так что для себя Тари называла их гейрами и обращалась к ним просто «ваша милость». Дану много улыбались и лебезили, предложили развлекать Гергоса в дороге — а потом и Тари, когда выяснилось, что господин приехал с воспитанницей, — но в конце концов скатились в обыкновенное попрошайничество: помочь с наделом, устроить на службу, умерить пыл зарвавшегося соседа... Гергос тоже много улыбался, но в итоге так ничего и не пообещал.

Зато, общаясь с молодыми дворянами, Тари немного поднаторела в анкьерском. Язык был кровным братом знакомого ей с детства тобрагонского, отличались лишь отдельные слова, несколько звуков, а еще интонации. И темп. Говорили анкьерцы с невообразимой скоростью.

Из-за всех этих улыбок, комплиментов и маленького букетика маргариток, который преподнес ей один из дану, Тари постоянно чувствовала себя самозванкой, жалкой выскочкой, которая пытается занять чужое место. А ведь ей даже почти не приходилось врать!

У Тари эль Нахри — так теперь ее звали — была крайне трагическая судьба: ее родители, тобрагонцы, переехали в Ханьяр за несколько лет до ее рождения. Они умерли два года назад от оспы, и некоторое время Тари провела в приюте для благородных девиц, откуда ее и забрал Гергос, старый друг ее отца. Эль Нахри, разумеется, были очень состоятельными людьми, но, увы, после их смерти алчные тобрагонские родственнички почти все прибрали к рукам, и несовершеннолетней на тот момент Тари ничего не досталось. Но Гергос, желая почтить память покойного друга, пообещал заботиться о Тари и устроить ее судьбу.

На этом месте глаза обоих дану заинтересованно блеснули. И с тех пор улыбок, комплиментов и цветов стало в два раза больше. Когда настало время уезжать, Тари выпросила у Гергоса карету. Она бы с удовольствием поехала верхом, но тогда бы пришлось всю дорогу слушать лицемерные восторги и заверения в бесконечной преданности, а так она могла сослаться на дурное самочувствие и отгородиться от всего мира.

Выехали с рассветом, а до поместья добрались лишь в сумерках. Тари даже не сумела ничего толком разглядеть. Только два высоких тополя, что росли в начале подъездной аллеи. И яркий свет на крыльце, выстроившихся слуг, руку Гергоса, протянутую, чтобы помочь выйти из кареты... А потом на нее обрушилось молчание, недоброе такое, выжидающее. Тари подняла глаза и встретила с неприязненным взглядом еще довольно молодой женщины. Когда-то она была очень красива, но горе ее сломало. Тари видела таких женщин в Интернате, еще окончательно не утративших флер бывшего благополучия, но с мертвыми глазами, нездорового цвета кожей и сильным запахом крепленого вина — они приводили к воротам Интерната детей и оставляли их там, даже внутрь не заходили никогда.

От Дайаны Гергос — а кто еще это мог быть? — вином не пахло, все перебивал дорогой

цветочный парфюм, но Тари безошибочно поняла, с кем имеет дело. Должно быть, некоторое понимание, узнавание и частичка жалости отразились на ее лице, потому что неприязненный взгляд сделался откровенно злым.

— Добро пожаловать в Льен, — насмешливо поприветствовала Дайана и опустила перед Тари в глубоком реверансе.

Ее тяжелые темные пряди упали на вышедший из моды несколько лет назад отложной воротничок.

Тари замерла, не зная, как поступить. Гергос почему-то молчал. Она перевела взгляд с него на другую женщину — ее Тари сразу не заметила, потому что та держалась немного в стороне. На лицах вышколенных слуг ни эмоции, но глаза любопытно поблескивают и выжидающе следят, что будет дальше. А вот юноша по левую руку от Дайаны — это, должно быть, племянник — разглядывает недоверчиво. Тари снова перевела взгляд на его мать и тоже изобразила реверанс, как могла:

— Ваша светлость.

Ее голос заставил Гергоса очнуться. Он взял Тари под руку и подвел ближе.

— Моя дорогая невестка, Даврайя Касанна, и ее сын — Энидо Саранту. И Тари эль Нахри, моя воспитанница.

— Можно просто Энту, — выступил вперед юноша, протягивая Тари руку.

Несмотря на возмущенное шипение его матери, Тари с улыбкой ее приняла.

— И позвольте представить нашу гостью, — любезно продолжил Энту. — Госпожа Мариника Паваллу.

Вторая женщина выступила вперед и чуть поклонилась.

— Рада познакомиться с вами, Тари. Онсо, — она с лукавой улыбкой взглянула на Гергоса, — твое лицо, когда ты меня увидел, — это было бесценно.

Мариника. На мгновение Тари даже позабыла о Дайане, самым неприличным образом уставившись на госпожу Паваллу. Мариника. Так называлась шебека Гергоса. Он назвал корабль в честь этой женщины? Почему? Кто она?

Мариника Паваллу не была особенно красивой, скорее просто уютной и приятной для глаз: мягкие каштановые волосы, теплые карие глаза, очень заразительная улыбка. От нее словно веяло легкостью и тихим домашним очарованием. Тари почему-то вспомнилась собственная мать, хотя Михаэна Балароссэ ничуть не походила на Маринику Паваллу. И чувства вызвала прямо-таки противоположные.

— Как ты здесь оказалась? — растерянно спросил Гергос.

— Решила нанести визит, как и полагается соседке. Я надоедаю Дайане уже пятый день, но просила не рассказывать тебе об этом. Хотела сделать сюрприз.

— У тебя получилось. Ты ведь пока не собираешься уезжать?

— Если ты не думаешь меня выгонять, то нет. Мне бы ужасно хотелось познакомиться поближе с этой очаровательной девушкой.

В своей очаровательности Тари сильно сомневалась. Особенно рядом с Мариникой. И особенно после целого дня в дороге. Волосы наверняка выбились из-под шляпки — не настоящие, конечно, а привезенный Кармитой шиньон. Юбка мятая, носки туфель уже чем-то замызганы, и левый манжет вывернут — Тари постаралась незаметно привести его в надлежащий вид.

— Вы уже ужинали?

— В восемь вечера? Онсо, мы, конечно, глухая провинция в твоих глазах, но даже здесь

раньше десяти никто за стол не садится. Ты бы знал, если бы заезжал почаще.

Тари смотрела на женщину с недоверием и даже легким ужасом. Почему она так разговаривает с дану? Даже друзья Гергоса обращались к нему более уважительно. А еще он назвал корабль в ее честь... Вспомнились полные слез голубые глаза госпожи Дакару. На ее обвинения Гергос едва реагировал, но легкая издевка в словах госпожи Паваллу явно заставила его смутиться. Тари чувствовала, как сильно бьется сердце и подкатывает к горлу тошнота. Она с силой оперлась на трость.

— Вам нехорошо? — участливо спросил Энту.

Как неловко! И все снова на нее смотрят, особенно Дайана. И дану. Он, кажется, недоволен чем-то. Тари заставила губы растянуться в улыбке:

— Я просто устала. Могу я...

— Я провожу вас.

Прежде чем Тари успела договорить, Энту подхватил ее под руку и повел к лестнице. В его поведении было что-то искусственное, и Тари невольно напряглась, ожидая подвоха, но, стоило им скрыться из вида, как молодой человек нервно улыбнулся и сделал вид, будто утирает пот.

— Ух! Вы должны простить мою мать, это очень тяжелая для нее ситуация.

— Какая ситуация?

— Ваше появление здесь, в Льене.

— Но почему?

Он покраснел. Краска сначала залила шею, потом щеки, уши — Тари еще никогда не видела, чтобы кто-то краснел так явно.

— Ваши отношения с дядей... Я хочу сказать, ваша связь...

— Дану относится ко мне как к дочери! — воскликнула Тари не то возмущенно, не то с огорчением.

— О!.. Простите, пожалуйста, я не хотел... Просто все подумали...

— Все ошиблись.

— Простите ради Керпо!

— Все в порядке, — Тари чуть сжала его руку. — Но как же госпожа Паваллу? Разве она... Я хочу сказать, разве они с дану не...

Энту замотал головой:

— Нет. Они — нет, уже давно.

Давно? То есть раньше — да? Тари поняла, что и сама покраснела. Щеки пекло, ладони вспотели, и она осторожно высвободилась.

— Это моя комната?

Энту остановился рядом с одной из дверей, Тари была так занята своими переживаниями, что даже не поняла, которая дверь по счету и как они сюда пришли. Но ей не терпелось поскорее остаться одной, поэтому спрашивать она не стала.

— Да, госпожа Нахри.

— Пожалуйста, просто Тари.

Он улыбнулся и покраснел еще гуще.

— Хорошо, Тари.

Сколько ему лет? Гергос говорил, что, когда его отец умер, Энту не было и шестнадцати. А сколько сейчас? Почти семнадцать? То есть на полтора года ее младше, но при этом почти на голову выше. Тари в последний раз улыбнулась и закрыла за собой дверь.

Наконец-то тишина! Тари с усилием сжала виски. Только приехали, а уже хочется куда-нибудь сбежать. Слишком много новых лиц, странных имен, и все смотрят, разглядывают, словно она какое-то странное насекомое. Того и гляди схватят за лапку и проткнут иглой — для коллекции. Наверное, Дайана Гергос за свою жизнь немало людей запугала, по крайней мере, мегерой смотрит мастерски. А еще она пыталась отравить дану. Надо ли теперь и Тари внимательнее следить за едой и напитками?

Самым малодушным образом захотелось вернуться обратно на виллу, а еще лучше — на шебеку!.. Которая называется «Мариника».

Тари зарычала от отчаянья.

Если бы она была Ри, простым пажом, никто бы и не взглянул дважды в ее сторону! И Ри бы ничуть не волновали любовные похождения дану Гергоса... Впрочем, его воспитанницу это тоже не должно интересовать.

Тари опустила на гладко застеленную кровать и отшвырнула трость. Несколько дней назад она пообещала себе, что не станет думать глупостей. В ее ситуации стать воспитанницей Гергоса — большая удача. Шанс на нормальное будущее. Возможность вернуться в общество, пусть и под другим именем. Хотя так даже лучше. Называться Атарьяной Коварэн было противно и больно — от одного только звука проклятой фамилии нога начинала ныть в два раза сильнее.

Короче, Тари просто не имела права отказаться. Ни права, ни причин. Но в последний час все казалось неправильным, враждебным... ну, кроме Энту. Племянник Гергоса был единственным лучиком света во мраке безысходности, только он заметил, насколько Тари неуютно и страшно. А Гергос смотрел только на госпожу Паваллу. И говорил, кажется, исключительно с ней. И не дежурными фразами!

Тари откинулась на спину и сильно-сильно прижала ладони к глазам, чтобы не заплакать. Она уже давно не была наивной девочкой и прекрасно понимала, что происходит. Насмотрелась в Интернате. Это называется влюбленность. Сколько раз приходилось наблюдать, как какая-нибудь девчонка, обычно из новеньких, начинает увиваться хвостом за симпатичным патроном. Тому даже необязательно обращать на нее внимание! Он может просто пройти мимо или улыбнуться собравшейся у дверей стайке воспитанников — этого уже достаточно.

А затем девчонка возвращается в Интернат под утро, растрепанная, с засосами на шее или даже синяками на запястьях. Веки красные, губы опухли, а в глазах звериная тоска. Нет, конечно, Гергос ничего подобного не сделает, это понятно. Да и не все патроны вели себя так, некоторые просто отшучивались и отправляли восвояси. Но конец у таких историй всегда был один — слезы.

А Тари больше не хотела плакать.

***

До ужина оставалось всего полчаса, и следовало бы пойти переодеться, но Окъеллу забыл о времени. Вообще забыл — даже о последних двадцати годах, не то что о каких-то минутах. Ему снова было семнадцать, за ним постоянно следил грозный отец, а перед ним смущалась и краснела молодая девушка. Кажется, единственный в мире человек, которому было даже хуже, чем ему самому. От Окъеллу, по крайней мере, не зависело семейное благосостояние, а вот для клана Паваллу брак Мариники с младшим отпрыском Гергосов был жизненной необходимостью.

Даже по прошествии двадцати лет Гергосу хватило одного взгляда, чтобы узнать ее. Он

часто думал о ней в эти годы, особенно сначала. В первое время вспоминал, потом — фантазировал, представляя, в кого она могла превратиться. Мариника была одержима идеей свободы. О чем еще может мечтать ребенок, которому с самого детства вколачивали мысли об ответственности, зависимости и подчиненном положении?

Сначала он, Окъеллу, был для нее просто еще одной тюрьмой. Она не могла отказаться от брака, ее семья ей бы этого никогда не простила. Поэтому она делала все, что ей говорили, не перечила, не жаловалась, только поднимала иногда глаза к небу и тихонько вздыхала, словно о чем-то несбыточном. Разговорить ее удалось не сразу. Зато потом Окъеллу часами слушал о дальних странах, странных языках и обычаях, о вечных снегах, пустынях, о крови на песке и побеждающих вечную мерзлоту деревьях.

Он был побежден, влюблен, полностью захвачен. Он потерял голову и готов был бросить вызов любому чудовищу. Даже собственному отцу. Мариника хотела свободы, и только он мог ей ее дать. Она не могла отказаться от брака, зато он — мог. Так, чтобы ни у кого не осталось сомнений, кто виноват, чтобы даже краешек тени не коснулся ее и отец посчитал себя обязанным позаботиться об обиженном вассале. Пожалуй, впервые в жизни груз ответственности не показался Окъеллу неприятным, чрезмерным.

Он сбежал, и мысль о свободе Мариники пьянила его даже сильнее, чем собственная новоприобретенная независимость. Как она ею распорядится? Кем станет? Окъеллу решил не выяснять, прекрасно понимая, что реальность окажется сложнее и невыразительней буйных фантазий. Нет, Мариника должна была навсегда остаться недостижимой мечтой, музой, святым образом. Так и случилось.

Вернувшись в Анкьер, Гергос не стал ее искать, даже не спросил о ней ни разу. И вдруг — она здесь, в его доме. Нет, не покорительница джунглей и не вождь какого-нибудь далекого северного племени. Но все равно — она, на этот раз реальная.

Ее глаза смеялись, манеры были приятными и раскованными, она встретила его без смущения, как старого друга... Она наконец была свободна! И Гергоса словно припечатало простой и всеохватывающей мыслью: не зря. Все, что он сделал двадцать лет назад, и все те последствия, что повлек его поступок, — все это было не напрасно. И в этот момент все остальное, даже Тари, отошло на второй план. Он смотрел на то, что сам в некотором роде создал, он был очарован, он был потрясен.

До ужина оставалось не больше получаса, а Гергос, как и семнадцатилетний мальчишка когда-то, не мог оторваться — он слушал ее рассказы и снова ощущал на плечах сверкающий доспех. Хотя теперь Окъеллу лучше понимал происходящее с ним и относился ко всему со здоровой иронией.

— Итак, ни мужа, ни детей? Только книги?

— До сих пор не пойму, как Дайана меня на порог пустила. Я ведь прямая угроза ее благополучию.

— И, полагаю, мое «бесценное выражение лица» не улучшило положения.

— Нет. Скорее всего, в моем утреннем кофе будет мышьяк.

Мариника не могла знать о попытке Дайаны его отравить, поэтому Гергос рассмеялся, как будто услышал удачную шутку.

По дому разнесся низкий гул — дворецкий ударил в гонг, напоминая хозяевам о приближающейся трапезе. Мариника собрала юбки, готовясь встать.

— Если мы не явимся на ужин, мышьяк будет уже в вечернем молоке. Поэтому следует поторопиться.

— Я могу справиться с Дайаной.

— Многие мужчины так говорили, даже твой брат. В итоге он на ней женился. Так что будь осторожнее. И, Онсо, скажи честно: ты разочарован?

— Чем?

— Мною. Я так и не стала владычицей всего Ланатана, только именем на обложках.

— Наверное, лет десять назад я бы расстроился из-за этого, но сейчас — нет. Мне очень нравится то, что я вижу.

Она глянула на него с подозрением:

— Ты пытаешься флиртовать?

— И в мыслях не было.

— Хорошо. А теперь — на ужин.

Он все-таки чуть опоздал, чем Дайана, разумеется, тут же воспользовалась. Когда Окъеллу спустился в столовую, его все ожидали, не садясь за стол. Даже при Великом Гергосе такие церемонии соблюдались лишь во время приема гостей, а между собой члены семьи держались более свободно. Но не из-за Мариники же все! Окъеллу извинился за задержку и взял невестку под руку, чтобы подвести к столу.

— А где Тари?

— Она просила передать, что не будет ужинать, — тут же ответил Энту.

Кажется, эти двое быстро сдружились. Наверное, стоило порадоваться, но отчего-то настроение лишь ухудшилось. Ужин тянулся бесконечно долго, потом все переместились в гостиную, пили крепленое вино и играли в карты. В первом часу Окъеллу ушел наверх. По дороге он спросил у Парлато, где находится комната госпожи эль Нахри, и с удивлением узнал, что напротив его собственной. Это настораживало. По логике, Дайана должна была поселить Тари в другом конце дома.

Зайти, не зайти? А вдруг она уже спит?

Гергос так и не постучался, а через час уже и сам лег спать. А еще через час проснулся — от крика. Кричала Тари, он даже во сне узнал ее голос и, кажется, вскочил еще до того, как открыл глаза. Вылетел в коридор, дернул ручку противоположной двери. Заперто. Крик перешел в стон, затем в рыдания. Безуспешно ткнувшись плечом в дверь, Гергос окончательно проснулся. Что он творит? Они уже не на корабле и не в его каргабанском доме, где были только доверенные слуги. Здесь все подчиняется Дайане, и, если его увидят посреди ночи рядом со спальней Тари, пострадает в первую очередь она.

Но неужели никто больше не слышал? Видимо, нет. Всклипы за дверью становились все тише. Тари успокаивалась. Возможно, проснулась и поняла, что это был лишь сон, а может, кошмар сменился обыкновенным беспометством. Гергос, понимая, что сам теперь едва ли уснет, прислонился к двери. Он пытался слушать, хотя теперь в комнате было тихо.

Или нет?

Гергос даже дышать перестал, лови звуки. Тари плакала. Совсем тихо, но так горько, что он почти физически ощутил ее боль. Снова надавил на ручку, потом стукнул легонько:

— Открой, это я.

Сначала тишина, потом шаги, неровные, босиком. Дверь чуть приоткрылась, в щелочку показалось бледное заплаканное лицо. Гергос даже подумать как следует не успел, шагнул внутрь, прижал к себе тонкое горячее тело. Слишком поздно сообразил, что на Тари только тонкая батистовая сорочка, даже шнуровка не затянута. Ее плечи снова задрожали, Гергос сильнее сжал их, зашептал в темно-медные волосы:

— Все хорошо, я с тобой, маленькая, все будет хорошо.

Она попробовала мотнуть головой, возражая, но он не позволил, накрыл ладонью мокрую щеку, прижимая ее к своему плечу. Второй рукой провел по спине, чувствуя под пальцами каждый позвонок. Такая хрупкая. И теплая.

Она шевельнулась, удобнее устраиваясь в его объятьях, повернула голову, подняла растерянный взгляд. Наверное, Гергос еще не до конца проснулся, да и Тари была еще во власти кошмара — она поднялась на цыпочки и поцеловала его, и он ответил. Его рука скользнула с ее щеки на затылок, зарываясь в короткие пряди и не позволяя отстраниться.

Тари не то вздохнула, не то всхлипнула и обхватила его руками за шею, прижимаясь еще теснее, всем телом. Горячие губы двигались робко и неумело, кончик языка один раз коснулся его нижней губы и отдернулся, словно в испуге. Смешная. Гергос заставил ее чуть запрокинуть голову, обнял так, что Тари больше не могла шелохнуться, и поцеловал по-настоящему — сильно, неторопливо, настойчиво. Она замерла сначала, потом осторожно двинулась навстречу. Доверчивая. Нежная. Желанная до одури.

Наконец проснулись остатки благоразумия, завопили, приказывая немедленно остановиться... и умолкли. Зачем? Все и так считают их любовниками. Тари первой его поцеловала, она сама его обняла, прекрасно понимая, что и зачем делает. Она уже давно не невинное дитя, и два года в Интернате наверняка выбили всю стыдливость.

— Дану...

Не то шепот, не то просто почудилось в учащенном дыхании. Глаза у нее теперь были абсолютно черные, в них даже луна, кажется, растворилась без остатка. Тяжелые от слез веки, мокрые дорожки на щеках... Гергос коснулся одной из них губами. Горячая и чуть соленая.

— Не плачь больше.

Она кивнула. Закрывает глаза и снова спрятала лицо на его груди, маленькие кулачки сжались, сминая сзади рубашку. Такой доверчивый жест... И словно ведро ледяной воды на голову вылили. Что он творит?! Тело еще сопротивлялось, руки хотели стянуть дурацкую сорочку, а губы — пройтись цепочкой поцелуев от заплаканных глаз к ключицам, но разумом Гергос уже понимал: он не сделает этого. Ни сейчас, ни когда-либо после. Это подло, по-настоящему подло — целовать ту, кто для тебя всего лишь орудие мести.

— Пойдем, пока не замерзла.

Тари вздрогнула, ступив на больную ногу, и Гергос, больше ничего не говоря, подхватил ее на руки. Почти невесомая, болезненно худая, несчастный ребенок, запуганный, окончательно потерявшийся. Гергос уложил ее на подушки, укрыл одеялом, лег рядом, но уже не пытаясь целовать, просто согревая. Она так ничего и не сказала, просто лежала, прижавшись к нему, дыша медленно и сонно. Но уснула далеко не сразу, Гергос еще долго чувствовал под боком настороженное внимание: едва уловимое напряжение в тонких чертах лица, нервное подрагивание ресниц.

К себе он вернулся до того, как проснулись первые слуги. Дождавшись рассвета, приказал Эвретто приготовить костюм для верховой езды и отправил лакея разбудить конюшего. Окъеллу не стал завтракать и попросил дворецкого передать всем, чтобы его не ждали.

Потом был целый день разъездов: встретиться с управляющим Льена, с крупными арендаторами и служителем Керпо — принять благословение и выдать на содержание приюта еще полторы тысячи марок. Там же он и пообедал, а потом до самого вечера сидел в

конторе управляющего, разбираясь с накопившимися за полгода бумагами.

Уже в темноте, подъезжая к дому, Гергос заметил прогуливающих по саду Тари и Энту. Она по-прежнему немного хромала, но, кажется, была в хорошем настроении и о чем-то оживленно рассказывала. Ни следа ночных кошмаров. Гергос дернул поводья, заставляя лошадь свернуть с подъездной аллеи на неприметную тропинку, ведущую к черному ходу. Встретившегося по дороге лакея он попросил никому не сообщать о своем прибытии. Словно вор, Гергос прокрался по собственному дому и заперся в кабинете с бутылкой крепленого.

ГЛАВА 15. СООБЩНИКИ

Тари услышала шорох, но еще долго отказывалась просыпаться — ей снился такой чудесный сон! Шорох повторился, Тари узнала его — кто-то ковырялся отмычкой в замке — и наконец проснулась. Глаза не открыла, но продолжила слушать. В Интернате воровство не было редкостью, но ловили только тех, с кем могли справиться. Если же по твои сокровища пришел кто-то сильнее и старше — что ж, тебе не повезло, нужно было лучше прятать ценное.

Тари не сразу сообразила, что находится уже не в Интернате, а в поместье видного аристократа воровать не принято. Чуть приподняла веки, надеясь увидеть воришку. За окном уже рассвело, но из-за плотных штор в комнате царил приятный полумрак. Рядом с туалетным столиком стоял кто-то очень маленький — голова едва выше столешницы — и пытался взломать замок на шкатулке с драгоценностями. Шкатулку, как и сами драгоценности, Тари подарил Гергос всего несколько дней назад. Собственно, украшений там было немного — всего пара браслетов, нитка жемчуга, изумрудные сережки и брошь с аметистами. Но сама шкатулка была большой и массивной, дану сказал: на будущее. Должно быть, из-за этой массивности воришка и возился теперь с замком, целиком утащить шкатулку силенок бы не хватило.

Тари видела только узкую спину и руки, но по пропорциям тела определила, что перед ней не карлик, скорее просто ребенок. Проснуться, что ли? Устроить скандал, позвать полицию, проследить, чтобы преступник получил по заслугам?.. Она застонала и перевернулась на другой бок. На мгновение в комнате стало тихо-тихо, вор даже дышать перестал. Потом, убедившись, что госпожа не проснулась, снова зазвенел отмычкой. Тари потянулась и нашарила под подушкой нож — прощальный подарок капитана Атоласа. Маленький, с плоской гардой — в рукаве или сапоге он был бы совершенно незаметен, но Тари до сих пор не придумала, как нашить на одежду петлю для ножа так, чтобы ее не заметила Кармита.

Поэтому пока нож жил под подушкой. Тари незаметно высвободила ногу из-под одеяла, чтобы не запутаться в нем, когда будет вставать. И потянула со стоящей рядом вешалки чулок — надо же будет чем-то связать бандита, не ножом же тыкать все время. За спиной Тари раздалось радостное фырканье — замок наконец поддался, и воришка принялся рассовывать добычу по карманам. И по сторонам, должно быть, смотреть перестал.

Она быстро крутанулась, выскользнула из-под одеяла и в один прыжок оказалась рядом с воришкой. Ну точно — ребенок, и десяти лет, наверное, нет еще. Но ее ножа вор не испугался, ощерил зубы и выставил вперед собственный клинок — не то сточенный до самого обуха нож, не то шило. В глазах — ни капли раскаянья или смущения. Тари крепче схватилась за рукоятку и пожалела, что не натолкала в чулок чего-нибудь тяжелого.

Она все-таки была выше и сильнее, поэтому долго битва не продлилась. Заработав

поверхностный, хоть и болезненный укол в левую руку, Тари наконец повалила воришку на пол, вывернула ему руки и уселась сверху. Быстро стянула запястья чулком и завязала — так, как учили матросы на «Маринике». Ее жертва не пыталась кричать и вырываться, только сопела обиженно. Тари прошлась по карманам, возвращая украденные драгоценности на место. Не то чтобы ей их было особенно жалко — она прекрасно бы и без них обошлась. Но это было подарком дану, и Тари до сих пор не верила, что столь дорогие вещи и правда принадлежат ей, что их не придется вернуть через неделю. Ну а сережки ей просто нравились!

Помимо собственных драгоценностей, Тари обнаружила еще несколько браслетов и колец, которых раньше не видела. Или видела? Не сверкала ли этот перстенок вчера на руке госпожи Дайаны? Выходит, не только ей одной сегодня нанесли визит. Интересно, и часто тут промышляют? Вывернув один за другим карманы и прощупав швы в поиске дополнительных тайников, Тари в итоге собрала целую кучку чужих драгоценностей. Неплохой улов!

Только что теперь делать с самим удильщиком? Звать кого-либо, а тем более привлекать полицию Тари не собиралась. Если ребята лазают в господский дом, то, скорее всего, имеют кого-нибудь за плечами, не исключено, что из числа тех же полицейских. Простые оборванцы так не наглеют.

Она вздохнула, усевшись на пол рядом с поверженным противником. Ведь если узнают, что попался, ему первому влетит. А вернется без добычи — заподозрят в воровстве уже у своих, и тогда пиши пропало. Тари привстала и запустила руку в шкатулку, вытащила жемчуг и брошь, сунула в карман засаленной от пота курточки. На мгновение злобное сопение прекратилось, и на Тари поглядели с любопытством и недоумением. Она по себе знала — внезапная щедрость вызывает больше подозрений, чем благодарности, а потому отвесила связанному воришке несильный подзатыльник и заговорила как можно более сурово:

— Попалась, бестолочь. Теперь, если хочешь ноги унести, будешь слушать меня. Поняла?

Девочка или мальчик, она так и не разобрала, круглая грязная мордашка могла принадлежать кому угодно. Но на «поняла» воришка не возмутился, только кивнул, чуть не уткнувшись носом в пол, и Тари продолжила уже смелее:

— Цацки отнесешь, куда приказали, но больше ни ты сама, ни твои дружки сюда не сунутся. А то проклянущу.

Она плюнула девчонке на затылок, потом быстро начертила на влажной от слюны коже знак — «семилапицу» Тавоха. Бедняжка вся сжалась. Тари ковырнула кончиком ножа палец на ее правой руке — малявка была левшой, она заметила во время драки — и демонстративно слизнула кровь с лезвия.

— Теперь я тебя везде отыщу, поняла, бестолочь?

В ответ ей что-то утвердительно промычали. Глаза у воровки теперь были с марку размером, и нижняя губа дрожала. А то как же! Самим Тавохом проклясть грозятся! В Каргабане все воровское подворье было донельзя суеверным, за то, что Тари только что сделала, некоторые и убить могли. И ведь убивали, если вдруг неприятность какая-нибудь случалась. Снять проклятье можно либо заслужив прощение самого воровского бога, либо убив того, кто проклинал. Ну а что проще, по-вашему?

Видимо, анкьерская голытьба тоже до смерти боялась гнева Тавоха и «ритуал» не слишком отличался — по крайней мере, на Тари теперь смотрели с неподдельным ужасом.

— Иди уж, — милостиво разрешила она и перерезала путы.

Жалко, конечно, чулки были хорошими. Но так эффективнее, чем несколько минут мучиться с добротнo завязанным узлом. Девчонка вскочила и, путаясь в ногах, бросилась к окну. Щелочка там была — полторы ладони, но она все равно как-то ухитрилась пролезть, потом повисла на карнизе, спрыгнула, перекатилась и побежала куда-то в сторону конюшен. Назад не оглядывалась. И впрямь испугалась. Оглядываться на дом, в котором что-то пошло не так, было плохой приметой — можно было увидеть грозного Тавоха или смеющуюся Эйръярту. И тут уж не знаешь, что хуже.

— Госпожа, вы проснулись?

Услышав голос горничной, Тари одним движением смела драгоценности под кровать. С ними она разберется после завтрака. В комнату просунулась Кармита, и пришлось снова стать госпожой эль Нахри. А потом накатили воспоминания, и на время Тари совершенно позабыла про нелепую воровку. Что это было тогда, ночью? И не привиделось ли? Показаться на глаза Гергосу было страшно — внутри все замирало, только сердце начинало стучать чуть быстрее, чуть отчаяннее. Он поцеловал ее! Или это она его поцеловала? Тари плохо помнила, иногда воображение подсовывало и вовсе невозможные картины, от которых более благовоспитанная девушка уже давно бы хлопнулась в обморок. Или побежала к ближайшей Дочери Эйры — вымаливать прощение.

Извиняться Тари не собиралась. Но одевалась тем утром особенно тщательно — то есть не просто позволила Кармите натянуть на себя первое попавшееся платье, а даже посмотрелась в зеркало несколько раз. Бедная горничная давно поняла, что с хозяйкой ей не повезло. Она не высиживала часами за туалетным столиком, не интересовалась духами и косметикой и в принципе отказывалась понимать, что существует больше одного типа расчески. Поцелуй Гергоса этого не изменил, и Тари по-прежнему не видела смысла в большинстве предлагаемых процедур.

Это высокородному дану требовался умелый камердинер, куафер и полностью новый гардероб каждые полгода, а она, Тари... Тари замерла. Разве она не занимала столько же высокого положения в своей стране? Разве первые тринадцать лет ее жизни не были жизнью настоящей принцессы? Да, после смерти родителей дядя перевез ее в глухую провинцию и так и не представил высшему обществу, да, она провела два года в Интернате... Но разве это меняло ее суть? Она была тобрагонской принцессой.

Тари бросила еще один взгляд в зеркало, сама не понимая, кого видит. Странное существо: не мальчик и не девочка, не принцесса и не уличный воришка — химера, самозванка, лишняя.

К завтраку Тари спустилась не в самом лучшем настроении, разве что немного грела мысль, что сейчас она увидит дану и он, возможно, ей улыбнется. Но Гергоса за столом не оказалось. Зато была презрительно-насмешливая госпожа Дайана, сонный, постоянно зевающий Энту и странно задумчивая госпожа Мариника.

— Не выспались, дорогуша? — с понимающей улыбкой спросила Дайана.

— Спасибо, я прекрасно спала.

— А мне показалась, я слышала какой-то шум, кажется, дверь хлопала.

— Мама, не надо...

— Тари приснился кошмар, — вмешалась госпожа Мариника. — Я заходила к ней проверить, все ли в порядке. Видимо, это вы и слышали, Дайана.

Значит, все слышали? Стены в поместье вроде не такие уж и тонкие, так неужели

специально прислушивались? И с чего бы госпоже Маринике ее защищать? Тари на всякий случай благодарно ей улыбнулась и наконец опустилась на отодвинутый лакеем стул.

Странное чувство, когда тебе кто-то прислуживает за столом. К Кармите Тари привыкла, к тому же в первое время ей и правда требовалась помощь, чтобы разобраться в причудливой анкьерской моде. Но ела-то она самостоятельно уже с двух лет! Когда Тари была ребенком, с ней разве что нянька возилась, да и то лишь в раннем детстве. Потом она стала слишком большой, чтобы кто-то помогал ей орудовать ложкой, и в то же время слишком маленькой, чтобы слуги считали нужным ходить за ней по пятам.

А теперь, выходит, доросла? Стала важной дамой? Тари нервно улыбнулась лакею и попросила мятного чаю. Пока он ходил за водой, сама наложила себе еды в тарелку и отказалась от прочих услуг.

— Чем планируете заняться?

Вопрос был вполне обычным, но Тари все равно напряглась. Дайана ведь не просто так спрашивала.

— Я надеялась, что дану даст мне указания.

— Онсо уехал еще до завтрака и не сообщил, когда вернется.

Тари почему-то сделалось страшно. А вдруг эта ведьма снова пробовала отравить дану, и на этот раз ей удалось? Потом она разрубилась тело на куски и выбросила в колодец. И водой из этого колодца теперь поит Тари. Она отставила чашку. Хватит с нее на сегодня мистики.

— Хотите, покажу вам Льен? Вы любите лошадей?

На этот раз ей на помощь пришел Энту. Кажется, он наконец проснулся и вскоре втянул Тари в разговор о лошадях и скачках, которые видел, кажется, всего дважды, но зато в теории знал великолепно. Тари ни на чем азартнее петушиных боев не бывала и потому почти ничего не могла ему рассказать, зато Энту почти не замолкал — как показалось Тари, чтобы не дать матери сказать еще какую-нибудь гадость.

Смирившись, что Гергоса не увидит, Тари согласилась на конную прогулку по поместью. Разъезжать по Льену с Энту было безопаснее, чем разговаривать с Дайаной. И проще, чем пытаться понять, что о ней думает госпожа Мариника и зачем соврала про ночной визит.

Первое, что Тари поняла, когда впервые увидела Льен при свете дня, — он был огромным. Хозяйский дом достраивался и перестраивался на протяжении столетий, и архитекторы явно не стремились сохранять единство стиля, одно крыло дома разительно отличалось от другого: цветом камня, кладкой, украшениями. Энту говорил о строительных перипетиях с гордостью — несуразность хозяйского дома была доказательством древности рода!

Земли вокруг производили более приятное впечатление. Красивый парк, пусть и немного мрачный, речушка, сбегавшая с холмов и резво несущая воды в сторону моря, а дальше — докуда хватало глаз — сплошные поля. Энту объяснил, что здесь, на равнине, зерновые росли лучше всего, а виноградники располагались ближе к холмам. Но от дома их было не увидеть, слишком далеко. И снова — гордость. Ведь всего этого добились его предки, и однажды поместье перейдет к нему, к Энту.

Интересно, это должно было произвести на Тари впечатление?

— Скажите, Энту, а в поместье много детей?

Он обиженно нахмурился:

— Дорогая кузина, я же просил вас.

Тари тут же поправилась:

— Простите, кузен. Мне все еще немного неловко...

— Ничего неловкого! Вы — названная дочь моего дяди, а значит, моя кузина. Про детей не знаю. Наверное, хватает среди слуг. А что?

— У меня сережка в паркетной щели застряла. Мы с Кармитой пробовали достать, но пальцы не пролезают. А вот ребенок, я думаю, смог бы дотянуться. Кто-нибудь с ловкими пальчиками.

Энту задумался.

— Я могу спросить...

— Будьте добры.

От ее выжидающего взгляда он слегка задержался:

— Что, прямо сейчас?

— Пожалуйста, кузен, я очень люблю эти сережки.

И чего он боялся? Вроде будущий хозяин поместья. Но, как и подозревала Тари, Энту ничего, кроме статуса, не досталось — отсюда и чрезмерная гордыня. Сначала всем заправлял отец, потом дядя, а его даже к счетным книгам никогда не допускали и с кухни прогоняли — чтобы не мешался и маринованные оливки из кадки не воровал. Признаться в этом ему было непросто, но зато потом дело пошло веселее. Тари сама пошла к конюшему — в конце концов, утренняя воровка именно в эту сторону удирала — и попыталась выведать, нет ли в поместье подходящего ребенка.

Оказалось, что нет. Было двое мальчишек шести и восьми лет, младшие сыновья экономки и помощники управляющего, и подмастерье кузнеца, но тому уже шел тринадцатый год, и лапищи у него были — о-го-го! И ни одной девочки подходящего возраста? Интересно как...

— А где тут ближайшая деревня или город? — спросила она у Энту.

— Тари, да вы не беспокойтесь, сделаем прут и достанем сережку.

— Конечно, кузен, спасибо. Но все-таки? Далеко люди живут?

Он вздохнул и принялся рассказывать, в какой стороне что находится. Тари слушала, запоминала и думала, как же найти воровку. Зачем ей это, она и сама толком не знала.

— Я вам надоел? — вдруг всполошился Энту. — Мама говорит, у меня очень занудный голос...

— Нет, что вы! Мне очень интересно. Расскажите еще что-нибудь про поместье!

И Энту рассказывал, а Тари изо всех сил старалась не вертеться в седле в надежде увидеть подъезжающего к дому Гергоса. Он не вернулся к обеду. Но на этот раз, слава Керпо, госпожа Дайана почти не обращала на Тари внимания. А после обеда, когда большинство слуг обедало внизу, на кухне, Тари забрала из-под кровати драгоценности и отнесла их в комнату Эвретто. Дану рассказал ей про два якобы пропавших кольца, и теперь она с удовольствием представляла, как камердинер его светлости найдет парочку лишних в своем сундуке. И пусть выкручивается как хочет.

Вечером она собиралась отсидеться в своей комнате, но Энту не позволил. Он с заговорщицким видом потащил Тари куда-то в сторону хозяйственных построек. На все ее вопросы дорогой кузен отвечал гордым молчанием, а остановился наконец только возле старой кухни, теперь заброшенной.

Энту опустил на землю рядом с лестницей и потянул Тари за собой:

— Смотрите!

Тари тоже присела. Под деревянными ступеньками кто-то возился, какой-то бесформенный клубок. Энту запустил внутрь руку — послышался тонкий писк — и достал крошечного котенка.

— Я только вчера их нашел.

— Сколько им?

— Дней десять. Видите, они уже начали открывать глаза.

— Можно мне?..

— Конечно!

На ладонь Тари опустился маленький пушистый комочек, темно-серый с нежным розовым носиком и светло-голубыми глазами. Котенок был теплым и почти невесомым, Тари почувствовала, как бешено бьется сердечко, потом ее пальца коснулся шершавый язычок. Она невольно улыбнулась, кажется, впервые с тех пор, как приехала в Льен.

— Там еще четверо, — сообщил Энту. — Хотите посмотреть?

— Нет, пожалуйста, не надо их тревожить. Они такие маленькие...

— Вырастут. Их мать привез с севера Онтара мой дед, в подарок бабушке, это крупные животные. Хотите взять себе?

— А можно?

— Конечно! Надо только подождать чуть-чуть, без матери они пока не выживут.

Тари прижалась лицом к мягкой шерстке, от котенка пахло молоком и свежим сеном. Он снова запищал — мяуканьем назвать это было нельзя — и уперся ей в щеку крохотными коготками. Расставаться с темно-серым подарком не хотелось, но пришлось. Энту снова взял котенка в руку и сунул под лестницу — обратно к матери. А ведь та доверила, не полезла драться и вырывать детеныша из людских рук!

Обратно в дом Тари возвращалась уже в приподнятом настроении. Начинало смеркаться.

— Прогуляемся по парку?

— А вам не больно ходить?

— Нет, ничуть.

Больно было, но лишь самую малость. Тари уже почти не обращала на ногу внимания, привыкла. На этот раз говорила, в основном, она, а Энту слушал. Конечно, про последние два года она ничего не могла рассказать, зато про детство, про родителей и брата историй нашлось немало. Впрочем, наибольший интерес у Энту вызвала Метелка. Ожидаемо.

Гергос не вернулся и к ужину.

А госпожа Дайана смотрела на Тари с еще большим подозрением, чем раньше, и все спрашивала и спрашивала:

— Где вы были сегодня?.. Ах, Энту показал вам голубятню?.. И котят?.. Вы ездили к роднику?.. Энту рассказал вам про летние скачки в столице?.. И разрешил оседлать свою любимую кобылу?.. Как удивительно!

Кажется, она наконец поверила, что Тари всего лишь воспитанница Гергоса, зато теперь видела в ней опасность для своего сына. Наглая выскочка решила охмурить единственного наследника?.. К концу ужина Тари была готова взвыть от досады. Что бы они ни сказала, как бы ни ответила, все было неправильным, все вызывало лишь новую лавину ядовитых вопросов. На этот раз даже поддержка Энту ее не спасла.

А хуже всего было то, что госпожи Мариники на ужине тоже не было, хотя из Льена она

не уезжала.

***

После очередного настойчивого стука пришлось открыть дверь. На пороге стояла Мариника, если глаза не подводили — довольно злая.

— Онсо, что ты делаешь?

Она ворвалась в кабинет, принеся с собой запах чернил и здравомыслия. Гергос был вынужден ответить.

— Прячусь.

— Дурак!

Он снова закрыл дверь на ключ и вернулся в кресло. Мариника отодвинула бутылку, когда Окъеллу к ней потянулся.

— Рассказывай.

— Отдай вино.

— Отдам, если решу, что ты имеешь на него право. Говори.

А что было говорить?

— Я не могу быть одновременно и ее любовником, и тем, кто уничтожит ее семью. Я не настолько злодей. Раньше думал, что смогу, но... у меня не получается.

— Ты сейчас о Тари?

— Нет, я об Атарьяне Коварэн, тавоховой сбежавшей принцессе!

Мариника тихонько вздохнула.

— Онсо, я бы хотела помочь, но я ничего не понимаю.

Разумеется, она не понимала. Окъеллу откинулся на спинку кресла, сжал ладонями виски, вновь нащупав старый шрам... и заговорил.

Снаружи прозвучал гонг, созывающий всех на ужин, но ни Окъеллу, ни Мариника не сдвинулись с места. Он по-прежнему объяснял, рассказывал, она слушала. Минутная стрелка сделала несколько оборотов. Почувствовав, что начинает болеть горло, Окъеллу снова потянулся к бутылке. На этот раз Мариника не стала возражать.

— Итак, ты намерен ему отомстить? — спросила она.

Заговорила не сразу, сначала прошлась, разминая затекшие ноги, и задернула тяжелые бархатные занавески.

— Ты говоришь это таким тоном, будто мстить не за что.

— Ну, взглянем на факты. Он тебя обманул, ударил хлыстом и не позволил жениться на своей сестре. Из-за этого ты проклянешь его род до седьмого колена?

А этого мало? Подумаешь, отстегал прилюдно плетью, подумаешь, опозорил перед половиной Каргабана! Окъеллу сжал зубы и запрокинул голову, чтобы больше ее не видеть. Когда Мариника говорила о других, ее бесчувственность не так бросалась в глаза. Неужели она и правда не понимает?

— Ты думаешь, дело в хлысте или моем идиотском решении жениться? Мика, неужели ты считаешь, что, когда я сбежал из Каргабана в Ханьяр, все закончилось?.. У Дядюшки Лу очень длинные руки, и у него немало друзей. Меня нашли уже на следующий день, и, поверь мне, день тот оказался не из приятных. А после — выбор был не богат. Мне предстояло отработать все выигранное — и больше, намного больше. Интернат Толорозы берет куда меньший процент.

— Отработать? Карты?

— Не только. Поверь, ты не хочешь об этом слышать. А я не горю желанием

вспоминать. На моих руках хватает грязи и крови. И, кстати, отдав долги, я не обрел свободу. К тому времени у Лу было достаточно компромата, чтобы навсегда меня уничтожить. Что я мог сделать? Вернуться к отцу, умолять о защите?

— И что было дальше?

Окьеллу нервно передернул плечами, по-прежнему не отрывая глаз от потолка.

— Лу нужен был свой человек на Внутреннем море. Охранять контрабандистов, перевозить наиболее ценные грузы, избавляться от чересчур ретивых конкурентов...

— Я помню, ты мечтал стать пиратом.

На мгновение он закрыл глаза. Дрянь, а ведь действительно мечтал...

— Не смейся надо мной.

— Прости. Как тебе удалось вырваться?

— Никак. Мой отец умер, я стал главой рода и... Предположил — понимаешь, Мика, всего лишь {предположил}, — что, если уеду теперь, меня не попытаются вернуть. Почти полгода трясся, ожидая, что вот-вот накинут петлю на шею или всадят нож под ребра в суматохе. Но нет, Лу действительно меня отпустил. И даже позволил забрать шебеку и сманить к себе ее капитана.

— Но винишь во всем ты только Коварэна?

— А не имею права? Если бы не он, мне бы не пришлось... Нет, конечно, я всегда мог сдохнуть или броситься в ноги отцу, возможно, тем самым опозорив свой собственный род. Я не снимаю с себя ответственности, но, если бы не предательство Коварэна, ничего из этого не случилось бы. И дело не только во мне. Он похитил Тари — всего на несколько дней, — и с тех пор она плачет по ночам. Все просит кого-то уйти, не трогать ее... Я стараюсь не думать о том, что могло произойти, но, Мика, ее ожог — это не след от горячей лампы.

— Откуда ты знаешь? Она рассказала?

— Нет, она молчит. И я знаю именно поэтому. Будь это всего лишь лампой, мой веселый паж не преминул бы сложить об этом душещипательную балладу. Но Тари молчит. И даже, мне кажется, боится лишний раз упоминать ногу — чтобы я ни о чем не догадался и не спросил.

— А ты спрашивал?

— Вначале — да. Потом стало понятно, что она не расскажет. Слишком боится? Не верит, что я смогу ее защитить? Или в этой ее шкатулке скрывается нечто настолько страшное, что даже после всего она не решается ее открыть? Я знаю, она ненавидит его. Но продолжает защищать. Почему?

— Боится за себя?

— За себя или за других. Так или иначе, я буду последним мерзавцем, если вырву у нее этот секрет. Но как иначе остановить Коварэна?

Мариника вздохнула и снова заходила по кабинету.

— Онсо, ты врешь сам себе.

— Нет.

— Не спорь. Шкатулка тебе нужна, чтобы отомстить. За себя, а не за Тари — потому как она явно мстить не желает.

— Она просто не может этого сделать. А я могу.

— Тогда в чем же дело? Почему ты запираешься в кабинете и уничтожаешь семейные запасы каберне в гордом одиночестве? Просто подойди к ней и попроси шкатулку!

Окьеллу не ответил. Кажется, теперь даже потолок смотрел на него с осуждением.

— Ты ее любишь?.. Впрочем, я не имею права тебя об этом спрашивать. Поговорим лучше о другом. Чем, как ты думаешь, в данный момент занимается твоя дорогая невестка?

С чего вдруг такая перемена? И этот вопрос... Во рту снова стало сухо, и Окьеллу одним глотком прикончил остатки вина.

— Чем? — спросил он хрипло.

— Откусывает голову твоей дорогой воспитаннице.

— За что?

Они целый день не виделись, разве Дайане не полагается быть вне себя от счастья?

— Энту пообещал подарить ей котенка. Он возвестил об этом на весь дом, как только вернулся с прогулки.

Др-рянь!

Ужин уже закончился, и все ушли в гостиную. Тари, судя по выражению лица, — не по своей воле. Мариника была права, бедняжку следовало спасать. В гостиной был выставлен столик для карт, и Дайана пользовалась тем, что жертва не может уйти, не испортив игры.

— ... Кстати, Тари, вы знали, что Энту — один из самых завидных женихов Анкьера? Возможно, вам ничего не скажет перечисление анкьерских благородных семейств, которые мечтали бы породниться с нами, но ведь предложения поступали и из Тобрагоны. Возможно, вас это заинтересует. О, Онсо, вы вернулись?

— Прошу прощения, было много дел.

— Присоединитесь к игре?.. Нет? А вы, Мариника? Энту, принеси, пожалуйста, еще один стул. А вы сидите, Тари, сидите, я сама подвинусь.

Карты пересдали на четверых. Гергос сел так, чтобы видеть Дайану, при этом Тари оказалась чуть в стороне, закрытая пышной каштановой копной Мариники. И к лучшему. Гергос честно не знал, что сказал бы, окажись они наедине.

— Итак, о чем я говорила? — елеинным голосом продолжила Дайана. — Ах да, о Тобрагоне. Спасибо, Тари. Так вот, когда Энту только родился, его отец и Элиссандр Коварэн заключили договор. Они были большими друзьями и давно мечтали поженить детей. Вы знали, что лаонт Коварэн даже дочь назвал на анкьерский манер, Атарьяной? Атарьяна Гергос, как вам нравится?.. Но, увы, Элиссандр умер, и его младший брат тут же разорвал договоренность. Хотя оно и к лучшему, девушка была весьма сомнительной. Говорят, она сбежала из дома, устроив грандиозный скандал. Тари, вы что-нибудь об этом слышали?

— Только слухи, ваша светлость.

— Конечно, вы были слишком молоды, чтобы знать о подобном. Вот так-то, Энту мог жениться на тобрагонской принцессе.

— Но ведь не женился. Мама, я уверен, Тари уже наскучил этот разговор.

— Ты думаешь? А мне кажется, она слушает с огромным интересом. Не правда ли, Тари?

— Да, ваша светлость.

Молодец, даже голос не дрогнул. И хотя имя «Атарьяна Гергос» по-прежнему жгло сознание, Окьеллу поспешил вмешаться:

— Дайана, вы уже распланировали завтрашний день?

— Нет. Онсо, что вы задумали?

— Служитель в приюте рассказал мне о предстоящей ярмарке и очень просил

присутствовать. Я думаю, нам всем стоит пойти.

Всего несколько часов назад он наотрез отказался, но слушать и дальше болтовню Дайаны становилось невыносимо.

— Пойти на ярмарку? — очень удивилась Дайана и, кажется, чуть-чуть разжала когти. — Вы думаете, это уместно?

— Почему нет? После смерти отца прошло уже больше года.

— Но наше — и особенно ваше — присутствие может сделать праздник чересчур официальным.

— Служитель очень просил. Очевидно, дети из приюта даже приготовили какой-то сюрприз.

— Ну, раз так... Тари, вы ведь тоже жили в приюте? Наверное, это было ужасно?

— А я подумываю устроить бал, — вдруг выпалила Мариника.

— Бал?

— Совершенно верно.

— Но вы ведь никогда не устраивали балов.

— О, это будет даже не бал, а просто прием для друзей. Немного танцев, немного разговоров и карт. Мне бы хотелось представить Тари некоторым своим знакомым. Что вы об этом думаете, Онсо?

— Я думаю, это прекрасная идея. Тари следует расширять круг знакомств.

— Как правильно вы говорите, Онсо! — горячо воскликнула Дайана. — Ей, должно быть, ужасно скучно весь день слушать разговоры Энту о лошадях и скачках.

— Мама!

— Мне совсем не было скучно, ваша светлость.

— Тари, Онсо прав. Вам не следует ограничиваться только нашим обществом, иначе вы никогда не найдете себе подходящего жениха.

Кто бы мог подумать, что настанет день, когда они с Дайаной в чем-то согласятся!

— Как скажете, ваша светлость.

ГЛАВА 16. «МОЕ ДРАГОЦЕННОЕ ДИТЯ...»

Этой ночью к Тари никто не приходил, хотя спала она беспокойно и несколько раз просыпалась с ощущением, что от собственного крика. В последнее время кошмары участились. На берегу, на старой вилле, спалось несравнимо лучше, а пышный особняк Гергосов чем-то неуловимо напоминал тот, в который ее привезли по приказу Коварэна. И Тари снова задумывалась о побеге. Но куда? В прошлый раз она могла мечтать о возвращении к Гергосу, но теперь сам дану стал ее тюремщиком.

Впрочем, рассуждать так было нечестно. Гергос не сделал ничего, на что она сама не дала согласия. Он не опаивал ее, не похищал, не угрожал... Он просто решил выдать ее замуж. Почему-то это казалось самым страшным предательством.

После завтрака ее снова нашел Энту. Из-за вчерашнего разговора о перспективных невестах он ужасно смущался, но все-таки не смог не спросить, понравилась ли Тари вчерашняя лошадь и не хочет ли она присмотреть себе другую. Тари согласилась исключительно из вредности — потому что Дайане бы это не понравилось. И потому что Гергос с ней вчера согласился.

Но никто словно и не заметил маленького бунта. Когда настало время, все благородное семейство двинулось к обители Керпо, перед которой уже установили ярмарочные шатры. Продавали, в основном, всякие безделушки и мелочи, сработанные детьми из приюта. Тари

впервые увидела, как Дайана улыбается. Она шла вдоль рядов, от одного шатра к другому, рассматривала, спрашивала и внимательно слушала рассказы. А один раз даже усадила себе на колени мальчонку лет пяти-шести, не обратив внимания на его перепачканные глиной башмаки.

Энту держался более скованно, а Тари не знала, куда деть глаза. Она слишком хорошо помнила Интернат. Со стороны он тоже выглядел очень достойно, и устраиваемый им по весне День Тысячи Цветов также привлекал немало высокородных гостей, которые умилялись на очаровательных сироток. А в это время другие сиротки, чуть менее очаровательные, резали кошельки и предлагали за углом услуги определенного свойства. Отличается ли приют светлого Керпо от Интерната Толорозы? Тари подняла глаза на Гергоса, и ей показалось, что он думает о том же самом.

А ведь он знал про Интернат. Он, анкьерский аристократ, по словам слуг, проведенный в Каргабане лишь пару месяцев. Откуда он мог знать? И с Дядюшкой Лу когда успел подружиться? Тари недовольно затеребила оборку на платье. Имела ли она право спрашивать, если сама не ответила ни на один вопрос?

По случаю ярмарки — а может, потому что Дайана уже перестала хмуриться каждый раз, когда видела его — Гергос наконец сменил свои тобрагонские костюмы на более приемлемые и удобные анкьерские. Тари уже успела оценить фасон, рассматривая свободного покроя одежду Энту, но дану, разумеется, не мог не затмить всех. Его кафтан больше всего напоминал роскошные халаты нашаратских мудрецов, длинный, расшитый золотом, с выложенными драгоценными камнями цветами на фалдах. Зато под ним — очень скромные, но в то же время сшитые из лучших тканей рубашка цвета вареных сливок и иссиня-черный жилет. Такого же цвета штаны и туфли на каблуках, кажется, из чистого золота.

Когда Гергос проходил мимо, люди замирали, рассматривая его, как диковинку. Возможно, за всю свою жизнь они не видели ничего более яркого, так что дану был для них словно выходцем из другого мира. Тари тоже поначалу видела его именно таким, пока под блеском и мишурой не разглядела человека.

Прогулявшись по ярмарке, Гергосы отправились в самую обитель — на полуденную службу. В последний раз в святилище Керпо Тари была больше трех лет назад, когда господин Прусто приехал свататься. Кто-то над ним недобро пошутил, сказав, что принцесса очень набожна, и он несколько дней таскал Тари по округе, показывая каждый скит, каждую хоть чем-то прославившуюся пещеру. И службы, много служб, каждый день.

Так что теперь она откровенно скучала. Местный служитель был не самым талантливым оратором, его голосу не хватало силы, а проповедям — убедительности. Но Дайана слушала его с самым благочестивым выражением лица, и даже Гергос о чем-то задумался. А вот Энту не подвел — Тари уже достаточно хорошо его изучила, чтобы угадать мысли: наследник просчитывал время и количество кругов в очередном забеге.

По проходу вдоль рядов деревянных скамеек медленно продвигалась маленькая девочка, в бесформенной одежде, с закатанными рукавами и штанинами. Тари невольно напряглась, наблюдая, как девочка подходит все ближе. Она ничего не говорила, только заглядывала жалостливо в глаза и протягивала руку. Кто-то подавал, кто-то делал вид, что не замечает.

— Дану, можно мне марку?

Гергос быстро понял, в чем дело.

— Целую марку? — шепотом спросил он. — Не многовато?

— Нет, если она не станет жадничать, с ней ничего не сделают.

— Тебе лучше знать.

Он извлек из кошелька серебряную монетку.

— Здесь есть келья, в которой я могла бы укрыться на время? С окном.

На этот раз Гергос смотрел на нее дольше.

— Позади есть кладовая, где служитель хранит утварь. Окно там достаточно широкое, и рама не скрипит.

Тари слегка улыбнулась.

— Спасибо, дану.

Она дождалась, пока девочка доберется до их ряда. Вложила марку в грязную ладошку и прошептала, наклонившись к самому уху:

— Отдай опекуну, сразу. Не вздумай прятать.

Выражение глаз девочки не изменилось — все та же жалобная тоска. Тари даже испугалась на мгновение, что попрошайка не услышала, что она глухая или просто полоумная. Девочка как ни в чем не бывало двинулась дальше, к следующему ряду скамеек. А Тари, понадеявшись, что не ошиблась, привстала и пошла в противоположную сторону — поближе ко входу в обитель. Энту дернулся следом, но Гергос его удержал:

— Это просто мигрень, ей нужно посидеть немного в тишине.

Больше никто не обратил на Тари внимания. Служба продолжалась, на помост рядом с алтарем вышел мальчик лет десяти и пронзительным детским голосом запел арию-восхваление светлому Керпо. Тари потянула на себя тяжелую дверь и юркнула в кладовку. Гергос был прав, она подходила идеально. Просунув бронзовую статуэтку Керпо Всемилоостивого (руки разведены в стороны, словно в попытке обнять весь мир) под ручку, Тари заперла дверь изнутри. Потом проверила, как открывается окно, и принялась стягивать юбку.

Оставшись в одних только узких панталонах, больше походивших на мужские бриджи, и коротеньком жилете, Тари вылезла в окно и, цепляясь за выступающие камни, перебралась на крышу. Оттуда ярмарка была видна как на ладони. Вон торговец сладостями, а тут жонглер, в стороне готовится небольшой оркестр — обещанный сюрприз, что ли? Тари пошла по коньку крыши и устроилась с противоположной стороны от входа.

Ждать пришлось недолго. Девочка-сомнамбула выбралась через боковую дверь и со всех ног припустила к дальней части обители — там вроде бы Дочь Эйры устроила школу для деревенских ребятишек. Тари спрыгнула на крышу сарая, пробежала по ней, потом спустилась по яблоне и пошла следом за попрошайкой. Впечатления полоумной та больше не производила, пятки так и сверкали — едва угонишься.

Тари оказалась права. Девочка направлялась к школе. Сейчас там было темно и пусто, но, стоило побирушке стукнуть два раза, и дверь открылась. Мелькнул длинный светлый рукав ритуального одеяния. Тари пригнулась и подобралась вплотную. Из-за двери ничего услышать не удалось, а вот рядом с прикрытым ставнями окном голоса стали лучше слышны. Тари вздохнула с грустью: как в Интернате...

Вернулась она тем же путем: яблоня, сарай, крыша, окно. Натянула через голову юбку, вытерла руки о парчовую скатерть, вытащила статуэтку. Служба уже подходила к концу. Перед алтарем выстроилась очередь желающих получить благословение, Дайана и Энту были в их числе, но Гергос сидел на прежнем месте.

— Получилось? — спросил он, не поворачивая головы.

Тари кивнула.

— Школа. Девочек опекает старшая помощница Дочери Эйры.

— Сколько их там, знаешь?

— Нет, об этом они не говорили. Дану, вы должны вмешаться!

— Как и зачем?

— Отстраните ее, заставьте уехать. Это ведь неправильно. Я знаю, как это делается, и это неправильно.

— Если я ее прогоню, на ее место придет кто-то другой, и через три дня половина учениц снова будет просить милостыню.

Про воровство Тари так никому и не рассказала. И не надо!

— Половина — да, зато у остальных хотя бы появится шанс. Дану, пожалуйста, дайте им шанс. Как мне дали.

— Но мне не нужно столько пажей.

Лицо Гергоса оставалось бесстрастным, но Тари все равно почудилась улыбка. Она прильнула к его плечу, заглядывая в глаза:

— Ну, пожалуйста, дану.

— Я поговорю с Наланой, может быть, ей нужны помощницы. Кто захочет, получит свой шанс.

— Спасибо!

Тари придвинулась и поцеловала Гергоса в щеку. Тот снова никак не отреагировал.

— Вы помните мне шейный платок, — сказал он чуть позже.

Тари села ровно и даже сложила руки на коленях, как и полагается благонравной девице.

— Вам не нужно благословение?

— Я уже пообщалась с Керпо Всемиловитым в кладовке.

— Даже спрашивать не хочу. Идемте.

— Снаружи готовится оркестр. Три барабана, две флейты и тромбон.

— Тавоха им за шкуру...

— Дану, мы в обители Керпо, как можно?

— Тогда уходим отсюда. Быстро. И тихо.

Наверное, многих удивил вид дану Гергоса, сбегавшего через боковую дверь, но никто не осмелился возразить. А через несколько минут перед выходом грянула торжественная музыка.

— Дану, а в вашем пруду водятся карпы?

— Ри, что вы... — он одернул себя и тут же нахмурился, стал скучным и холодным. —

Тари, это будет неуместно.

— Неуместно отправиться ловить карпов? — неожиданно резко даже для самой себя спросила она. — Может, мне тогда нарисовать ваш портрет? Или это тоже будет неуместно?

Лицо Гергоса еще больше застыло.

— Тари, успокойтесь.

— Не хочу!

Зачем он так? Все ведь было хорошо! А теперь он отмахивается от нее, как от госпожи Дакару!..

— На нас смотрят.

Может, она ему тоже надоела? В этом все дело? Поэтому он пытается выдать ее замуж и

постоянно одергивает, и...

— И что с того?

— Вы ведете себя как ребенок.

— Ну и прекрасно! Я слышала, многие женщины хотят казаться младше своих лет...

Гергос очень неуважительно фыркнул. Он что, смеется? А впрочем, неважно. Тари и сама почувствовала, как губы растягиваются в улыбке. И что на нее нашло? Почему она снова злится?

— Я спрошу у Парлато про удочки, — сказал Гергос, успокоившись.

Тари кивнула, позволила взять себя за руку и увести в сторону коновязи. Сзади по-прежнему надрывался приютский оркестр.

***

Как выяснилось, про бал Мариника не шутила. Она уехала на следующий же день, а еще через два — прислала приглашения. Получив их, Дайана удовлетворенно кивнула и предложила помочь Тари с подготовкой, кажется, вполне искренне. Когда Тари спустилась к обеду спокойная и без следа слез, Гергос понял, что на этот раз его вмешательство не потребуется.

В последнее время с Тари было сложно.

Выпрошенная с таким упорством рыбалка прошла в хмуром молчании, а в завершении Тари раздраженно бросила удочку на землю и заявила, что ей скучно. После чего до обеда сидела у себя в комнате, а потом вместе с Энту ушла тискать котят. Котята подействовали, и вечером она снова стала милой и послушной, шутила, несколько раз обыграла Энту в каранту и даже сумела добиться улыбки от Дайаны.

Гергос почти все время проводил в кабинете, разбирался со счетами, отвечал на письма и сам не понимал, откуда знает о каждом шаге своей воспитанницы. Ведь, кажется, специально старался не следить за ней. Но ухо само ловило обрывки разговоров.

А разговоров было много. Трех девочек из приюта забрала на кухню Налана, одну пристроили к экономке, еще пару — к горничным. Дайана кривила губы и обвиняла его в излишних тратах, в том, что несколько месяцев назад увез с собой лучших слуг, и ей пришлось нанимать новых, а теперь еще и детей набрал — зачем? Внятно объяснить, зачем он это сделал, Гергос не мог. Тари попросила. Но ответить так означало обречь ее на новые мучения. Поэтому он придумал какую-то глупую отговорку про то, что в Тобрагоне все видные аристократы занимаются воспитанием сельских детишек. Мода такая на благотворительность.

А потом настало время ехать в имение Паваллу. До него было всего десять миль, ближайšie соседи, весьма состоятельные, но лишь благодаря покровительству Гергосов. Мариника, в сюртуке цвета индиго, похожем на военный мундир, и длинной строгой юбке с жесткими складками, встретила их у подножия главной лестницы. В руке бокал с игристым вином, на запястье висит небольшой веер, на лице сияет улыбка — и ведь не отличишь от настоящей!

Людей было немного, всего человек тридцать-сорок. Многих Гергос узнал — с некоторым для себя удивлением. Об ушедшей молодости он не жалел, но встреча с приятелями детства вновь, через двадцать лет, разбередила душу. В их манерах чувствовалась некая скованность, словно смущение. Не то оправдываясь, не то, наоборот, желая похвастать, они представляли Гергосу своих жен, детей, рассказывали о должностях и доходах. Рассказать в ответ было нечего, и потому Гергос быстро представлял Тари и

переходил к следующей группе.

Музыканты тихо и ненавязчиво наигрывали в углу какую-то легкую мелодию. Танцы еще не начались, до ужина оставалось несколько часов, Мариника была слишком занята, встречая гостей. Гергос привалился к стене и попробовал уснуть с открытыми глазами. Но глаза сами собой то и дело находили Тари.

Она произвела впечатление. Теперь не только Энту, но и несколько других юношей, старше, солиднее, вертелись вокруг, предлагая лимонад, удобное место на диванчике или выпрашивая танец. Тари держалась хорошо, не прятала взгляд, не заикалась. Даже улыбалась и кокетничала немного, но Гергос и с противоположного конца зала видел, как ей страшно.

Когда свободных мест на диванах практически не осталось и хозяйка вернулась в большую залу, музыка стихла. Мариника вышла вперед, улыбнулась — казалось, что каждому отдельно, в особенности — и представила главную достопримечательность вечера:

— Мой дорогой друг, гейр Версен.

Под жиденькие аплодисменты гейр поднялся и подошел к Маринике, поцеловал ей руку и повернулся к публике:

— Спасибо, спасибо... Мы пленники шального бриза, нет смысла на судьбу роптать. Ее затейливым капризам нам должно только потакать, — Версен улыбнулся притихшей публике. — Пусть неожиданно и гибко плетет она тугую нить. Кому-то выпало погибнуть, — он приложил руку к груди, потом взглянул прямо на Тари, — другому выпало сгубить.

Он поклонился. Снова аплодисменты. Гергос проводил поэта скептическим взглядом. Ну вот и что это? Неужели в зале было мало симпатичных мордашек?

Следом вышел молодой человек, который, как заметил раньше Гергос, уделял Тари особое внимание.

— Дану Совис, — улыбнулась Мариника.

— Кому-то выпало погибнуть, другому выпало сгубить, — задумчиво начал он и замолчал, улыбнулся Тари, словно ища вдохновения, потом решился и заговорил быстро, бойко: — Не пересдать по новой карты. Сошлись пути, сомкнулись гарды — вино разлито, нужно пить.

Аплодисменты, затем пауза — никто не решался выйти вперед и продолжить стихотворное соревнование. Наконец встал седой мужчина. Мариника опустила в глубоком соблазнительном реверансе и взглянула на него с большой теплотой, так что даже у Гергоса чуть екнуло сердце.

— Дорогой господин эль Фераль.

— Мариника, — улыбнулся он.

И свои стихи он читал, глядя только на нее:

— Мой жребий брошен, и затем я выпью, в свой бокал не глядя. Нет у богов страшней проклятья, чем для тебя вдруг стать никем.

Дальше дело пошло бодрее, свои экспромты прочитали несколько молодых людей, адресовали они их своим дамам сердца, но все же двое — вслед за Версеном и Совисом — обращались к Тари. Должно быть, Мариника успела объяснить, в чью честь все устроено. Когда в соседней гостиной накрыли карточные столы, Гергос ушел туда. Подальше от соблазна выставить себя полным идиотом. На языке вертелись рифмы, и настроение было под стать.

Может быть, так единственно правильно? Вероятно, иначе не стало бы, когда сердце

горит жгучим пламенем, но нет права на вздохи и жалобы... Какая пошлая мерзость!

Мариника проводила его чуть насмешливой улыбкой — показалось или нет?

Через несколько весьма удачных партий в большой зале заиграла музыка, зазвучали восторженные голоса, смех. Вот церемониймейстер объявил первый танец... Интересно, кому он достанется? Наверное, Энту, у него больше всего шансов. Все-таки кузен.

Через полчаса в дверях гостиной показалась Мариника, окинула игроков внимательным взглядом, ответила на пару комплиментов и ушла. Тари не показывалась. Гергос продолжал играть. Музыка не смолкала. Веселый акрафен сменился более чувственным спасьо, затем таланс, париль... Полностью сосредоточиться на картах не получалось. Закончив очередную партию, Гергос встал и направился в большую залу.

Танцевали всего пять или шесть пар, в основном молодежь. Заметив недовольную мину на лице Дайаны, Гергос пригляделся получше. Тари стояла в паре с Энту. Опять? Или он ее весь вечер от себя не отпускал? Внутри зрело колючее раздражение. Если бы не смерть Элиссандра Коварэна, Тари могла бы быть женой Энту. Они бы поженились еще до того, как Гергос стал главой рода. Он вернулся бы в Анкьер и встретил ее тут, жену собственного племянника. А почему нет? Они вполне подходили друг другу по возрасту.

Прекрасная партия для обоих, почему же Коварэн отказался от этого брака? Конечно, Варелли Прусто обладал внушительным состоянием, но отдавать ему принцессу крови? Возмутительный мезальянс. Но если бы не это странное решение, Тари бы стала женой Энту... Гергос скрипнул зубами. Благодарить теперь ублюдка, что ли?

Париль подходил к концу. Слегка запыхавшаяся, румяная, Тари поклонилась Энту, он ответил ей еще более низким поклоном, потом взял под руку и повел к столику с напитками. Церемониймейстер объявил следующий танец, маспас. Сделав несколько глотков из высокого стакана, Тари окинула взглядом залу и тут же выпетила Гергоса. Давно искала? Она немного резко высвободилась из рук Энту и решительно направилась в его сторону.

— Следующим будет маспас. Дану, окажите мне честь.

Маспас традиционно завершал балы, это был медленный и величественный танец. Пары лишь половину времени проводили вместе, но все равно считалось, что партнеру в маспase оказывается особенное предпочтение. Приглашение еще не было признанием в любви, но отказ явно демонстрировал неприязнь, поэтому приглашали, как правило, тех, с кем успел сговориться заранее.

Гергос сдержанно улыбнулся:

— Дитя мое, вам не кажется, что я уже староват для танцев?

В темных глазах блеснул нехороший огонек, и ответная улыбка была ему под стать:

— Вы считаете, это будет неуместно, если девушка закончит первый бал в паре со своим приемным отцом?

— Разве больше не с кем? Мне казалось, у вас нет недостатка в партнерах.

Тари чуть отвернулась, так что теперь Гергос видел лишь ее профиль, и глубоко вздохнула.

— Дану, — шепот-просьба, как тогда, ночью, — неужели вы не видите, что мне плохо с ними?

И обернулась, позволив Гергосу наконец поймать ее взгляд: горький, безрадостный взгляд совершенно несчастного существа, вынужденного вот уже два часа изображать веселье. Проклятый эгоист, о чем он вообще думал? Оставить ее одну, бросить на растерзание великосветской своре — у нее ведь совсем нет опыта, она даже ко двору не была

представлена! Но ему так было проще...

Гергос склонился, протягивая руку:

— Окажите мне честь..?

Теплая ладошка накрыла его пальцы еще до того, как он закончил фразу. Даже в бальном платье Тари смотрелась девочкой-подростком, хрупким ростком. Дайана правильно сделала, выбрав для нее довольно скромный и непритязательный наряд. В чем-то другом Тари выглядела бы неестественно. Белый лиф с удлиненной талией и простое темно-вишневое верхнее платье делали ее выше и как будто еще тоньше. Пышные манжеты подчеркивали изящные запястья, чокер из вишневого атласа — единственное украшение — охватывал шею.

Пары начали возвращаться на паркет. Гергос остановился напротив Тари и едва сдержал улыбку — она выглядела такой серьезной, сосредоточенной! Это ее первый маспас? Наверное, раньше только с учителем танцевала? Первые ноты заставили две линии — мужчин и женщин — чуть сдвинуться навстречу друг другу. Формальный поклон, протянутая и принятая рука — приглашение могло исходить как от кавалеров, так и от их дам, высокий тон в данном случае диктовал равноправие. Поворот, шаг в сторону, приветствие партнера слева. Поворот, полукруг, знакомство с партнершей справа. Сошлись, поворот, придержать Тари — она слишком напряжена, — еще один шаг...

В этом было какое-то утонченное, изысканное удовольствие. Движения маспаса всегда были жестко регламентированы, и моменты, когда партнеры сближались и касались друг друга, постоянно перемежались взаимодействием с другими участниками танца. И поэтому каждый раз, когда Гергосу выпадала возможность взять Тари за руку, приобнять за талию, пройти несколько шагов рядом, простые действия приобретали особый смысл. Маспас диктовал благочестивую сдержанность, но в то же время позволял то, что сам Гергос себе давно запретил: привлечь Тари, обнять, коснуться обнаженной руки в длительной поддержке. В повседневной жизни это было бы... неуместно. И что она прицепилась к слову?

Правда, ближе к концу совместных проходов и прикосновений становилось больше, они длились дольше, и музыка делалась все более яркой, страстной. Тари наконец расслабилась, позволила повести себя и даже улыбнулась по-настоящему. С последними аккордами Гергос взял ее руку и легко поцеловал костяшки пальцев. Это было делать совершенно необязательно, насчет поцелуя в конце маспаса этикет допускал некоторую вольность, но Гергос не смог удержаться. Не хотелось отпускать ее. Тари ответила ему загадочной улыбкой.

— Проводить вас?

— Прошу.

Она присела в легком книксене, он задрал подбородок выше обычного и предложил ей руку... Тари прыснула в кулачок, и они пошли к накрытому для торжественного ужина столу.

Коварство Мариники не знало предела. Согласно схеме, они с Тари сидели практически на разных концах стола, зато прекрасно могли видеть друг друга. От хозяйки же Гергоса отделяла всего пара мест. С одной стороны от Тари был Энту, с другой — какой-то молодой щеголь, который быстро взял дело в свои руки, оттеснив менее решительного соперника. Гергос старался не замечать, он уделял повышенное внимание своей соседке слева, болтал, смеялся, предлагал какие-то тосты... Тари тоже была весела и смешлива. Энту грустил, зато

щеголь развивался соловьем. Поймав взгляд своей подопечной, Гергос отсалютовал ей бокалом. Она повторила жест, но потом лишь коснулась губами кромки, даже не отпив.

Она вообще избегала вина. Интересно, почему? Спросить, или за этим тоже кроется какая-то страшная тайна?

Молодые люди активно обсуждали поездку к развалинам старого города. Тари тоже уговаривали поехать, а Гергос намеренно не реагировал на ее вопрошающие взгляды. Пусть сама решает. Это ее поклонники, возможно, один из них — будущий жених... Настроение снова резко испортилось. Гергос встал из-за стола и направился в одну из малых гостиных, сейчас пустую. На столике рядом с подоконником лежало несколько курительных трубок, на подлокотнике кресла осталась полураскрытая книга. Он прошел из конца в конец, понемногу успокаиваясь.

Да, все будет именно так. Благочестивый маспас, вежливый поклон, а потом в один из прекрасных летних — а то и весенних, чего тянуть-то? — деньков придет к нему юноша и попросит руки Тари. И он согласится. Выдаст приданое, подпишет контракт и будет улыбаться, пока челюсти не сведет. Нареченный отец, Тавах тебя поберет!

Едва слышно скрипнула дверь. Гергос, даже не оборачиваясь, знал, кого увидит. Ну ни капельки осторожности у девчонки! А с другой стороны, чего ей осторожничать? Он же нареченный отец.

— Дану, вы поедете с нами?

На лице Тари играла счастливая улыбка. Она плотно закрыла дверь и подошла ближе в неторопливом ритме маспаса, оперлась на столик одной рукой, чуть откинула голову. Ее щеки покрывал милый румянец, ноги словно продолжали танец. Гергос предусмотрительно отошел к книжному шкафу.

— Боюсь, я буду слишком занят.

— Дану, ну пожалуйста! Без вас будет совсем не то. Энту снова начнет говорить о скачках, и некому будет заставить его замолчать.

— Я уверен, что вы легко с этим справитесь.

— На меня он обидится.

— С этим — тоже.

Тари чуть замешкалась, но все же сказала:

— Госпожа Мариника тоже согласилась поехать.

И что это должно значить? Гергос отвлекся от книг и внимательнее взглянул на Тари. Она смотрела на него, словно выжидая, оценивая реакцию.

— Тогда у вас и без меня будет достаточно народу.

— А если я скажу, что не поеду без вас?

— То вы солжете.

Тари смешно зарычала и притопнула ножкой.левой. От трости она уже избавилась — только руку занимает! — но все равно пока берегла правую ногу. Потом подошла ближе, глядя с вызовом, и опустилась перед Гергосом в глубоком реверансе, утонув в переливчатых складках темно-вишневого атласа. Отросшие волосы уже доставали до самого подбородка и позволяли бросить кокетливый взгляд из-под стратегически выбившейся прядки.

— Дорогой дану Гергос, — промурлыкала она, мастерски подражая тону Мариники, когда та сделала реверанс Фералю.

В глазах Тари упрямство мешалось с чем-то более темным и хищным. Древний, как мир, призыв. Гергос заставил себя непринужденно улыбнуться и коснулся пальцем подбородка

Тари.

— Мое драгоценное дитя... — начал он и осекся.

Тари отшатнулась, меняясь в лице, и болезненно дернулась. Пожалуй, он не смог бы сильнее ранить ее, даже если бы ударил наотмашь. Она вскочила и начала нервно поправлять подол.

— П-простите...

— Это я должен извиниться. Мои слова вас смутили.

— Нет, совсем нет... Я... я пойду.

Она вылетела за дверь, не дожидаясь ответа, а Гергос словно наяву услышал полный упрека голос Мариники: «Дурак!»

ГЛАВА 17. ЖЕНЩИНА

Тари твердо решила, что не заплачет. Подняла глаза к потолку, несколько раз глубоко вздохнула, но потом все равно шмыгнула носом. Зачем она это сделала? Что за пошлая глупость! А если бы кто увидел? Госпожа Дайана или кто-нибудь из слуг... Позорище! И в то же время было до ужаса интересно, что бы сказал — или сделал — Гергос, если бы она не повела себя как полная идиотка, а спокойно ответила что-нибудь вроде «я уже не ребенок, дану». Ведь, в конце-то концов, никто, кроме него, ребенком ее не считал.

— Тари, что-то случилось?

Госпожа Мариника выглянула из столовой, за ее спиной шумели голоса гостей, мягкий свет отбрасывал на лицо красивые тени. Кажется, она с каждым днем становилась все изящнее и милее.

— Все в порядке, — быстро ответила Тари.

Взгляд Мариники скользнул ей за спину — на дверь гостиной.

— Онсо опять сказал вам какую-то гадость? Хотите, я поговорю с ним?

— Нет!

Госпожа Мариника пожала аккуратными плечиками.

— Тогда я поговорю с вами, Тари.

— Сейчас? Но... вас гости ждут.

— Это не займет много времени.

Взяв Тари за руку, она увлекла ее на второй этаж, в небольшую спальню.

— Все называют ее голубой, но, по-моему, она скорее бирюзовая, — рассмеялась госпожа Мариника и присела на заправленную постель.

Тари опустилась рядом и тут же положила себе на колени декоративную подушку, словно маленький щит. Госпожа Мариника снова взяла ее за руку.

— Пожалуйста, не злитесь на Онсо, но он рассказал мне вашу историю.

Тари кивнула. Это не стало такой уж новостью. Дану и госпожа Мариника часто беседовали, иногда целыми днями. Тари слышала голоса, проходя мимо кабинета, и, если никто не видел, прижималась ухом к двери. Чаще всего рассказывала госпожа Мариника. Например, одним вечером речь шла о каком-то модном романе, отзывах критиков и чтениях в самых роскошных литературных салонах столицы. Только через минут пятнадцать усиленного подслушивания Тари поняла, что госпожа Мариника рассказывает о собственной книге.

Но дану тоже было чем похвастать. Он говорил о таких местах, о которых Тари даже не слышала никогда, о морских путешествиях, о золотых приисках где-то на юге Нашаратской великой пустыни, о разрушенных ноллийских дворцах... И, видимо, о ней, о Тари, тоже.

— Не злитесь? — госпожа Мариника наклонилась, пытаясь заглянуть ей в лицо. —

Тогда позвольте задать несколько вопросов? Мне ужасно любопытно!

— Каких вопросов? — растерянно пробормотала Тари.

Что в ее истории могло показаться таким уж любопытным?

— Как вам удалось скрывать свой пол целых два года? Вы ведь постоянно жили в Интернате с другими детьми.

— Нас было слишком много, почти никто не обращал на меня внимания... К тому же доктор Нахри, — тут Тари не удержалась от улыбки, — он рассказал мне, как вести себя и что сказать, чтобы другие не приставали.

— Но как же другие физиологические проявления? Регулы?

Она не ослышалась?

Но госпожа Мариника продолжала смотреть на нее с самым живым интересом, что Тари не могла не ответить.

— У меня их нет. То есть они были, но потом пропали, примерно полтора года назад. Доктор Нахри сказал, это из-за питания.

— Это многое объясняет.

— Что объясняет?

— Остановите меня, если покажется, что я лезу совсем уж не в свое дело, и поправьте, если ошибаюсь. Вы любите его, так?.. Да, это заметно, Тари, очень. Почему, как вам кажется, Дайана бродит за вами по пятам, как привидение, стараясь обвинить во всех возможных грехах? Чувствует угрозу.

— Но... — у Тари даже во рту пересохло. — Для дану я всего лишь «его драгоценное дитя».

Госпожа Мариника очень внимательно на нее посмотрела, и Тари вдруг поняла, что краснеет. Почему она вообще взялась рассказывать обо всем этой женщине?

— Он так сказал? — госпожа Мариника понимающе улыбнулась. — Хотите знать мое мнение? Ваша главная и, пожалуй, единственная проблема в том, что Онсо Гергос не из тех мужчин, кого привлекают маленькие мальчики.

— Но я не...

— Правда, Тари? Вы уже не маленький мальчик?

— Вы хотите сказать, я должна вести себя более женственно?

— Не обязательно. Очевидно, ваш юношеский шарм прекрасно работает, но если вы хотите, чтобы Онсо увидел в вас женщину, возможно, вам стоит лучше питаться. А еще не пренебрегайте прогулками, лучше конными. Два часа каждый день. И танцы, — она задумалась. — А еще стоит чуть изменить покрой платья... Простите за откровенность.

Она поднялась.

— Мне пора идти. Оставайтесь, сколько захотите. Если решите не возвращаться сегодня в Льен, спальня к вашим услугам. Я договорюсь с Дайаной.

Госпожа Мариника вышла, оставив Тари сидеть, цепляясь за подушку. Не то чтобы слова госпожи Мариники так уж ее шокировали — в конце концов, она провела два года в Интернате Толорозы и прекрасно знала, чем мальчики отличаются от девочек, для чего все это служит и чем заканчивается. Но еще ни одна высокородная дама с ней так не разговаривала, даже мама.

А еще — и это, пожалуй, взволновало Тари сильнее всего — речь шла о том, чтобы понравится дану. И госпожа Мариника не стала ее осуждать, стыдить и отговаривать. Она

действительно считает, что у Тари есть шанс? Или что Тари имеет на него право? И при этом госпожа Мариника ведет себя совсем не так, как полагается ревнивой женщине при виде молодой конкурентки. Хочет, чтобы Тари опозорила себя?.. Нет, в ее взгляде было столько сочувствия...

— Госпожа Мариника! — Тари вскочила и бросилась следом.

Она успела перехватить женщину уже у самой лестницы.

— Госпожа Мариника, вы мне можете помочь?

— Нет, Тари, я вам не помогу.

— Но почему нет?

— Тари, вы мне нравитесь, правда. Но Онсо — мой друг. И в первую очередь я беспокоюсь за него. Если он решит... Простите.

Тари застыла. О чем она? Разве что-то угрожает дану с ее, Тари, стороны?

Госпожа Мариника тепло улыбнулась ей на прощание и вернулась в столовую. А Тари так и осталась стоять на лестничной площадке. Думала. А ведь и правда, угрожает. Дану рассказывал о попытке госпожи Дайаны отравить его. Она боится, что Гергос изменит решение и Энту перестанет быть единственным наследником. Но ведь... Тари мучительно закусила губу. Но ведь ей не нужно состояние Гергосов, не нужны их поместья, деньги и корабли. Только сам дану. Но говорить об этом нельзя, ведь девушка из благородной семьи не может быть просто... О, Керпо, даже мысленно самой себе не признаться! Просто любовницей.

Так странно. Если бы не дану, она бы уже стала любовницей господина Тракаса, и никому бы до этого и дела не было. Богатый патрон и безвестная сирота из Интерната могли делать все, что захотят. Но только не дану Гергос и принцесса Коварэн. И даже Тари эль Нахри осудят и заклеят. Надо было оставаться просто Ри, на него всем было бы плевать!

Тари вернулась в спальню. Она не была голодна и не испытывала ни малейшего желания с кем-либо общаться. Может, и правда остаться на ночь? Было страшно снова взглянуть в глаза Гергосу, а при мысли, что придется ехать в одной карете с Дайаной и Энту, и вовсе накатывала тошнота.

Тари закрыла дверь на защелку и подошла к высокому зеркалу. Нет, в платье она не походила на маленького мальчика, но на маленькую девочку — очень даже. И кто виноват, что в последние два года ей нечасто удавалось как следует поесть? Еды в Интернат привозили достаточно, но были такие, как Ковыль, и такие, как Тари — мелкие. А мелким доставалось немного. Мешковатая одежда помогала спрятать девчоночью фигуру, со стороны Тари мало отличалась от других мальчишек — такая же щуплая, угловатая, грязная. Никто даже не глянул дважды.

Она провела ладонями по бокам, четче обозначая изгибы. Они были, пусть и не очень явные. Особенно в этом платье. Да, госпожа Мариника права, фасон следует сменить. И больше есть, это понятно. А конные прогулки зачем? Конечно, они здорово тренируют спину и бедра, и... Ну да. Тари улыбнулась немного смущенно. От откровенных слов госпожи Мариники оставалось странное впечатление. С одной стороны, стыдно, а с другой... от этого веяло свободой! Хоть кто-то не осуждал, хоть кто-то не видел в ней ребенка или наглую претендентку на наследство Гергосов!

Убедившись, что занавески плотно задернуты, Тари стащила верхнее платье, затем расстегнула рубашку, оголяя грудь и живот. Да, не богиня с полотен великих художников. Тошная, даже ребра торчат. Но ведь — от одной только мысли кровь к щекам прилиwała! —

дану ее поцеловал. Значит, она и такой ему нравилась. И хотя с тех пор Гергос ничего подобного себе не позволял, Тари почти постоянно чувствовала на себе его внимание.

Или ей просто очень этого хотелось? Может быть, дану выпил тем вечером... Или вообще думал о другой, о госпоже Маринике, например. Тари закрыла лицо ладонями, чтобы не видеть собственного отражения, потом отвернулась и быстро-быстро поправила шнуровку на груди.

Гости разъехались еще до полуночи, по меркам высшего общества — очень рано. Из-за прикрытых занавесок Тари наблюдала за подъезжающими к крыльцу каретами и нарядными, шумными, пьяными людьми. Дайана и Энту уехали одними из первых. Когда Тари увидела, что Гергоса с ними нет, ее сердце забилося чуть быстрее — а вдруг он... Но нет, через полчаса он приказал привести лошадь и тоже уехал, даже не подняв головы. В глубине души Тари надеялась, что он посмотрит наверх, заметит ее и... Она сама не знала, что «и». И вернется? И они поговорят? И он скажет, что на самом деле она для него не просто «драгоценное дитя»? Но он не посмотрел и не заметил.

В доме все стихло на некоторое время. Потом по коридору к себе в комнату прошла госпожа Мариника, а несколько минут спустя — какой-то мужчина, звонко цокая обитыми железом каблуками. Если бы Тари собственными глазами не видела, что Гергос уехал, она бы непременно выглянула в коридор, чтобы проверить, а так ей было все равно.

В Льен она вернулась только к обеду следующего дня. Вопросов ей никто не задавал, но госпожа Дайана с некоторым ехидством сообщила, что дану этим утром уехал в столицу и вернется лишь дней через двадцать, не раньше.

Но он не вернулся и через месяц.

Начался сезон, и Тари почти каждый день куда-нибудь приглашали: на прогулки, званые обеды, балы и просто вечеринки на пятнадцать-двадцать человек, для «своих». Странные люди, которым ее впервые представили на балу у госпожи Мариники, постепенно сделались хорошими знакомыми, несколько молодых людей пытались за ней ухаживать, Энту влюбился в первый раз... А госпожа Дайана в первый раз напилась.

За ужином она выпила лишь пару бокалов, но, когда все перешли в гостиную, она приказала принести бутылку наливки. В тот вечер у них было несколько гостей, и разговоры не смолкали ни на минуту. Тари с удовольствием обыгрывала Энту в каранту, госпожа Дайана со смехом вспоминала молодость. Долгое время никто ничего не замечал. Да, она смеялась громче обычного и ее речь звучала чуть-чуть неразборчиво, но всем было слишком весело, ее рассказы подчас выходили такими забавными!

Когда гости начали расходиться, госпожа Дайана послала Парлато за новой бутылкой. Энту ушел, чтобы проводить товарища, и госпожа Дайана налила и выпила несколько рюмок подряд, прямо на глазах у Тари. Когда вернулся ее сын, она продолжила беседу, как будто ничего не случилось.

Но ее глаза странно блестели, в движениях, несмотря на некоторую заторможенность, появилась истеричная резкость.

Энту отложил карты и зевнул.

— Прошу прощения, дамы, я спать.

Тари хотела было последовать за ним, но госпожа Дайана ее удержала:

— Я бы хотела с тобой поговорить.

Когда Энту ушел, она добавила:

— Как женщина с женщиной.

Тари невольно напряглась.

— Сегодня утром я получила вот это. Прочти.

Она извлекла из поясного кошелька сложенное письмо. Тари осторожно взяла бумагу и развернула. Она тут же узнала почерк, и сердце забилося еще быстрее.

Гергос писал, что не вернется в Льен в ближайшее время, но хотел бы перевезти свою воспитанницу поближе к столице. Он снял специально для нее дом в пригороде и надеется увидеть Тари еще до конца недели. Дальше следовало еще несколько абзацев, касавшихся управления поместьем. В конце дану просил помочь Тари с переездом, но пообещал, что сопровождать ее Дайане не придется, он пришлет кого-нибудь или попросит Маринику.

Тари перечитала письмо несколько раз. Оно было не первым, Гергос упоминал в тексте прошлые свои послания. Но почему же он не написал ничего ей? За все это время — ни строчки! И даже о переезде он предпочел сообщить через госпожу Дайану.

— Ты рада?

Насмешливый голос заставил Тари оторваться от письма.

— Да... я думаю.

Госпожа Дайана улыбнулась кривоватой пьяной улыбкой.

— Знаешь, что это значит? Возможно, твоя мечта сбудется.

— Какая мечта?

— О, не делай вид, будто не понимаешь меня. Ты, девочка, совсем не умеешь притворяться, и эти твои большие щенячьи глазки... Ничего, ничего... Сейчас ты счастлива, но не думай что это навсегда. Я тоже когда-то была молода. И даже вышла замуж по любви, родила прекрасного сына... А потом мой муж умер, сын лишился наследства, а я сделалась приживалкой в собственном доме, — голос госпожи Дайаны стал тише, в нем появились угрожающие нотки. — Наша жизнь зависит от капризов чужого по сути человека... Ненавижу.

Она замерла, глядя в одну точку, а у Тари побежали мурашки по рукам и спине. Последнее слово прозвучало так трезво, так отчетливо — и спокойно. Как простая констатация факта. И от этого было лишь страшнее.

— Ни я, ни дану никогда...

— И ведь ты действительно так думаешь! — рассмеялась госпожа Дайана. — Это пройдет. Ты веришь в это, потому что еще слишком молода и неопытна. Ты не знаешь, что такое быть матерью. Но как только какой-нибудь идиот назовет твоего ребенка безродным ублюдком, ты тут же потребуешь от Онсо признать его. И ты захочешь дать ему образование, позволить жить и любить, не думая о хлебе насущном...

Тари попыталась проглотить ставший в горле комок. Она всерьез опасалась, что госпожа Дайана сейчас бросится на нее и задушит. Но женщина лишь смерила ее усталым взглядом и вновь потянулась к бутылке. Тари воспользовалась этим и самым постыдным образом сбежала из гостиной. Слова госпожи Дайаны долго не давали ей уснуть. И радости от предстоящей встречи с Гергосом больше не было.

Кто она такая, чтобы пытаться занять место рядом с ним? Какое она имеет право? Если бы Энту был всего на полгода старше, именно ему досталось бы все, его дядя мог бы претендовать лишь на жалкие крохи... И ведь Гергос пообещал Дайане, что никогда не женится, не заведет детей... или хотя бы не признает бастардов. Он дал слово, от этого, возможно, зависит его жизнь, так какое Тари имеет право вмешиваться?

Она должна выкинуть из головы все эти глупости, увидеть в нем просто нареченного

отца, своего благодетеля, человека, который подобрал ее на улице и вернул в свет... Тари со злостью перевернула подушку — эта сторона совсем промокла.

***

Токана, северный пригород Анкьера утопала в цветах. Запах стоял сумасшедший, хотя, по мнению Окъеллу, ему не хватало морской свежести. Со временем температура будет лишь повышаться, и вскоре не спасут ни навесы, ни лед в стаканах с лимонадом. Гергос сидел на террасе небольшого коттеджа, поглядывая поверх разросшихся гортензий на ворота. Ехать досюда от Льена было часов пять, и если Мариника с Тари выехали сразу после завтрака, то вскоре должны будут показаться на одной из мощеных желтым песчаником дорожек.

Последние несколько дней Гергос провел в Анкьере, специально, зная, что, останься он в Токане, и станет просиживать так целыми днями. Наваждение не проходило. Поначалу думалось: отпустит. Стоит уехать подальше, отвлечься, найти кого-нибудь в меру понимающего и доступного... Не помогало. Он ждал. Ждал столько, сколько мог, но странная тоска по-прежнему грызла сердце. Та самая тоска, шальная и болезненная, которая появилась в глазах Тари, когда он назвал ее ребенком. Опять. Как называл уже сотню раз, просто в тот момент... В том момент она уже не была ребенком. Да, она вела себя глупо, вызывающе, как могла себя вести только очень молодая и очень неопытная женщина. Но все же женщина.

Странно, что он совершенно упустил это из виду. Наверное, неосознанно пытался защититься и потому постоянно подменял образ Тари намного более безопасным и привычным образом Ри. Иногда правда прорывалась наружу и случалось то, что случалось. Как тогда ночью, когда Тари плакала, и он бросился ее успокаивать. Тогда он четко знал, кто перед ним, и остановился отнюдь не из-за ее возраста или статуса.

Но уже на следующее утро снова заставил себя не видеть, не замечать ее взглядов, ее молчаливого ожидания. Стоит ли удивляться, что со временем все стало только хуже, сложнее?

Он правильно сделал, что уехал. Временами он сам себя не узнавал, и все, что не было Тари, казалось блеклым, неинтересным. Но в следующий момент он вспоминал о Коварэне, и томящая нежность сменялась жгучей ненавистью. О, как лаонт посмеется над ним, если узнает, что вслед за его сестрой Гергос посмел полюбить его племянницу! И в этот момент Окъеллу ненавидел всех женщин рода Коварэн. А потом он вспоминал про Дайану, отца и брата — и ненавидел весь мир. Кроме Тари. С нее все начиналось и к ней же приходило.

Безумие, одержимость, от которой можно было избавиться лишь одним способом — уехать как можно дальше и постараться выкинуть проклятую девчонку из головы. Но даже этот способ не работал. Потому что от Анкьера до Льена было всего несколько десятков миль. Потому что он знал, что Тари по-прежнему ждет его.

И тогда Окъеллу придумал новый план. Такой, который бы давал ответы на все вопросы, устранял все разногласия. Он попробует узнать правду о Коварэне, если понадобится, он будет жесток, он поманит Тари самым желанным, но выяснит наконец, что заставило ее сбежать. Она своими руками отдаст ему шкатулку — если дело и впрямь в ней. Но саму Тари его месть не коснется. Для всего мира Атарьяна Коварэн давно перестала существовать, никто не свяжет ее с Тари эль Нахри, особенно если Тари эль Нахри выйдет замуж, сменит имя, уедет в какую-нибудь глухую анкьерскую провинцию...

Оставалась сушая мелочь — убедить самого себя в том, что это действительно самый

лучший выход. Окъеллу потратил на это много дней, но все равно не поверил до конца. Дальше ждать было нельзя, скоро сезон подойдет к концу, и шанс встретить подходящего жениха существенно снизится. Летом анкьерские аристократы предпочитают отдыхать за городом и пышных собраний уже не устраивают. Значит, все должно случиться в самое ближайшее время.

Послышался звонкий перестук копыт по песчанику. Гергос отставил стакан с давно нагретым лимонадом и пошел навстречу кавалькаде. Разумеется, {ее} он увидел первой. И тут же разозлился на себя за поднявшуюся в душе обиду. Тари не выглядела истосковавшейся, несчастной, убитой долгой разлукой. Наоборот. В светло-зеленом летнем платье и кокетливой шляпке она была до невозможности хороша. Глаза весело сверкали, на щеке играла лукавая ямочка...

Нет, она, конечно, обрадовалась ему и поприветствовала с большой теплотой, но это было не то, не так! Гергос наткнулся на насмешливый взгляд Мариники и резко отвернулся. Он и сам знал, насколько это глупо.

Дом Тари понравился. Она быстро обежала два этажа, осмотрела спальни и просторный салон, столовую, кабинет... Она снова была легкой и невесомой, ни следа хромоты. Гергос неторопливо ходил следом, показывал, объяснял и не спускал глаз с этого необъяснимо прекрасного создания. Нет, по всем канонам Тари не была такой уж красавицей, и при желании Гергос мог найти в ее лице и фигуре немало недостатков, но такого желания не возникало. Тари была музыкой, журчанием весеннего ручейка, столь желанной прохладой... Сколько можно себя обманывать?

ГЛАВА 18. ДУХИ

Тари знала, что подслушивать нехорошо. В принципе. Но в реальности — очень даже полезно. Другое дело, что большинство разговоров особенного интереса не представляли, и их не только подслушивать, но и просто слышать иногда не хотелось. Но тут Тари не удержалась. Проходя мимо чуть приоткрытой двери кабинета, она услышала звонкий голос госпожи Мариники и просто не смогла сделать следующий шаг:

— О, как долго я ждала этого дня! Увидеть Онсо Гергоса влюбленным!

— Мика, не смешно.

— Еще как смешно! Она от тебя без ума, так чего ты боишься?

— Я ничего не боюсь. Просто не вижу в этом смысла. Чувство Тари — детское. Онсо пройдет еще до конца лета, и она наконец увидит меня таким, какой я есть.

— Но при этом она для тебя так и останется самым совершенством?

— Все не настолько плохо. Я прекрасно осознаю ее недостатки.

— Какие, например?

— Несдержанность, для начала.

— Брехня.

— Что ты сказала?!

— Тари говорит, ты так забавно злишься, когда слышишь это слово.

— Тари говорит? Так вы теперь лучшие подруги, да?

— Нет, она считает меня предательницей.

— Почему?

— Я отказалась помочь ей разбить тебе сердце.

— Как предупредительно с твоей стороны. Я польщен.

— К тому же у нее и без меня прекрасно получается.

— Мика!

— Все, молчу-молчу. Кстати, не боишься, что сюда нагрянут ее поклонники?

— Какие поклонники?

— Ну, Энту и еще два каких-то ротозея. Все время забываю, как их зовут. А впрочем, чего их запоминать? Они сменяются каждую неделю.

— Она имеет успех, да?

— Меня это ничуть не удивляет. Тари молода, свежа, эксцентрична. Просто глоток свежего воздуха для застоявшегося анкьерского общества. Ее надо непременно представить Императору.

— Не думаю, что Тари это заинтересует.

— А я думаю, ты ошибаешься. Хватит прятать ото всех свое сокровище, Онсо. Девочке нужен простор!

— Я боюсь, это небезопасно.

— Ты из-за Коварэна волнуешься? Что он здесь может ей сделать?

— Не знаю. Но нельзя терять бдительность.

— Ты просто боишься, что она встретит кого-нибудь, чей пьедестал в итоге окажется выше твоего.

— Мне не нужны никакие пьедесталы.

— Ну конечно.

— Конечно. Я предпочитаю общение на равных.

— Не понимаю, как ты дожил до своих лет и совсем не научился врать?

— Я не вру.

— Врешь. Тебе нравится ее восторг, ее обожание, ее большие, темные, влюбленные в тебя глаза...

— Мика, прекрати.

— Ты заметил, ее фигура стала намного приятнее. Даже кое-какие округлости появились.

— Я не присматривался.

— И снова врешь. Что если она тоже мечтает о тебе ночами?.. О, не смотри так на меня! Она взрослая женщина, многие в ее возрасте уже носят второго ребенка.

— Мика, я не могу.

— Из-за Дайаны?

— Не только. Ты знаешь, некоторые считают меня вторым человеком в Анкьере, хоть это и не так. Это всего лишь деньги. Но есть одна вещь, которую второму человеку нельзя делать ни в коем случае — это пытаться стать первым. А брак с тобрагонской принцессой крови легко можно посчитать такой попыткой.

— Но никто же не знает...

— Узнают. Если мне хватило минуты, чтобы понять, кто она такая, думаешь, другим понадобится больше? Не надо, Мика. У меня было время все решить.

— Это так грустно.

— Грустно, согласен. Но у этой истории не может быть счастливого конца. По крайней мере, не для всех. Так пусть хотя бы у нее он будет.

Госпожа Мариника тяжело вздохнула:

— Тавах тебя побери, Онсо, почему я просто не вышла за тебя замуж, когда была возможность?..

Тари тихонько отошла от двери. За словами госпожи Мариники последовало молчание, и Тари испугалась, что сейчас кто-нибудь выйдет из кабинета и увидит ее. Она на цыпочках прокралась по коридору и вышла на террасу, подставляя солнцу лицо с едва заметными веснушками. Госпожа Мариника была права, это грустно. Но в то же время в груди распускался огромный бутон счастья — дану ее все-таки любит! По-настоящему! И не признался до сих пор только потому, что боится за нее.

Но о каком счастливом для нее конце шла речь? Неужели Гергос думает, что, если он самоустранится, то она будет счастлива? Что к концу лета она его забудет?.. Видит Керпо, мужчины бывают такими наивными!

Город Анкьер был столицей политической жизни, но именно в Токане устраивались самые лучшие праздники и балы. Тари не питала иллюзий относительно причин, по которым Гергос снял для нее дом именно здесь. И не противилась — принимала все предложения. После подслушанного разговора в ней поселилась спокойная уверенность. Очередной бал прошел, а дану так и не пригласил ее? Не беда. Он не поехал с ней и несколькими ее друзьями смотреть на фонтаны? Пустяки! Зато тем же вечером Гергос объяснил ей правила игры в шарандон, и они сыграли несколько весьма интересных партий.

Иногда Тари казалось, что Гергос догадывается, что она всего лишь ждет, пока он сдастся. В такие моменты на его лице появлялось обреченно-упрямое выражение, а Тари так и подмывало спросить: дану, сколько еще мы будем играть в эту игру? Неужели и впрямь до конца лета? Стоило отдать ему должное, Гергос толкал ее в объятия других мужчин с удивительной настойчивостью.

Но в конце концов он сдался.

Тем утром Тари обнаружила на столике у кровати небольшую коробочку. Внутри была плоская баночка с твердыми духами и записка, написанная рукой Гергоса: «Используй их сегодня. Для меня». Тари отвинтила крышку и поднесла баночку к носу: пахло незнакомо, чем-то терпким и чуть сладковатым. Она мазнула себе запястье и снова принюхалась. Что это может быть?

Подсказала госпожа Мариника. Стоило Тари выйти на террасу, где нежилась под балдахин бывшая невеста ее возлюбленного, и Мариника спросила:

— Новые духи?

— Подарок, — улыбнулась Тари и подставила руку. — Только я не могу понять, что это за запах.

— Кракао, — тут же ответила госпожа Мариника.

— А что это? Фрукт какой-то?

— Нет, это такие жуки.

— Что?!

— У них на задних лапках очень пахучие железы. Жуков ловят, сушат и изготавливают духи. Кстати, очень дорогие. Кто подарил?

— Подписи не было.

И ведь не соврала!

— Ах, тайный поклонник... Будь осторожна, вдруг он решит, что это знак благосклонности.

Тари пожала плечами:

— Пусть решает.

Она использовала духи тем же вечером, собираясь на очередной бал. Это был скромный

прием у дани Форкен, одной престарелой и очень благочестивой особы, которая считала своим долгом пристроить замуж каждую приглашенную девушку. Юноши ее интересовали меньше, но, понятное дело, им тоже доставалось. Тари была на таком балу уже трижды, и, кажется, добрая хозяйка начала понемногу отчаиваться. По крайней мере, в чрезмерной разборчивости обвиняла Тари уже вполне открыто.

Госпожа Мариника сопровождала Тари в качестве дуэньи, а дану — потому что не мог не пойти. Тари видела, что балы не доставляют ему никакого удовольствия, чаще всего он весь вечер просиживал за картами, но все равно приходил. Несмотря на отсутствие в Токане неудобных для экипажей мостиков, анкьерские аристократы по-прежнему предпочитали паланкины, а не кареты. Видимо, чтобы ничем не отличаться от жителей самой столицы. Устроившись на подушках напротив Тари, госпожа Мариника чуть отодвинула занавеску:

— Ваш намек слишком явный, моя дорогая. В следующий раз будьте осторожнее, у кракао очень сильный запах.

— Простите.

— Ничего страшного. Онсо, вы слышали? У Тари появился тайный поклонник.

— Возможно, он решил сыграть на контрасте с ее явными поклонниками.

— Возможно, — улыбнулась госпожа Мариника. — Он подарил ей духи. Кракао.

— На мой взгляд, довольно нескромный подарок для молодой девушки.

— Возможно, он считает, что имеет право?

— Возможно, он не ошибся, — заметила Тари, пытаясь поймать взгляд идущего рядом Гергоса.

Ей это удалось, но взгляд был недовольный. Он не хотел, чтобы Мариника догадалась?

— Неужели кому-то наконец удалось растопить ваше ледяное сердце, Тари?

— Мое сердце совсем не изо льда, просто оно ждало знака от нужного человека.

— Как романтично, — госпожа Мариника довольно откинулась на спинку. — И ваши глаза сверкают. Счастье вам идет. Онсо, не правда ли, Тари сегодня особенно хороша?

— Безусловно.

— Вам не нравится эта тема? Вы как-то не особенно разговорчивы.

— У меня болит голова. Возможно, от кракао. Простите, Тари, но я терпеть не могу этот запах.

Как только они добрались до дома дани Форкен, Тари тут же ушла в ванную комнату и смыла духи. Как она могла ошибиться? Почерк был Гергоса!

***

За Тари вот уже несколько дней увивался дану Морэв, и, по мнению Гергоса, он имел все шансы на успех. Еще молодой — всего двадцать шесть лет, — но уже отлично зарекомендовавший себя как на полях сражений в Нашарате, так и в сенатских дебатах. И его внимание к Тари явно было не мимолетным флиртом. Морэв держался хорошо, с достоинством, и нередко напрашивался за карточный стол к самому Гергосу, налаживал отношения с будущим свекром, по всей видимости.

Попытки Гергоса найти в Морэве хоть один изъян так ни к чему и не привели. И для его плана он подходил идеально: не самая видная фигура, но занимает стабильное и комфортное положение в обществе, сможет обеспечить жену и вряд ли когда-нибудь сунется в Тобрагону. Тари стоило выбрать его, но она, словно назло, едва замечала ухаживания Морэва. Временами Гергосу действительно казалось, что назло.

Хозяйка дома не слишком любила карты, и в этот вечер пришлось довольствоваться

бесконечными разговорами. А еще Гергос был вынужден наблюдать, как Тари танцует и кокетничает со всяким отребьем... Нет, конечно, совсем уж отребья в домах, подобных этому, не водилось, но Тари все равно выбирала далеко не лучшие кандидатуры. Гергос пока решил не вмешиваться, но терпение его было на пределе. И большой сезон подходил к концу.

А еще эти духи! Какой наглец осмелился подарить молодой девушке настолько личный подарок? И почему Тари его приняла? Глухое раздражение поминутно вырывалось в каком-нибудь резком жесте или несдержанной фразе, так что уже через час подходить к Гергосу решались только самые смелые и отчаянные. В основном, просители. Кто бы мог подумать, что у блестящей анкьерской молодежи столько проблем! И все их обязан решить именно глава дома Гергосов. Второй человек в государстве. Окъеллу криво улыбнулся и отшил очередного попрошайку.

— Ну что еще? — спросил он у замершего в полушаге слуги.

— Господин, вам записка.

Ну вот, побоялись подойти лично и прислали лакея. Почему же тогда просто почтой не воспользовались?

— От кого? — все так же нелюбезно поинтересовался Гергос.

— От его светлости Коварэна.

Как это имя могло прозвучать посреди ярко освещенной танцевальной залы в самом приличном доме Токаны? Гергосу показалось, что он ослышался, но переспрашивать не стал. Протянул руку, взял небольшой листок. Даже не запечатан. Окъеллу огляделся: неужели Коварэн здесь? Но как?

Записка состояла всего из двух предложений:

«Атарьяна должна вернуться в Каргабан в течение десяти дней. Иначе умрет».

«Что за чушь?» — поразился Гергос.

И тут же кто-то взволнованно вскрикнул. Окъеллу поднял голову и увидел лежащую посреди зала Тари. Очень бледную. Очень неподвижную. Ее окружали другие танцоры, но никто ничего не делал. Все словно замерло, и в этой тягучей тишине Гергос с огромным трудом сумел наконец подняться, сделать шаг вперед... Потом мир ожил. Одна из дам принялась обмахивать Тари своим веером, другая протянула соли, двое молодых людей уже собирались перенести Тари на кушетку.

— Пошли вон! — прорычал Гергос, отпихивая обоих.

Прежде чем поднять Тари на руки, он еще раз огляделся. Что могло вызвать обморок? Неужели она увидела Коварэна? Потом все отошло на второй план, осталось только безжизненное тело и нечеловеческие усилия, чтобы не поубивать всех вокруг. Прочь! Ей нужен воздух, а не ваше кудахтанье!

Тари и впрямь была слишком бледной, а ее сердце билось слишком часто. Потом начали синеть губы. Это уже был не просто обморок. Гергос оттолкнул очередного доброжелателя с бутылочкой нюхательной соли и принялся массировать артерию на шее. Тари не приходила в себя, но вроде хуже ей тоже не становилось. Рядом на кушетку присела Мариника и закинула ноги Тари себе на колени.

— Что произошло?

— Не знаю!

В совпадение поверить было сложно. Но как Коварэн мог это устроить? Гергос в очередной раз обежал взглядом гостей. Все знакомые лица. Кто из них мог навредить Тари?

Хозяйка хлопотливо предложила свой экипаж, чтобы помочь доставить Тари домой. Потом — врача и удобную постель. Удивительно последовательная женщина. Веки Тари дрогнули. Она все еще была белой, как вершины тобрагонских гор, но хотя бы ушла мертвенная неподвижность.

— Останься с ней, — бросил Гергос, поднимаясь.

Мариника кивнула.

— Ваше сиятельство, экипаж не понадобится, но от лошади я бы не отказался. Благодарю.

Найти слугу, который принес записку, труда не составило. Но когда Гергос спросил, кто ее передал, мальчишка лишь плечами пожал:

— Какой-то хорошо одетый господин.

И это все. Когда его подвели ко входу в танцевальную залу и спросили, не узнает ли он кого-нибудь из гостей, он замялся и так ничего толком не ответил. Наконец лошадь была подана. Гергос вскочил в седло и направился галопом обратно к коттеджу.

Эвретто едва успел отскочить в сторону. Окъеллу пронесся через холл прямо на второй этаж — в спальню Тари. Баночка с духами стояла на тумбочке рядом с кроватью. Гергос глубоко вдохнул, дуря от концентрированного запаха кракао. За ним могло скрываться что угодно! Гергос взял одну из кисточек и ковырнул воскообразную поверхность, потом поднес духи к самым глазам, взглянул на свет и наконец коснулся кончиком пальца.

— Ваша светлость? — спросил Эвретто от двери.

— Кто доставил духи госпоже Тари?

— Я спрошу у Кармиты.

— Немедленно!

Горничная ничего не знала.

— Духи появились сегодня утром, я думала, госпожа сама купила.

— Записки не было?

— Нет, ваша светлость, я ничего не видела.

Наплевав на последствия, Гергос принялся рыться в ящиках. Ну не такая же она дура, чтобы принимать духи от кого попало! Тари явно знала отправителя! И доверяла ему... Кто-то, кто растопил ее сердце. Гергос сильнее стиснул зубы. В ящиках тумбочки и туалетного столика ничего не нашлось. Выбросила? Сожгла?

Или сама купила духи, чтобы подразнить его?

Гергос вдруг без сил опустился на кровать, сжимая руками голову. Пальцы подрагивали. Действительно ли за этим стоял Коварэн? Может, просто случайность? Надо было остаться и расспросить для начала саму Тари. Вдруг есть другое объяснение? Но эта записка... Ее мог передать кто угодно. У Коварэна достаточно средств, чтобы передать клочок бумаги в Анкьер.

Гергос в последний раз окинул комнату усталым взглядом. Что он здесь делает? Духи были простым подарком — или шалостью, — и только ревность заставила его заподозрить в них какой-то подвох. Тари постоянно получала цветы, книги, наборы фруктов и шоколада. Почему не духи? Гергос медленно поднялся с постели. Если Тари узнает, что он рылся в ее вещах, точно будет скандал.

И с осознанием этого просто факта он снова полез в нижний ящик стола. В первый раз он был слишком занят поисками записки, зато теперь вытащил загадочную шкатулку и осмотрел со всех сторон. Тари всегда возила ее с собой, но при этом никому даже в руки не

давала. Крышку прорезало несколько глубоких царапин, один из углов был сколот, но замок при этом выглядел как новенький и даже петли не болтались. Ключа рядом Гергос не нашел, возможно, его Тари никогда от себя не отпускала.

Гергос осторожно уложил шкатулку на место и наконец вышел из комнаты. В холле его встретили взволнованные слуги. Ну да, перепугал весь дом. Интересно, это нормальное поведение для влюбленного идиота? Хорошо, Мариника всего не видела. Он прошел обратно к оставленной у крыльца лошади, по пути сообщив, что все в полном порядке, просто госпожа Тари забыла любимый веер.

Когда он вернулся, Тари уже вполне пришла в себя. Она полулежала на софе в малой гостиной, а вокруг хлопотали трое обходительных поклонников. Рядом с дверьми стоял грустный Морэв. Ему места рядом с Тари, как обычно, не досталось.

ГЛАВА 19. ЗАГОВОР

Когда Тари проснулась утром в своей постели, она все еще чувствовала себя слабой и больной. Голова слегка кружилось, и грудь сдавливала родившаяся прошлым вечером непривычная тяжесть. Она никому об этом не сказала, даже врачу, что обследовал ее, и настояла на том, чтобы вернуться домой. Тари не нравилось болеть, но еще больше ей не нравились любопытные и сочувственные взгляды.

Первым, что она увидела, открыв с утра глаза, был роскошный букет розовых пионов. Запах уже пропитал всю комнату. Отведя взгляд от одного букета, Тари наткнулась на еще один, на этот раз — дикой сирени. Потом третий, четвертый... Теперь понятно, почему так трудно дышать. Она подняла руку и потянула за сонетку, надеясь, что Кармита придет до того, как она задохнется.

Вместо горничной в комнату вошел Гергос. Он оглядел цветы с насмешливым недоумением, потом мягко посмотрел на саму Тари:

— Как ты?

Она не смогла не улыбнуться. Он так давно не обращался к ней на «ты», прячась за формальностями.

— Мечтаю о свежем воздухе.

Он понял ее и, продолжая улыбаться, распахнул окно. По-утреннему прохладный ветерок зашуршал лепестками и прошелся мимолетной лаской по лежащей поверх одеяла руке Тари.

— Лучше?

Она кивнула.

— Как ты? — повторил он.

Тари вздохнула, с неудовольствием отмечая, что тяжесть никуда не делась. И во рту был странный привкус, не то железа, не то ангины. Только заболеть не хватало! В детстве Тари болела мало, зато, оказавшись в Интернате, первые несколько месяцев почти все время то чихала, то сморкалась, то жаловалась на больной живот. Но вообще это было даже удобно — всегда имелся повод спрятаться у доктора Нахри и не возвращаться в неприветливые стены Интерната. А потом она привыкла — и ее тело тоже привыкло, подстроилось, — и стало полегче.

— Я никогда раньше не падала в обморок, — Тари не удержалась от смешка. — Теперь я совсем-совсем принцесса, да?

Гергос присел рядом на одеяло.

— Вы никогда не переставали ею быть.

— Неправда! Принцессы не воруют.

— Кто вам сказал?

Внезапно нахлынули воспоминания, и настроение снова испортилось.

— Им незачем, у них и так все есть.

— Не все, раз вы сбежали.

Тари снова попыталась глубоко вздохнуть и чуть не закашлялась. Гергос подождал, пока она восстановит дыхание и продолжил:

— Вчера вечером я получил от вашего дяди послание.

Он вынул из кармана небольшой кусочек бумаги и протянул Тари. Ей пришлось чуть привстать на подушках, чтобы прочесть написанное.

— Тари, что ему от вас нужно?

Она испуганно подняла глаза, не зная, что сказать. Отнекиваться было как-то глупо. Сбежавших от брака племянниц не заставляют вернуться с помощью таких угроз. Но...

Но она так и не написала Иваро. Времени было предостаточно, но вечно находилось более важное дело. Даже самой себе Тари с трудом могла признаться, что на самом деле боится, что брат приедет и заберет ее. И тогда она уже никогда не увидит дану.

— Если я расскажу, дядя и вас захочет убить, — едва слышно прошептала она, глядя в пронзительные зелено-карие глаза.

— Это не так-то просто сделать. Я могу постоять за себя.

Большая горячая ладонь легла поверх замерзших пальчиков Тари. Она и не заметила, что вся дрожит, но теперь вдруг ощутила ледяной холод, и одиночество, и страх. С плохо сдерживаемым всхлипом, она потянулась и обхватила Гергоса за шею — не как тогда, ночью, когда хотела его поцеловать, а просто цепляясь за его тепло, за его уверенность, за простое человеческое присутствие! Он сжал ее в ответ. И в этом жесте тоже не было ничего эротического.

— Я боюсь его, дану, — прошептала Тари. — Я ужасно его боюсь.

— Расскажи мне.

Она мотнула головой, но как-то неубедительно, уже сдаваясь. Гергос не ответил, он просто держал ее, медленно гладя по спине, по волосам. А Тари тихонько плакала — почти без слез, лишь вздрагивая время от времени. Потом Гергос отстранился, взглянул на нее спокойно и серьезно, провел ладонью по щекам, убирая лезущие в глаза волосы.

— Расскажи мне, — повторил он.

И Тари, закрыв от страха глаза, начала рассказывать:

— Мы всегда жили очень уединенно, мама не любила придворную жизнь, а отец большую часть года проводил в Нашарате с армией. Потом и Иваро начал с собой забирать. Рисса я видела всего два раза в жизни, официально меня так и не представили. Теперь я думаю, это потому что мне предстояло уехать в Анкьер. В конце зимы, когда мне исполнилось тринадцать лет, в поместье разыгралась оспа. Родители и Иваро заболели, но он поправился, а они — нет. После этого Иваро снова уехал в Нашарат и уже не возвращался, а моим опекуном стал дядя. Конечно, без мамы было плохо, но в остальном для меня мало что изменилось. А потом дядя сказал, что нашел мне мужа. Варелли Прусто. Я никогда его не видела, даже не слышала этого имени ни разу, но дядя сказал, что торопиться незачем и что никто не станет меня неволить. А потом господин Прусто приехал, и мы несколько недель общались. Он мне даже нравился. Не так как... Ну, не так, как пишут в романах, но он не был противным или глупым. Только старым — ему было почти тридцать, а мне едва

исполнилось пятнадцать. Но мы подружились. И дядя действительно никуда не спешил, свадьба планировалась лишь через год.

Тари замолчала, ей показалось, Гергос хотел что-то сказать. Но он только дернул головой, словно отгоняя какую-то мысль, и Тари продолжила:

— Однажды дядя вместе с господином Прусто и другими друзьями приехал, чтобы поохотиться в наших лесах. Охота прошла удачно, они загнали несколько оленей и вечером бурно праздновали. Все думали, что я уже ушла спать, но крики разбудили меня, и я прокралась в общую залу. Сначала я просто слушала, сидя на верхней ступеньке, но потом один из друзей дяди меня заметил и предложил спуститься. Мне налили вина. Они все уже были пьяны и обсуждали темы, которые, наверное, не стоило поднимать при молодой девушке...

Тари улыбнулась, вспоминая. В тот вечер она узнала много нового для себя, лишилась парочки иллюзий и получила отличную почву для дальнейших размышлений и фантазий. Если бы все этим и закончилось, тот вечер мог бы стать одним из самых ярких и интересных в ее жизни.

— Кто-то сболтнул лишнего? — догадался Гергос.

— Наверное, они этого даже не заметили. Речь шла о... о том, как можно избавиться от нежелательной супруги. Или супруга. Один из гостей был знатоком ядов и рассказывал о разных способах.

— Какой замечательный разговор накануне свадьбы.

— До свадьбы тогда оставалось еще несколько месяцев. Но да, это было весьма познавательно.

— Не сомневаюсь.

— Дану, вы побледнели?

— Разве?

Как-то так получилось, что теперь Гергос сидел на кровати Тари, а сама Тари уютно устроилась у него на коленях. Слезы давно высохли. Как можно бояться, когда за окном такой прекрасный летний день, а рядом тот, кто всегда выслушает и защитит?

— Утешьтесь. Я была пьяна и почти ничего не запомнила.

— И что было потом?

— Потом все разошлись, кого-то пришлось уносить слугам, другие сами доползли... А мне стало любопытно, и я начала прислушиваться и следить за гостями. И однажды увидела, как тот человек, знаток ядов, передавал дяде какой-то пузырек.

Она снова замолчала, но Гергос так и не задал вопроса.

— У меня хорошее воображение, а еще моя камеристка любила читать страшные романы, которые я у нее иногда таскала. И решила, что дядя собирается кого-то отравить. Жены у него нет, Иваро далеко, поэтому, очевидно, его жертвой должен был стать господин Прусто, а затем — я. Так бы дядя получил огромное состояние...

— Разве у Прусто не было других наследников?

— Были, конечно. Но ведь так интереснее! Это была игра, просто детская забава. Я следила за дядей, за теми, с кем он встречался, подслушивала, воображала... Однажды я спряталась на подоконнике за шторой и услышала, как дядя обсуждает с кем-то ресса: как к нему лучше подступить, через кого надавить. Они собирались его шантажировать. Наверное, это не такая уж и редкость, но вы можете представить, что я тут же себе вообразила. Я слишком боялась дядю, но вот господин Прусто должен был стать моим

мужем и очень старался мне понравиться, поэтому я пошла к нему и поделилась своими страхами: неужели дядя решил отравить рисса?

— Безумная!

— Возможно. Господину Прусто следовало спокойно меня выслушать и развеять все домыслы, обозвать глупой девчонкой, запретить читать романы... Но он испугался. Смотрел на меня совершенно ошарашенным взглядом, потел и что-то блял. И тут мне тоже сделалось очень страшно, уже по-настоящему. Я, заикаясь, попробовала выкрутиться, но не успела, нас увидел дядя и подошел спросить, что случилось.

— Что он сделал?

— Обозвал глупой девчонкой и запретил читать романы. Но весь день потом поглядывал на меня с беспокойством. А ночью я обнаружила, что моя комната заперта. Тогда я еще не умела лазать в окна...

— Ты и сейчас не умеешь.

— Дану!

— Рассказывай дальше.

— Ночью я выбраться не смогла, но, когда пришла камеристка, я тут же отослала ее с поручением на кухню, а сама сбежала из дома — как была, в одной ночной рубашке. Далеко не ушла, меня быстро нашли. Дядя долго отчитывал, спрашивал, в чем дело. Я соврала, что не хочу выходить замуж за господина Прусто, но он мне не поверил. С тех пор он каждый раз запирает меня на ночь и приставил слуг, чтобы следили за каждым моим шагом. Господина Прусто я больше не видела. За три дня до свадьбы мы переехали в Каргабан, у дяди был небольшой, но очень уютный домик на окраине. Подготовка шла полным ходом, приезжали модистки, флористы, нанимались новые слуги на время празднеств. За всем даже дядя не мог уследить. И мне удалось украсть у экономки запасной ключ. Той же ночью я собрала вещи и попыталась сбежать. Для меня все происходящее по-прежнему оставалось своего рода игрой, я надеялась добраться до дворца — или до Нашарата, чтобы найти Иваро и все ему рассказать. Но услышала голоса в гостиной и остановилась. Дядя диктовал кому-то письмо, а сидящий с ним рядом человек — записывал: «Я, Тагардо Камели, клянусь в верности дому Коварэн, истинным правителям Тобрагоны...»

Тари замолчала. Снова накатил страх. Она повела плечами и сильнее прижалась к Гергосу. Целую минуту они молчали, потом Тари тихо заговорила:

— Я не помню дословно. Там говорилось о пресечении узурпаторской ветви и о том, что любой, вставший у них на пути, должен быть умерщвлен. Закончив письмо, Тагардо Камели отдал его дяде, и тот положил его в шкатулку. Я спряталась за портьерой, и они меня не заметили. Зато я видела, куда дядя убрал шкатулку. Тогда это перестало быть игрой. Я не могла никому рассказать: если бы дядю схватили, вся наша семья была бы опозорена. И я решила украсть шкатулку. Я не сбежала той ночью, а попробовала добыть ключ от кабинета. Мне это удалось, но экономка заметила пропажу и сказала дяде. Это случилось перед самым обедом, мы как раз садились за стол. Услышав про ключи, дядя тут же посмотрел на меня. И хотя я делала вид, будто ничего не знаю, думаю, он догадался. После обеда я ушла гулять в парк и сбежала. На этот раз у меня получилось. Я пряталась в сарае у соседней, воровала еду и следила за домом. За два дня меня никто не нашел, дядюшка почему-то решил, что я непременно попытаюсь переправиться через пролив, чтобы добраться до Нашарата. Или он хотел, чтобы я так думала и распускал слухи. Спустя два дня я снова вошла в его кабинет — в последний раз шкатулку я видела именно там. Я думала, если ее украсть, то заговорщики

не станут ничего делать. Побоятся. Но дядя, разумеется, это предусмотрел.

Тари глубоко вздохнула.

— Меня ждали. Двое мужчин, наемники, скорее всего. Никто из наших слуг не стал бы на меня нападать. Я думала, меня попытаются вернуть, принудить к браку, может быть, сошлют в какое-нибудь дальнее поместье. Но дядя приказал меня убить.

— Как тебе удалось сбежать? — спросил Гергос, когда Тари снова надолго замолчала.

— Я не знаю. Я укусила одного, пнула в колено другого, потом схватила со стола пресс-папье и разбила окно. Кажется, грохот напугал нападавших. Проснулись слуги, я услышала голоса и сама закричала. А затем сиганула в окно и побежала. Оцарапалась сильно, весь бок был распорот. Не знаю, куда я направлялась, просто неслась по улицам, не видя перед собой ничего от страха. Потом свалилась под ноги кучке беспризорников. Они как раз выходили из подвала... оказалось, что там принимает ноллийский врач, к нему меня и отнесли. Доктор Нахри обработал и зашил рану, выслушал сбивчивый рассказ — я была так напугана, что рассказала ему о себе все. Он предложил мне спрятаться у него, но мое появление вызвало вопросы у соседей, и в итоге я оказалась в Интернате. Там появлению еще одного ребенка никто не удивился.

— Коварэн тебя там не искал?

— К тому времени я уже мало походила на Атарьяну Коварэн. По совету доктора Нахри я остригла волосы, убавила себе два года и одевалась как мальчик. Доктор на всякий случай даже сделал мне специальный пояс с... ну... чтобы со стороны казалось, что я мальчик.

Она почувствовала, что краснеет. Никто, кроме нее и доктора, о поясе не знал, это было ненужной подробностью, но слова вырвались сами собой, Гергосу хотелось рассказать все. Наконец-то рядом был кто-то, кому не страшно было рассказать даже такое!

— Нам удалось обмануть директора и других мальчишек. В первое время, конечно, за мной следили, рассматривали... Но потом перестали. Никому не стало до меня дела. Я даже от пояса избавилась, только грудь перевязывала, а если становилось сложно — шла к доктору Нахри. У него всегда можно было отсидеться несколько дней. Мне казалось, надо лишь подождать немного — еще чуть-чуть! Что-нибудь должно было произойти: кто-нибудь бы заинтересовался моим побегом, вернулся бы из Нашарата Иваро... Но ничего! Иногда какие-то странные люди спрашивали о сбежавшей принцессе, но всех их, я уверена, посылал дядя. В народе считали, что я просто испугалась свадьбы. Иваро не вернулся. Даже тетя не приехала, чтобы попытаться меня отыскать — а без денег добраться до нее я не могла, слишком далеко. Прошло несколько месяцев. Потом год. Два...

— Почему ты не обратилась за помощью?

— К кому? Почти все, кого я знала, были заговорщиками. Да и кто бы мне поверил? Шкатулка оставалась у дяди, если бы я нашлась, меня бы первым делом доставили к нему. А если нет, то попытались бы использовать, чтобы навредить семье. У нас немало врагов.

— Разве тебе не хотелось отомстить?

— Мне хотелось, чтобы ничего этого не было. Узнай кто-нибудь о заговоре, пострадал бы не только дядя. Все, кто носит фамилию Коварэн, оказались бы под подозрением. А еще у него было много сообщников, я даже представить не могу, сколько всего. Никто бы мне и слова сказать не позволил.

— Я вижу, романы все-таки пошли на пользу.

Тари улыбнулась и потерлась щекой о его плечо.

— Шкатулка, которую ты прячешь в нижнем ящике, — та самая?

Она кивнула.

— Значит, теперь у тебя есть доказательства.

— Наверное. Я так и не смогла открыть крышку. Но я не хочу мстить! Дану, я не хочу!

Пожалуйста, пообещайте, что не заставите меня!

— Разве я могу вас заставить, принцесса?

Она подняла на него чуть слезящиеся глаза, впервые осознав, какое оружие вложила ему в руки. Но он должен был знать!

— Вы можете, вы все можете. Но, пожалуйста, не надо.

***

Тари ждала ответа, а Гергосу казалось, что он пьян. Заговор, план отравить рисса — он даже надеяться на подобное не смел! Вообразил, будто Тари сбежала из-за какого-нибудь стыдного секрета, возможно, Коварэну пришлось согласиться на ее неравный брак с Варелли Прусто из-за карточного долга или нечестной игры с ценными бумагами. Но заговор? Отравление? И правда, пахнет дешевыми романами.

— Я никому не расскажу, — пообещал он.

Тари тут же кивнула, но облегчение на ее личике быстро сменилось еще большим беспокойством.

— Есть еще кое-что, — совсем тихо сказала она, а потом вздохнула, собираясь с духом. — Я убила человека.

— Когда?

— Весной, когда дядя похитил меня и увез в поместье Прусто. Перед тем, как вы нашли меня.

— Кто это был?

— Я не знаю, — она снова вздохнула с самым несчастным видом, — один из охранников. Он застукал меня, когда я крада шкатулку и...

— Все в порядке, — Гергос прижал ее голову к своему плечу, снова погладил. — Он работал на Коварэна и мог рассказать ему.

— Он не собирался рассказывать, — едва слышно прошептала Тари.

Что-то кольнуло, слабое подозрение, неприятная, режущая мысль, но Гергос постарался отогнать ее от себя.

— Это была случайность?

— Наверное. Он пришел, чтобы украсть золотую статуэтку, а нашел меня. Он закрыл дверь на ключ, я не могла сбежать.

Приходилось сильно напрягать слух, чтобы разобрать отдельные слова, Тари уже даже не шептала, она просто шевелила губами, и Гергос ловил сказанное в шелесте ее дыхания.

— Я хотела сказать, чтобы он ушел и что никому не расскажу... Но не смогла. Голоса не было. Мне казалось, я кричу, но... я молчала, понимаете?

Гергос закрыл глаза. Эту часть он знал. Слышал в ночных кошмарах Тари. Значит, она не Коварэна просила не трогать ее, а какого-то охранника, вора.

— Моя немота сделала его наглее. Он решил, что раз я все равно выбралась из своей комнаты, то никто его не осудит за то, что он меня... задержал.

— Тари, что он сделал?

Еще один судорожный вдох.

— Ничего. Ничего, дану. Он не успел. Я его убила. Мне пришлось, ведь я не могла кричать. Мне пришлось... понимаете, дану? Мне пришлось его убить!

Гергос сильнее прижал ее. Да, это он понимал. Но не понимал другого — как? Он помнил, в каком состоянии нашел тогда Тари: больную, в лихорадке, со злым, недоверчивым взглядом. Как она умудрилась убить взрослого мужчину?

— Он толкнул меня, я упала на стол, — словно почувствовав его недоверие, начала объяснять Тари, — он навалился сверху, пытаюсь зажать мне рот и схватить за руки. Но на столе был нож для писем. Я дотянулась до него первой.

— Ты правильно сделала.

— Тогда почему он не оставит меня в покое?

Тари уткнулась ему в рубашку, сжимая в кулачках ткань и тихонько вздрагивая. Потом замерла и долго молчала, стараясь дышать глубоко и ровно — и все равно иногда срываясь. Гергос терпеливо ждал. Он не разделял горя Тари, но раз для нее это было так важно...

— У него были ключи, — немного успокоившись, повторила она. — Я выбралась через черный ход, увидела дерево рядом с оградой и решила перелезть. Даже не подумала, что снаружи могут быть другие охранники. Я очень глупая, да, дану?

— Очень, — подтвердил он, — и храбрая. А это отягчающее обстоятельство.

— Я не хочу обратно.

— Тебе и не придется. Тари, посмотри на меня. Ты в Анкьере, под моей защитой. Коварэн при всем желании не сможет до тебя дотянуться. Не хочешь обратно? Тогда оставайся. Выброси эту глупую записку, сожги ее. Забудь о ней.

— Тогда я останусь, — эхом повторила она.

И, кажется, сама наконец поверила. Улыбнулась сквозь слезы, снова прижалась доверчиво...

Гергос оставил Тари, чтобы дать ей возможность привести себя в порядок. В гостиной уже дожидались несколько взволнованных молодых людей, желающих непременно лично убедиться, что госпожа эль Нахри чувствует себя намного лучше. Слова Гергоса их не убедили.

Окьеллу вышел на террасу, побродил немного там, потом заметил подходившего к калитке доктора, который осматривал Тари прошлым вечером, и быстро зашагал навстречу. Нет, скорее всего, это говорила ревность, но Гергос не мог избавиться от подозрения.

После разговора с доктором он вернулся в дом и там попал в цепкие лапы Мариники. Ей хватило одного взгляда, после чего она подхватила Гергоса под руку и, не переставая мило улыбаться гостям Тари, выволокла его на задний двор.

— У тебя сейчас тоже случится обморок с припадком?

— О чем ты?

— Глаза странно горят. Онсо, что случилось?

Совершенно несвойственным ему жестом Гергос запустил руку в волосы:

— Она рассказала мне.

— И?

— Коварэну конец.

— Значит, ты возвращаешься в Тобрагону?

— Я не знаю.

Мариника тяжело вздохнула и в раздражении опустила на ближайшую скамейку.

— Отомсти Коварэну и успокойся уже. Сколько можно терзать себя? Тебе нужна эта месть, иначе прошлое никогда не отпустит.

— А Тари?

— Оставь девочку в покое. Она прекрасно справится и без тебя. Сам же видел, она не страдает от отсутствия внимания. Еще до осени выйдет замуж, уедет куда-нибудь, заведет детишек... Ей будет лучше без тебя. А тебе — без нее. Сам ведь знаешь.

— Знаю.

— Ну так и не мучай себя. И ее не мучай. Отпусти, Онсо.

— Глава дома Гергосов вполне мог бы претендовать на руку тобрагонской принцессы... Элиссандр же хотел выдать ее за Энту.

— Ты не Энту. Тебе тридцать семь лет, двадцать из которых ты занимался Тавах знает чем. Твоя цена как жениха давно ушла в минус. Да, ты богат, но и Тари не из тех невест, что клюнули бы на деньги, у нее своих хватает. Если, конечно, подойти к делу с умом и добиться официального признания. Зачем ты ей? Тобрагонцы по-прежнему крепко держатся за традиции и считают, что только первый сын и первая дочь что-то из себя представляют. Ты младший ребенок, Онсо. И как насчет твоих собственных детей? Много их?

— Не знаю. Не слышал ни об одном, но ничего нельзя исключать.

— Вот именно. Если ты женишься на Тари, то ваши дети будут младшей, слабой ветвью. Ты начнешь войну в собственном доме, тобрагонские аристократы тоже вряд ли оценят мезальянс. Да, Онсо, мезальянс. Энту, наследник и будущий глава дома Гергосов, был бы ровней тобрагонской принцессе, но не ты. Ты порченный товар.

— А как насчет самой Тари? Она два года скиталась по каргабанским трущобам, ее чуть не выкупил какой-то паршивый купчишка, если бы не я, она бы уже была его любовницей.

— Два года против твоих двадцати. И любой, взглянувший на Тари, скажет, что детей у нее нет. Женщинам в этом плане больше доверия. Да, ее побег несколько испортил ей репутацию, но брак с правильным человеком и пять-шесть лет без скандалов все поправят.

— Если я в открытую выступлю против ее дяди, скандал будет. И Тари он тоже затронет.

— Еще большой вопрос, кому ты навредишь больше: ей или себе. Она жертва, Онсо, очень молодая и очень симпатичная жертва. Ты? Старик с весьма потрепанной репутацией. Твои войны с Коварэном лишь оправдают Тари и ее побег. Так что иди, мсти! Но помни, что ты не достоин целовать землю у ее ног.

— Думаешь, я не знаю? Зачем ты мне все это говоришь?

— А разве не очевидно? Я хочу, чтобы ты поступил так, как поступал всегда, — выслушал мудрый совет и сделал наоборот!.. Милостивый Керпо, Онсо, какой же ты дурак! И не смотри на меня так! Вы взрослые люди. Позволь Тари самой решать. И не превращайся в своего отца, для которого честь дома Гергосов была важнее всего на свете!

Мариника ушла, бросив на него яростно-возмущенный взгляд, как будто его сомнения оскорбляли ее до глубины души. А недалеко от комнаты Тари Окъеллу снова столкнулся с врачом:

— Ваша светлость, позволите?.. Тот образец, что вы мне дали, я кое-что обнаружил...

ГЛАВА 20. ПОДАРОК ЭЙРЪЯРТЫ

Кто бы знал, что самое утомительное в болезни, это отбиваться от заботы сочувствующих! Тари хотелось попеременно то выброситься из окна гостиной, то обрушить на голову очередному доброжелателю вазу с цветами. Нет, ей удобно. Нет, не надо поправить подушку, все и так хорошо. Нет, сквозняк ее не беспокоит. И жара — тоже. Лимонад не слишком холодный, спасибо, и без засахаренных фруктов она вполне проживет еще полчаса.

Нет, Тари уже сама себя чувствовала засахаренной грушей — приторно-сладкой и совершенно беспомощной. Так что появившийся в дверях дану с крайне мрачным выражением лица ее даже обрадовал в первый момент. Хотя бы он не станет трястись над ней! Но затем раздражение чуть улеглось и подступила тревога. Что случилось? Гергос очень любезно поприветствовал всех собравшихся и сел у окна с книгой. Поза расслабленная, глаза бегают по строчкам. Но Тари помнила его первый предупреждающий взгляд, и ей не терпелось выпроводить всех побыстрее и спросить уже, в чем дело.

Прошло не меньше полчаса. Ее обморок прошлым вечером взволновал многих, и добрая половина знакомых явилась, чтобы узнать, как она себя чувствует этим утром. Тари улыбалась, благодарила за заботу и уверяла, что все в полном порядке. Доктор осмотрел ее и сказал, что уже через пару дней слабость полностью пройдет. Скорее всего, это нервное. Но все равно спасибо за беспокойство.

Гергос мерно перелистывал страницы, иногда отвечая на адресованные ему вежливые вопросы. А когда дверь гостиной закрылась за последним посетителем и Тари уже не могла больше сдерживаться, он так посмотрел на нее, что разом отпало желание задавать вопросы.

— Тари, вы достаточно окрепли, чтобы немного прогуляться по саду?

Собственного парка рядом с домом не было, но вдоль реки, за задними дворами, тянулась узкая полоска фруктовых деревьев, которую местные любили использовать для прогулок.

— Конечно, дану.

Тари быстро вскочила, но тут же исправилась и к двери подошла так медленно, как диктовал этикет. День был жарким, и людей в саду было совсем немного, но все равно тут и там мелькали кружевные зонтики и слышался ритмичный хруст вееров.

— Мой вопрос может показаться неуместным, — начал Гергос, и никто со стороны и не подумал бы, что что-то не так, но Тари чувствовала его беспокойство, — вы точно знаете, кто подарил вам те духи?

Да, с ними тогда получилось неловко.

— Нет, я думала, что угадала, но ошиблась.

— Там не было записки?

— Была. Сейчас.

Она раскрыла поясной кошелечек и достала сложенную в несколько раз записку. Сначала Тари положила ее туда как сувенир, радостное напоминание, талисман, который должен был приманить удачу, а потом просто забыла выложить. Гергос взял записку, прочел, нахмурился.

— Здесь нет подписи.

Тари тихонько вздохнула.

— Это ваш почерк.

— Разве?

— Дану, я отнесла, наверное, сотню ваших писем, я знаю, как выглядит ваша рука.

— Но я этого не писал.

— Теперь мне это известно.

Тари боялась, что он спросит, с чего бы он стал дарить ей духи и писать подобные послания, но Гергос промолчал. Он не выглядел удивленным, просто озадаченным.

— Кто принес духи, вы видели?

— Нет, когда я проснулась, они уже были в комнате. Дану, в чем дело? Да, это не очень

скромный подарок и мне не следовало его принимать, но...

— Духи были отравлены. Сегодня утром я отдал их вашему врачу, и он, пока вы принимали гостей, определил, что в состав добавлено вещество, которое при проникновении в кровь вызывает удушье и судороги. Умно, ведь люди наносят духи именно на те места, где находятся крупные сосуды. Яд действует медленно, не убивая, но вызывая приступ.

— Значит, мой обморок...

— Не был обмороком. Поэтому я и хочу знать, кто принес вам эти духи.

— Вы думаете, это было сделано по приказу дяди?

— Записка, духи... Слишком уж удачное время, вряд ли это совпадение. Он хотел напугать вас.

— Кто-то проник в дом?

— Это мог быть кто-то чужой, но куда вероятнее подкуп.

— Кто-то из слуг?

— Вы запирали дверь на ночь?

— Нет. И окно было приоткрыто из-за жары.

— Есть еще кое-что. Тон записки... Почему десять дней? Почему не просто «как можно скорее» или «в самое ближайшее время»?

— Дану, я не понимаю, к чему вы ведете, и это меня пугает.

— Так говорят, когда дата заранее известна и приказ уже отдан. Если Коварэн мог подсунуть вам духи, он мог и отравить пищу, и подослать кого-то... Скорее второе, потому как рассчитать действие яда на десять дней вперед слишком трудно. Если, конечно, не травить постоянно, увеличивая дозу. И, как видите, яд может оказаться в чем угодно. А мы до сих пор не знаем, кто его принес и на что еще он способен.

— Дану...

— Я говорю это не для того, чтобы напугать. Вы должны принять решение. Сегодня утром я пообещал, что позабочусь о вас, и я не отказываюсь от своих слов. Но, возможно, самое безопасное сейчас — вернуться в Тобрагону.

— А если нет? Если, кроме духов, ничего не было? Я не чувствую себя умирающей.

И тут же снова запершило в горле, и Тари закашлялась.

— Это не считается!

Гергос даже улыбнулся, но тут же снова стал серьезным.

— Вам виднее. И решать тоже вам.

— Когда мы в последний раз виделись с дядюшкой, он сказал, что отправит меня к Дочерям Эйры, а если я буду сопротивляться — убьет. Как думаете, побег и кража шкатулки считают сопротивлением?

— Вы по-прежнему хотите остаться?

— Я рискну.

— Тогда, когда мы вернемся, я прикажу подать обед. Вы в это время соберите вещи. Не говорите ничего Кармите и возьмите только самое необходимое. После обеда, когда спадет жара, мы отправимся на конную прогулку, нас никто не будет сопровождать.

— И куда мы поедем?

— На север, там есть небольшой домик в горах. Отец любил в тех местах охотиться. Я оставлю распоряжения для Мики и Эвретто. Они выяснят, как духи попали к вам в комнату.

— Дану... вы действительно настолько доверяете Эвретто?

Гергос едва заметно улыбнулся:

— Тари, как много вы знаете камердинеров, которые бы стали драться с пажам на виду у всего дома?

Тари помедлила с ответом. Конечно, камердинеры бывают разными, но дану Гергос не стал бы нанимать человека без опыта и рекомендаций. А если бы Эвретто везде так себя вел, то он бы ни за что не получил хороших рекомендаций.

— Кто он такой, дану?

— Моя первая линия защиты. Личный слуга, нечистый на руку и ни в грош не ставящий хозяина. Просто мечта заговорщика. Эвретто настолько вписался в роль, что стоило больших трудов добавить ему немного недостатков, чтобы не вызывал подозрений. Но другие слуги ему доверяют.

— Они его ненавидят.

— Разве? Мне показалось, что в вашем конфликте с Эвретто они однозначно встали на его сторону. Да, он третирует их из всех сил, но именно поэтому его и уважают. Такова особенность человеческой психики: проще любить тирана, чем противостоять ему. Если кто-то захочет меня предать, он в первую очередь обратится к Эвретто.

— А вы не боитесь, что вас предаст сам Эвретто?

— Нет, Тари, не боюсь. Если мой камердинер, а точнее люди, которые за ним стоят, действительно захотят от меня избавиться, то я даже удивиться не успею. Когда-нибудь я расскажу вам эту историю, а пока достаточно того, что я ему доверяю. И вам тоже следует. Эвретто узнает, кто принес духи.

После возвращения в дом все было именно так, как сказал Гергос: пока слуги накрывали на стол, Тари быстро собрала вещи, при этом больше всего места заняла шкатулка. Потом сиеста, во время которой дом погрузился в сонное оцепенение, а услужливый камердинер отнес все, что собрала Тари, в конюшню. И наконец предложение Гергоса отправиться на прогулку. Госпожа Мариника выехала вместе с ними, но остановилась у заставы, за которой заканчивалась Токана.

— Я сделала все, что могла, — сказала она.

Тари не поняла, о чем речь, а вот Гергос как будто смутился.

— Ты сделала больше, чем кто-либо. Может быть, даже слишком много.

— Поглядим. Послезавтра я вернусь в Льен, так что, возможно, мы еще долго не увидимся. Тари, сердце мое, пожалуйста, не позволяй Онсо слишком много думать. Онсо, помни, что я тебе сказала.

— Я вряд ли когда-нибудь сумею забыть столь пламенную речь.

— Надеюсь на это!

Когда она развернула лошадь и поскакала обратно, Тари не удержалась от вопроса:

— Что вам сказала госпожа Мариника?

— То, что мне надо было услышать. Едем, Тари, не будем терять времени!

Это было так здорово! Настоящее приключение, только на этот раз за ними никто не гнался и не пытался убить. И Тари не терзала лихорадка. Но все равно было немного страшно, и это приятно щекотало нервы. А еще они были только вдвоем, одни! Из-за быстрого галопа говорить не получалось, но Тари и молчание полностью устраивало. Оно позволяло беспрепятственно мечтать.

До гор они добрались только к вечеру следующего дня, заночевав в придорожной гостинице. Костюм для верховой езды совсем не стеснял движений, и Тари чувствовала, как с нее с каждой милей словно облетает внешний кокон. Тари эль Нахри исчезала, уступая

место Ри. Кажется, она даже оговорила пару раз, снова заговорив о себе в мужском роде. Гергос словно не заметил. Он тоже наслаждался поездкой, напряжение постепенно спадало, он даже начал улыбаться.

Но все равно иногда — в такие моменты Тари казалось, что его словно гигантской тенью накрывало — он снова хмурился, отворачивался, даже пару раз то ли в шутку, то ли серьезно назвал ее высочеством. Хотелось фыркнуть: Дану, какое, к Тавоху, высочество? Я же Ри! Паж и уличный воришка! Но Тари пока не решалась, хоть и казалось, что Гергос бы не обиделся на не слишком уважительный тон.

А в маленький охотничий домик она вошла с таким чувством, будто вернулась домой. Все-таки и каргабанский особняк Гергоса, и поместье, и коттедж в Токане были слишком... ну, просто слишком! Большую часть жизни Тари провела в весьма скромной усадьбе, которая досталась матери в качестве приданого, потом был Интернат — в общем, негде пристраститься к роскоши. И хотя воспитание позволяло вести себя достойно и не чураться позолоты на стенах, все это тяготило Тари. А тут даже не дом — сложенная из цельных бревен хижина на окраине леса. Вокруг все поросло дикими травами и даже забор чуть покосился от времени.

Внутри было пусто, пыльно и холодно — у Тари мурашки по рукам побежали.

— В последние годы отец был слишком слаб, чтобы приезжать сюда, — с грустью сказал Гергос.

Жалел, что сам так и не застал отца живым? Тари прошла по просторной общей комнате, вдыхая странные запахи и рассматривая оленьи рога на стенах.

— А привидения здесь есть?

— Разве что куропаток. Проголодалась?

Еду на несколько дней они закупили в ближайшей деревне. Хватит на первое время, а потом, если понадобится, можно и еще съездить. Тари слишком устала с дороги, поэтому отказалась от ужина и сразу ушла спать. Постель была холодной, простыни пахли сыростью и чуть-чуть — сухой лавандой. Всего в домике было три спальни: одна большая, хозяйская, и две гостевых поменьше. Ни Тари, ни Гергос соваться в хозяйскую не стали.

Утром Тари встала ужасно голодной, но настроение оставалось приподнятым, и сразу после обильного завтрака она пошла вместе с дану осматривать дом и земли. Они нашли кучу старых шкур и даже целое чучело кабана. А снаружи — озеро, чистое и не поросшее ряской. Солнце уже начинало припекать, и Тари решительно заявила, что пойдет купаться.

— И, дану, постарайтесь не надевать ничего из муара. На всякий случай, чтобы не повредить воротничок.

Ответом ей был очень серьезный взгляд, и Тари тут же смущенно отвернулась, принялась рассматривать блики на воде. Гергос не торопился возвращаться в дом, и она глянула на него разок из-под ресниц. В кои-то веки на нем не было дорогущего камзола, а только рубашка с закатанными по локоть широкими рукавами. И легкие летние туфли вместо кожаных с бриллиантовыми пряжками. И он по-прежнему наблюдал за ней, словно ожидая этого взгляда, а дождавшись, насмешливо приподнял бровь:

— Что еще мне не стоит надевать, ваше высочество?

И лишь после этого ушел, бросив на ходу:

— Я найду для вас подходящее полотенце.

Тари постояла некоторое время, кусая нижнюю губу и стараясь справиться со смущением. Она ведь первая начала. Вспомнила старый разговор в Уланду, их первую

рыбалку, пруд... И почему-то, пока дану не ответил, казалась себе очень остроумной и смелой. А на самом деле — трусиха. Кого она надеялась смутить? Взрослого опытного мужчину, объездившего весь свет и видевшего мир: от сточных канав до дворцов?

Гергос принес большое махровое полотенце, другое расстелил рядом на берегу.

— Дану, — умирая от страха, позвала Тари, — а вы не хотите поплавать?

— Благодарю за приглашение, но лучше я приду потом. Не хочу вас стеснять.

Он очень элегантно поклонился и вернулся в дом.

***

Гергос знал, что она придет, и потому не удивился, когда поздним вечером дверь в его комнату чуть приоткрылась. Светлая рубашка была хорошо заметна даже в темноте. Тари чуть помялась на пороге и наконец решилась — зашла, отвернулась, закрывая дверь, потом снова посмотрела на него. Ее глаза лихорадочно блестели.

Гергос еще не ложился, допоздна обдумывая, что же делать дальше. Потом, услышав шаги, быстро задул свечу. Эйръярта, великая шутница, ты все-таки взяла свою цену? Глупо было даже пытаться переиграть судьбу, ведь за каждую сбывшуюся мечту рано или поздно приходится заплатить.

Тари снова замерла, остановившись в двух шагах, глядя на него со странной смесью испуга и решимости. Она что же, к штурму готовилась? Гергос усилием воли подавил улыбку. Нет, в ситуации не было ничего смешного. Тари ждала — ждала его решения, шага навстречу, и, если он сейчас его не сделает, не ответит ей, — она уйдет. Возможно, навсегда. И более мудрый, более благородный человек на его месте непременно бы на этом самом месте и остался, но... Гергос шагнул вперед и осторожно взял ее за руку. И скорее почувствовал, чем услышал вздох облегчения.

Да, Тавах побери, ей было страшно, должно быть, намного страшнее, чем ему, и, тем не менее, именно она пришла сегодня к нему в комнату, а не наоборот. Он лишь разглагольствовал о чести рода и искал оправдания...

— Тари, ты должна знать...

— Тшш!

Тонкие пальчики накрыли его губы, заставляя замолчать.

— Я знаю. Вы не можете на мне жениться и все это совершенно неправильно. Я понимаю.

Гергос отнял руку Тари от своего лица и тут же коснулся губами костяшек, затем чуть прикусил, чувствуя, как дрожат ее пальцы. Маленькая смелая девочка, которая решила бросить вызов всему миру. Спрашивать о чем-то, спорить или уговаривать было глупо и даже как-то... неуважительно. Гергос закрыл глаза и снова поцеловал ее руку, потом притянул Тари ближе, окутывая теплом и словно говоря: все, бояться больше нечего, ты победила.

Их роли незаметно поменялись, и теперь уже она медлила в нерешительности, а он уговаривал — поцелуями, прикосновениями, жарким шепотом. Она по-прежнему была очень тонкой и худой, но ушла болезненность, уже не так выпирали ключицы, и в очертаниях тела появилась девичья мягкость. И глаза — Гергос еще никогда не видел у нее такого взгляда и поразился: как кто-либо мог принять ее за мальчишку-подростка?

— Мечта моя, — выдохнул он, зарываясь в темно-медные пряди и вдыхая их теплый солнечный запах — Тари полдня провела у озера, загорая.

Она была такой живой, такой настоящей, искренней, и в то же время Гергосу иногда казалось, что это лишь зыбкая дымка сна, что он сам ее выдумал и мираж исчезнет, стоит

только взойти солнцу. Но пока была ночь, и время было — время, чтобы наконец поцеловать ее, как давно мечталось... Даже больно немного. Потому что столько возможностей упущено, столько дней ушло на уговоры и споры с самим собой, хотя можно было вот — вот так. Он пробежал рукой по ее спине, обнял затылок, словно драгоценную чашу, и припал губами к шее чуть ниже уха. Тари снова вздохнула, Гергос почувствовал, как под его пальцами поднимаются тонкие волоски. Улыбнулся, щекоча дыханием чувствительную кожу.

Сладкая дымка безумия постепенно окутывала мозг, и одна за другой опадали причины, разбивались тревоги, исчезали доводы. Человеческие условности больше ничего не значили, мнение общества, злобное шипение Дайаны, угрозы Коварэна — пустой звук. Тари была здесь, с ним, она наконец была его — и это было единственным, что заботило Гергоса в этот миг. Его драгоценное дитя, его жена — по всем законам, кроме глупых, придуманных бюрократами и моралистами. Его единственная сбывшаяся мечта...

Он снова поцеловал ее, чувствуя трепетное дыхание и быстрый стук сердца совсем рядом. Прежде чем накрыть губы Тари очередным поцелуем, он прошептал:

— Я люблю тебя, ты знаешь?..

И успел заметить лукавый огонек, блеснувший в темных глазах.

— Да, я подслушивала.

— Какое трогательное признание. Что-нибудь еще, о чем я должен знать?

— Нет, дану.

— Уверена?

— Ммм... что-то ничего больше в голову не приходит.

Он снова поцеловал ее, на этот раз дольше, слаще.

— Не вспомнила?

— Нет, дану.

— Тари, чистосердечное признание облегчает душу. А я сейчас настроен очень, — быстрый, легкий поцелуй, — очень благодушно.

— Это я заметила.

— Тари.

— Да, дану?

— Ты уверена?

Тень то ли страха, то ли сомнения скользнула по ее лицу.

— Что такое?

Она опустила голову, прячась от его взгляда.

— Будет лучше, если Энту так и останется единственным наследником.

— Я помню.

Странное чувство. Радость, счастье, о котором большую часть времени даже мечтать себе запрещал, и в то же время — холодное, циничное осознание: не достоин. Не потому что чего-то не сделал или не заслужил. Просто это не для тебя, это выше, лучше... И то, что у тебя в принципе есть этот шанс, — уже само по себе чудо. Невероятное везение. Подарок богини. И самое меньшее, что ты можешь сделать, — это принять его с благодарностью.

ГЛАВА 21. ПИСЬМО

Тари некоторое время лежала, не шевелясь и прислушиваясь к себе. Почему-то казалось, что что-то должно измениться, мир с утра должен выглядеть по-другому. Но нет, мир остался прежним. Да и сама она не сильно отличалась от себя вчерашней.

— Не спишь?

Она невольно улыбнулась, и дальше притворяться спящей стало невозможно. Тари повернулась на бок и взглянула на мужчину рядом, на своего любовника. Такое смешное слово... Он ведь был куда больше, чем просто ее любовником. Ее дану. Тари первой потянулась, чтобы поцеловать его — уже не стесняясь.

— Не хмурься.

— Я не...

Она разгладила пальцем сосредоточенные складки у него над бровями.

— Что не так?

Он качнул головой, отказываясь говорить, и притянул ее к себе, поцеловал в шею. Тари обхватила его руками и вдруг поняла, что счастлива. Вот просто счастлива, несмотря ни на что, вопреки.

— Дану, я готова во всем сознаться.

— Наконец-то!

— Я хочу есть.

— Невыносимый ребе...

— Только попробуйте назвать меня ребенком!

Завтракали они прямо в постели. Гергос принес с кухни остатки сыра, хлеба и варенье из алычи, потом поставил завариваться чай. А Тари наблюдала, вспоминая блистательного высокомерного вельможу, которого встретила однажды в переулке Лилий. Это просто не мог быть один и тот же человек. А с другой стороны, кто бы узнал в уличном оборванце пропавшую несколько лет назад принцессу? Разве что такой же, как она, притворщик...

Тари перекатилась на другую сторону кровати, стряхивая с простыни крошки, и вдруг застыла.

— Дану?

— Ммм?

— У меня правда никого, кроме вас, не было.

— Тари, это не имеет значения.

— Я серьезно.

— Хорошо. Но в чем дело?

Она опустила глаза на простыню. Ни одного кровавого пятнышка. Гергос проследил за ее взглядом, непонимающе нахмурился.

— Что-то не так?

— «Алеет кровь на простыне, девичьей чистоты прощанье...», — смущенно прошептала Тари.

— «И семя голубое безусого юнца», — продолжил Гергос. — Тари, не все, о чем поется в старинных балладах, правда. Точнее, на севере кое-где до сих пор используют светницу, чтобы удостовериться в мужском целомудрии, но я уже давно вышел из «безусого» возраста и, признаюсь честно, с тех пор вел жизнь отнюдь не слугителя Керпо. А что касается первой части процитированного вами произведения, то почти в половине случаев никакой крови нет.

Тари не выдержала его взгляда и отвернулась. Как он может говорить о таких вещах и даже не запнуться ни разу, не покраснеть? Точно не слугитель Керпо... Злость помогла справиться со смущением.

— У вас настолько большой опыт?

— Я знал одного нашаратского султана, одержимого идеей девственности. После нескольких затяжек он любил поболтать. Рассказывал про свой гарем и делился наблюдениями.

— Это отвратительно.

— Почему? Сочинять стихи о крови на простынях и читать их детям можно, а ставить крестики на восковых табличках — моветон? Тари, вы непоследовательны.

Она не ответила. Просто зарылась с головой под одеяло, чтобы Гергос не видел ее пылающих щек. Ревновать к прошлому глупо. В глазах добропорядочных людей и она, и ее дану заслуживали всяческого порицания. И если Тари не было стыдно за свой поступок, то и его нельзя судить за общение с чересчур любвеобильными султанами... Но кто сказал, что она всегда должна быть логичной и последовательной?

— Тари, вылезай.

Она замерла, не отзываясь.

— Тари, пожалуйста, — Гергос присел рядом, потянул на себя одеяло. — Посмотри на меня.

Он посмотрела — сквозь растрепанные волосы.

— Тебе не нужно ничего мне доказывать. Я знаю тебя, я видел тебя, настоящую. И я безумно тебя люблю, ты даже не представляешь... И совершенно неважно, сколько у тебя было мужчин или сколько людей ты убила... или кто твои родственники. Для меня имеешь значение только ты сама, только ты. И единственное, что может это изменить — твое решение. И если однажды ты захочешь уйти, потому что наконец поймешь, что я просто не стою... не перебивай! Себя я тоже знаю. И я не хороший человек, я сделал много зла, тебе в том числе...

— Какого зла, дану? — все-таки перебила она. — Вы забрали меня из Интерната, вы дали мне крышу над головой и позволили вернуться в приличное общество. Никогда ничего не жалели и не требовали взамен. О каком зле вы говорите?

— Это уже не имеет значения, — после небольшой паузы сказал Гергос. — Это в прошлом. И я клянусь тебе, — он взял ее руку и снова легко поцеловал пальцы, — клянусь, что постараюсь быть лучше, быть достойным и сделать все, чтобы ты не пожалела о своем решении. А все остальное неважно.

Тари прикрыла глаза, чувствуя, что вот-вот заплачет. Она просто не могла вынести этого взгляда, этих слов... разве так бывает? Разве это может происходить с ней?.. Потом поняла, что Гергос ждет ответа и рывком села, обнимая его за шею, прижимаясь всем телом.

— Я люблю тебя...

— Дитя мое... ох! А кусаться-то зачем?

— Никогда больше не называйте меня «дитя»!

— Как прикажет ваше высочество... Мерзавка, больно же!

Некоторое время спустя, вновь выпутавшись из простыней, Тари спросила:

— А если я все-таки умру через восемь дней?

— Вы хотите обсудить похоронный церемониал?

— Я тобрагонская принцесса крови, какие могут быть варианты? Но я сейчас не об этом. Дядя не отступится, он снова попытается меня отравить или подошлет убийц, или... я не знаю! Но он не остановится. Вы бы видели его глаза, когда он...

— Когда он пытал вас?

— Вы знаете?

— Тари, я не слепой. И, честно говоря, не разделяю вашего благородного желания спустить это ему с рук... И кстати, что ему было от вас нужно?

— Послушание. Он хотел, чтобы я была послушной девочкой и делала все, что скажут. Но главное — молчала. Разумеется, после того как расскажу обо всех, кого успела посвятить в тайну.

— И даже каленое железо не помогло? А я, глупец, пытался использовать простое убеждение!

— Дану!

— Прости, я знаю, это не смешно.

— Нет, все в порядке. Лучше смейтесь. Мне надоела жалость. И я не хочу, чтобы дядя, и заговор, и шкатулка преследовали меня до конца жизни. Если правда выйдет наружу, будет скандал, от которого семья Коварэн никогда не отмоется. Предупреждаю, если вы сейчас предложите мне выйти замуж за какого-нибудь Морэва или Версена, я вас снова укушу. Я готова навсегда остаться Тари эль Нахри, но не хочу жить в страхе. Я снова хочу смеяться! Если бы только дядя отказался от своего замысла!

— Мы можем ему написать.

— Что написать?

— Что шкатулка у нас и возвращать мы ее не собираемся. Но и разоблачать его не станем, если он поклянется оставить тебя в покое. Тари, у тебя на руках все козыри, ты можешь диктовать свои условия Коварэну.

— Но если он не остановится?

— Ему есть что терять. Послушай, шкатулку можно спрятать, и я оставлю распоряжения на случай, если с тобой или со мной что-нибудь случится. Если правильно надавить, Коварэн сломается. Он просто воспользовался тем, что мы скрываемся в провинции и о тебе никто, кроме соседей, не знает. Если действовать открыто, если показать всему Анкьеру, что Атарьяна Коварэн жива и здорова, твоему дядюшке будет не так просто от нее избавиться.

— Рассказать всем?

— Чего ты боишься?

Тари не ответила. Просто не могла ответить. Имя Коварэн тяготило, напоминало о самом неприятном и, несмотря на все это, накладывало определенные обязательства. Принцесса Тобрагоны не может быть просто любовницей анкьерского вельможи. Будет скандал. Возможно, Иваро вернется из Нашарата и за волосы утащит ее домой.

Гергос не стал переспрашивать.

— Письмо вашему дядюшке мы все равно можем написать, — сказал он.

Тари кивнула, не поднимая глаз. Все-таки было неловко. И настроение испортилось. Зачем она вообще заговорила о дяде? Забыть о нем, поскорее забыть!

— Закопаем шкатулку в лесу, где ее никто никогда не найдет, — мрачно пробормотала Тари, снова забираясь к Гергосу на колени. — Или утопим в болоте. Или выбросим в море. Или сожжем.

— Вы даже не хотите взглянуть, что там внутри?

Тари помолчала. Конечно, любопытно было бы узнать, из-за чего дядя готов пытаться ее и даже убить. А с другой стороны, не все ли равно? Что бы ни находилось в шкатулке, это не могло оправдать его действий.

— Нет, мне все равно.

— Хорошо.

Гергос поцеловал ее в висок.

— Посмотрим, есть ли здесь лопата. Я еще с детских времен знаю неподалеку прекрасную чащобу.

***

— Сможешь найти, если понадобится? — спросил Гергос, уложив на место последний кусок дерна.

Тари задумалась на мгновение и наконец кивнула.

— Не хочу, чтобы понадобилось, — немного капризно сказала она.

— Может, и не понадобится. Если мы будем достаточно убедительны.

По пути обратно она взяла его за руку, и от этого простого и естественного жеста тут же потеплело на душе. Ничего не было решено, предстояло еще много работы, но хотя бы одна вещь встала на свое место. Тари была рядом, он мог в любой момент привлечь ее к себе и обнять. Или поцеловать, прижав к стволу дерева, — так долго, как захочется или пока не закончится воздух. Тари не сопротивлялась, наоборот, все больше льнула к нему, все чаще улыбалась — свободно, открыто.

Эйръярта, ты смотришь? Добилась своего? Рада?

В комнате отца нашлись полузасохшие чернила. Тари писать отказалась, и Гергос сам взялся за перо. Несколько минут сидел, разглядывая бледный лист и пытаясь найти в самом себе ту точку, где ненависть к Коварэну уравновешивалась нежеланием Тари открыть правду всему миру. Нужно, чтобы звучало убедительно...

Итак...

{«Ваша светлость, тщательно обдумав Ваше предложение, вынужден ответить отказом.

Атарьяна Коварэн не вернется в Тобрагону. Теперь она находится под моей опекой, и я прослежу за тем, чтобы попытки вернуть ее на родину не увенчались успехом. Что бы вы ни предприняли, мой ответ не изменится, но Ваша настойчивость в этом вопросе может навредить уже Вам.

Для всех будет лучше, если Вы забудете, что у Вас когда-либо была племянница.

Всецело надеюсь, что мы друг друга поняли.

О.В. Гергос»}

— Не хочешь подписать?

Тари чуть слышно фыркнула. Она стояла, опираясь на спинку стула, и заглядывала ему через плечо.

— Зачем? Речь идет об Атарьяне Коварэн, а Тари эль Нахри не имеет к ней отношения.

— Теперь надо дождаться Эвретто, чтобы он отправил письмо.

— Когда он приедет?

— Не знаю, надеюсь, что скоро.

Эвретто приехал на следующий день. Такой же холеный и напыщенный, как всегда. Даже побег хозяина и сутки в седле не подействовали, и идеальный камердинер был все так же подчеркнуто аккуратен и педантичен. Рядом с ним Гергос чувствовал себя бедным деревенским родственником. По крайней мере, одет Эвретто был раза в три дороже, чем он сам. И взгляд слуги был полон почтительного осуждения.

Красавец! Какого актера потеряли столичные театры!

— Что вам удалось узнать?

Прежде чем ответить, Эвретто демонстративно расправил кружевные манжеты:

— Духи принесла одна из девочек, которую наняли по распоряжению госпожи, — едва

заметный кивок в сторону Тари. — Кто их ей передал, она не знает, но согласилась отнести коробку в комнату госпожи за две марки.

— Иста? — пискнула Тари. — Помощница Кармиты?

— Совершенно верно, госпожа.

Тари выглядела такой расстроенной... и даже не огрызнулась на высокомерный тон камердинера. Гергос сочувственно сжал ей руку — маленькая Иста была любимицей Тари, хотя та и грозилась время от времени «снова связать чулками» непоседливую девчонку.

— Но... она так радовалась, что теперь живет в большом доме...

— Тари, это не ваша вина.

— Что с ней будет?

— Она вернется в приют. Займитесь, Эвретто.

— Разумеется, ваша светлость.

— И еще я попрошу вас отнести письмо и позаботиться, чтобы оно как можно скорее оказалось у лаонта Коварэна.

— Как прикажет ваша светлость.

— Но это завтра. Вам следует отдохнуть с дороги. Можете занять вторую гостевую спальню.

Еще утром Тари перенесла свои вещи в его комнату. Удачно. Иначе пришлось бы поселить Эвретто в хозяйской спальне, а это было бы уже слишком.

— Да, ваша светлость.

Когда Эвретто ушел, Гергос снова повернулся к Тари.

— Боюсь, найти того, кто передал ей духи, так просто не получится. Это человек Коварэна, он мог уже покинуть Анкьер. Впрочем, если хочешь, я пошлю кое-кого по его следу.

— Зачем? — равнодушно спросила Тари. — Он всего лишь исполнял приказ дяди.

— Вашему дяде мы тоже можем отправить подарок, если захотите.

— Я не хочу, — все так же без выражения сказала она. — Дану, я ничего уже не хочу...

Гергос постарался поймать взгляд Тари, но она смотрела в сторону и ковыряла носком туфельки щель в разошедшемся полу. Растерянный, запутавшийся ребенок — Гергос не удержался и обнял ее, стараясь поделиться своей уверенностью, убедить уже наконец:

— Тари, вы не виноваты в том, что случилось. Никто не мог предугадать, что девочка согласится отнести вам эти духи.

— А если бы это были не духи? Если бы ей приказали подсыпать яд мне в чай? Или вам? — Тари, словно испугавшись собственных слов, теснее прижалась к нему. — Дану, если за две марки она отнесла духи, то что она могла сделать за десять? Перерезать кому-нибудь горло во сне? И не говорите, что я не виновата. Вы наняли ее по моей просьбе!

— Я мог этого не делать. Хватит! — Гергос поцеловал Тари в макушку. — Пока что я хозяин в своем доме и сам решаю, кого нанимать.

— Остальных вы тоже теперь уволите?

— Нет, зачем?.. Или вам будет спокойнее, если остальные девочки тоже вернутся в приют?

— Я не знаю.

Казалось, Тари вот-вот заплачет.

— Я хотела дать им надежду. Помочь. А сделала только хуже! Лучше бы даже не лезла...

— Вы дали им надежду, просто Иста не смогла этого оценить. Тари, вы не виноваты в людской неблагодарности. И не позволяйте мрачным мыслям испортить прекрасный день. Лучше идите купаться.

— Только если вы пойдете со мной.

— Вижу, хандра прошла, раз вы снова отдаете приказы и ставите условия, ваше высочество.

— А Эвретто знает?

— Что именно?

— Кто я на самом деле.

— Я думаю, он догадывается. Обычно я не рискую жизнью ради простых пажей и не беру на воспитание девиц. Да и внимание вашего дядюшки не могло не остаться незамеченным.

Тари улыбнулась.

— Как думаете, Эвретто стыдно за то, что он когда-то ударил принцессу?

— Разве это не было самозащитой? Мне казалось, принцесса ударила его первой. Но, если хотите, чтобы он извинился, я могу отдать приказ.

— Нет, не хочу, — Тари мечтательно вздохнула. — А нам обязательно возвращаться в Токану? Ведь теперь мне не нужно выходить замуж до конца сезона.

— Вы хотите остаться здесь?

— А можно?

— А кто вам запретит? Вы же принцесса.

Они купались до самого вечера, а потом под ничего не выражающим взглядом Эвретто ушли в спальню. На следующее утро Гергос проснулся рано. Поцеловал мирно посапывающую Тари и вышел, чтобы проводить камердинера, как раз оседлавшего лошадь.

— Еще одно письмо с указаниями для слуг, оставшихся в Токане, — сказал он, передавая Эвретто запечатанный конверт. — И найдите мне хорошего и неболтливого столяра.

— Как прикажет ваша светлость.

— Столяра или любого, кто умеет работать с деревом. Только поскорее. И пусть он не показывается здесь, а остановится в ближайшей деревне. Я сам к нему приеду.

— Я понял, ваша светлость.

— Я очень рассчитываю на вас, Эвретто.

Камердинер поклонился и наконец тронул коня пятками. А Гергос вернулся к Тари, лег рядом, обнял ее и подумал, что был бы совсем не прочь провести так всю оставшуюся жизнь. Но, увы, у жизни, скорее всего, иные планы.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЛЮБОВНИЦА

ГЛАВА 22. МАЛЫЙ ДВОР

В начале осени в Анкьере по-прежнему было жарко, но, несмотря на жалящее солнце, аристократы начали возвращаться в столицу. Сначала город наводнили толпы слуг — они готовили дома к приезду хозяев и обменивались самыми сочными сплетнями. Затем один за другим открыли свои двери великосветские салоны и клубы, ложи театров вновь заполнились людьми, а магазины и ателье уже за первую неделю утроили летнюю выручку. В моду неожиданно вошли оттенки зеленого, и прошлогодние шляпки с золотыми и желтыми лентами пришлось срочно перешивать.

Обнаружив на подоконнике гарнитур с изумрудами и отливающую лесной зеленью

полумаску, Тари только вздохнула. Два дня назад на том же месте она нашла аккуратные малахитовые часики. А за день до этого — изумительного цвета веер и перчатки. И это не говоря уже о платьях, которые доставили накануне вечером. Гергос выложил за ее наряды головокружительную сумму, а потом целый вечер отмахивался от попыток Тари объяснить, что ему совсем не обязательно тратить на нее столько денег.

— Вы не возражали против золотого шитья на одежде, когда были моим пажом, — сказал он. — Тари, я занимаю определенное положение в обществе, а теперь и вы тоже. Будет странно, если вы станете одеваться скромнее, чем мои лакеи.

Когда она заметила, что лакеи все же не носят столько золота, сколько на ее новых туфельках, Гергос приказал пошить новые ливреи. После этого Тари перестала спорить и лишь сдержанно благодарила его, решив отныне принимать подарки со всем возможным смирением.

При этом жили они довольно скромно — снимали небольшой домик далеко не в самом центре столицы, держали всего четырех слуг и не устраивали приемов. Ни в Токану, ни в Льен они тем летом так и не вернулись. Гергос приказал Эвретто привезти все необходимое, и Тари полтора месяца наслаждалась уединением в охотничьем домике, не представляя, что может быть чудеснее. Раз в три дня из ближайшей деревни приходила женщина, убирала в доме, готовила еду и стирала одежду, иногда приезжал посыльный, но в остальное время Тари и Гергос были одни.

Отравить ее больше не пытались. Ответа на письмо дядюшка тоже не прислал, и, хотя Тари понимала, насколько это наивно, в глубине души она начала верить, что все действительно закончилось. Шкатулка, надежно спрятанная, так и осталась в лесу — несколько раз за лето Тари ее проверяла, — рисс был жив, а из Тобрагоны не приходило никаких вестей о заговоре.

Зато пришли вести из Льена. Из-за траура Энту не был представлен обществу и Императору в прошлом году, но теперь ему настало время познакомиться с высшим светом. Дайана собиралась провести осень и зиму в столице и просила Гергоса позаботиться о фамильном особняке. Дану сделал все, что от него требовалось, но сам жить там отказался — и снял для них с Тари отдельный дом. И хотя это стало поводом для новых сплетен, Тари была рада такому решению.

Теперь она всегда знала, кто находится в доме. Чужой человек сразу бы привлек внимание, странные письма и вещи тут же бросились бы в глаза. Маленький домик на улице Факельщиков стал крепостью, убежищем не хуже, чем хижина на опушке леса. Разница была лишь в том, что теперь Тари могла пригласить друзей — например госпожу Маринику. Та приехала в Анкьер ради ежегодных литературных салонов. Ее сопровождал господин эль Фераль, седой, не очень разговорчивый, но с хорошим, добрым взглядом.

После того как они просидели за разговорами до позднего вечера, Тари поняла, насколько соскучилась по людям. Летнее уединение было необходимо ей, чтобы прийти в себя и поверить в свое счастье, но Тари привыкла, что рядом кипит жизнь: шепчутся слуги, переругиваются ребята из Интерната или шумит великосветское собрание. Пожалуй, сейчас она бы даже госпоже Дайане обрадовалась, но увы, до приезда той оставалось еще несколько дней.

— Ты хочешь вернуться в свет? — спросил Гергос, когда Тари поделилась с ним этими мыслями. — Нет ничего проще. Эвретто, принесите сегодняшние приглашения.

Карточек на подносе камердинера оказалось немало. Практически все они были

адресованы Гергосу — и Тари даже не слышала ни разу о половине отправителей. Но два предназначались ей самой.

— И кто же эти безумцы? — холодно поинтересовался дану.

— Одна из них — дани Форкен, чей бал, как вы помните, я испортила своим обмороком. Просто удивительно, что она снова меня пригласила. Наверное, услышала, что я так и не вышла замуж.

— А второе письмо?

— О, это еще интереснее, — Тари распечатала конверт. — Это от дану Морэва. Он спрашивает, не хочу ли я покататься с ним завтра в парке.

— А вы хотите?

— А должна? Насколько я помню, Морэв всегда больше нравился вам, чем мне. Может, именно вы составите ему завтра компанию?

— Только если вы пойдете вместо меня к банкиру, а потом — в особняк, проверить, все ли готово к приезду Дайаны и Энту. В прошлый раз мне пришлось пробыть там два часа, рассказывая, как правильно складывать скатерти.

— Дану, вы знаете, как складывать скатерти? — поразилась Тари.

— Теперь — да. Это мне объяснила экономка в мой позапрошлый визит, прямо перед тем как уволиться. Очевидно, чтобы освоить эту нехитрую технологию, нужен недюжинный ум, потому как свеженанятая замена оставленных рекомендаций не поняла. Возможно, теперь мне придется объяснять, как делать масло или разжигать камины. Итак, Тари, что вы предпочтете?

— Пожалуй, я лучше останусь дома. О, а это что?

Она выхватила у Гергоса только что открытое письмо. Бумага была цвета слоновой кости, очень плотная, а строчки — изысканнейшая вязь — играли при свете всеми оттенками красного. Удивительно красиво.

— Приглашение на традиционный осенний бал-маскарад Малого Двора.

В ответ на непонимающий взгляд Тари, Гергос пояснил:

— В Анкьере правит Император, и его окружает Большой Двор: министры, главы родов, фрейлины императрицы и большая часть военной аристократии. Но старшая дочь и наследница Императора имеет свои дворцы и собственных приближенных — Малый Двор. Это, в основном, младшие сыновья, лелеющие надежду выслужиться и получить хлебное местечко, главы гильдий и богема.

— Но почему приглашение прислали вам?

— Полагаю, не обошлось без вмешательства Мариники. Она большая любимица кронпринцессы.

— Но разве вы не член Большого Двора?

— Совершенно верно, Тари, но на праздники, устраиваемые самим Императором, я бы не смог взять вас. Атарьяна Коварэн стала бы желанной гостьей на любом балу, но не Тари эль Нахри.

— И из-за меня вам придется сидеть за одним столом с торговцами и актерами?

— Придется? Вы хотите, чтобы я принял приглашение?

— А разве можно отказаться? Это ведь наследница престола.

— А я глава дома Гергосов и совершенно ничем ей не обязан. Но если вы хотите пойти, то я с удовольствием пообщаюсь с горшечниками и циркачами.

— А если там будут трубочисты и рыночные зазывалы?

— Тогда, возможно, я услышу несколько новых рифмовок. А они узнают, как правильно складывать скатерти.

Конечно, ни горшечников, ни трубочистов на бал-маскараде не было. А если они и были, то, значит, в Анкьере им жилось очень неплохо. Стоило Тари подняться по главной лестнице, и у нее зарябило в глазах от блеска драгоценностей, мягких переливов дорогих тканей — и золота, вездесущего анкьерского золота. Все гости были в масках, но таких, которые практически не скрывали лица. Тем не менее герольды не выкрикивали имен новоприбывших и в зале царила непринужденная, неофициальная обстановка.

Тари тут же нашла взглядом кронпринцессу, не очень красивую, но яркую и эффектную женщину средних лет. Она сидела на диванчике у дальней стены, а вокруг толпилось не меньше десятка воздыхателей. Кто-то подходил к ней, просто чтобы поздороваться, но многие делали вид, будто не «узнали» ее императорское высочество.

— Это так странно, — прошептала Тари.

— А разве вам никогда не хотелось сбежать от условностей? — улыбнулся Гергос.

— Мне кажется, этот маскарад — одна большая условность.

— Смотря с чем сравнивать. Вы не видели приемов Императора. Вот там любая мелочь — цветок в петлице, движение веера или приклеенная определенным образом мушка — может решить судьбу. По сравнению с этим, маски Малого Двора — приятное упрощение.

— Я даже рада, что в Тобрагоне ничего подобного нет.

— Ну что вы, Тари, — улыбка Гергоса сделалась немного снисходительной, — маленькие девочки в Анкьере тоже думают, что подобные вещи существуют лишь в вычурных любовных романах.

— Так значит, цветы и мушки — удел старых интриганов?

— Вот именно, моя дорогая, — Гергос тронул маргаритку в петлице, — вот именно.

— Но вы же еще не старый, дану.

— Рад, что вы заметили. Кстати, могу ли я надеяться на танец?

— Уместно ли?

— Тари, — он угрожающе понизил голос.

— Если я соглашусь танцевать с вами, мне будет сложнее отказаться от других приглашений.

— Если вы весь вечер проведете рядом со мной, поползут слухи. Люди скажут, что я тиран и собственник.

— Но, дану, вы тиран и собственник.

— Разве я не исполняю каждое ваше желание?

— Разве я не желаю только того, чего хотите вы сами?

— Мне казалось, это просто схожесть характеров.

— Вам казалось, дану.

— Чего же вы хотите на самом деле?

— Провести весь вечер рядом с вами, но раз вы боитесь слухов... то мне придется осчастливить пару горшечников.

— Я люблю тебя.

— О, я знаю, дану, я знаю.

Тари улыбнулась и направилась в противоположный конец зала — к Маринике и господину Фералю. Там она познакомилась с известным писателем и редактором крупнейшей анкьерской газеты. После весьма занимательной беседы об архетипах она

согласилась отдать ему второй танец. Гергос в это время разговаривал с кем-то ужасно скучным на вид — если бы это не было Малым Двором, Тари бы предположила, что с министром.

Когда заиграла музыка, она подошла ближе, но Гергос удержал ее едва заметным движением.

— Не сейчас, — шепнул он, легко коснувшись губами ее пальцев, — я должен переговорить еще кое с кем.

— Но... как же первый танец?

— У вас нет других кавалеров?

— Я оставила его для вас.

— Прости, но я занят.

Он отошел к еще одному крайне скучному господину. Музыка сделалась громче. Тари растерянно наблюдала за собирающимися в центре зала парами и поигрывала веером. Выглядеть одинокой и брошенной не хотелось, и поэтому, распахнув небрежным жестом расписанный шелк, она направилась в сторону веранды. Там почти никого не было, и Тари несколько минут наслаждалась свежим воздухом и приятными мелодиями, льющимися сквозь высокие, открытые настежь двери. Она даже начала постукивать по резным перилам в такт музыке.

Днем на шумных улицах и площадях Анкьер не сильно отличался от других прибрежных городов. И даже от Каргабана. Здесь тоже былолюдно, тесно и душно — если, конечно, с моря не приходили тучи и не накрывали город дождевым плащом. Но вечером — и особенно ночью, — когда суэта утихала, Тари с особой остротой понимала, что Анкьер — другой. Он звучал по-другому, пах по-другому — иным миром.

Улицы Анкьера были не слишком приветливы — в основном, вдоль них выстраивались глухие фасады с редкими узкими оконцами, даже двери располагались сбоку, и входили в дом через узенькие переулки. Зато за каждой неприступной стеной скрывался свой обособленный мирок: с жаркими, пахнущими всевозможными пряностями кухнями, просторными светлыми спальнями и, хоть маленьким, но непременно садом, тихим и уютным, даже когда на улицах бесновались торговцы и карманники.

Именно в такой садик и выходили высокие окна веранды. Пахло чуть сладковато — переспелыми фруктами. Дворец ее императорского высочества находился на возвышении, и до него не долетали ни соленый морской воздух, ни прелые испарения от каналов и рукавов Эриона.

— Тари, это действительно вы? — донеслось сзади.

Она обернулась, но говорившего узнала не сразу. Не из-за узкой маски, которая почти ничего не скрывала, а просто потому что успела позабыть большинство токанских знакомых. Многие из них хотели либо жениться на ней, либо сосватать своих братьев или сыновей, а значит, не стоили внимания.

— Дану Морэв? — неуверенно спросила Тари.

Он улыбнулся, демонстрируя крупные белые зубы, и Тари мысленно поздравила себя с догадкой. Ошибиться было бы неловко.

— Я не сразу поверил своим глазам. Вы так неожиданно пропали, никому ничего не сказав, и никто не слышал о вас все лето.

— Мне захотелось уединения, — ответила она.

— Но теперь вы здесь, в Анкьере, посреди шумного праздника.

— Уединение быстро надоедает.

— Тогда почему вы не танцуете? Неужели строгий опекун вам запретил?

Он бросил взгляд через плечо, должно быть, высматривая в толпе Гергоса.

— Нет, что вы. Просто из-за небольшого недоразумения я осталась без пары.

— Я с удовольствием составлю вам компанию.

— Не стоит, ваше сиятельство. Мне хорошо и здесь. Лучше расскажите, почему не танцуете вы?

Он элегантно пожал плечами, подходя ближе, и облокотился на перильца в полушаге от Тари.

— Я пришел слишком поздно, но затем увидел вас, удаляющуюся из зала, и поспешил следом. Может, у вас еще найдется для меня танец? Париль? Халаси?

— Халаси? Что это? Никогда о нем не слышала.

— Он совсем недавно пришел в Анкьер, раньше его танцевали только онтарские крестьяне, но за последние годы он пробрался в лучшие салоны столицы. И, помяните мое слово, через пять лет его будут танцевать во всех благородных домах Ланатана.

— Он настолько хорош?

— Сущее непотребство. Партнеры стоят почти вплотную, движения быстры и раскованны, и нет смены партнеров.

— Тогда я вынуждена вам отказать.

Его улыбка померкла лишь самую малость.

— Тари, вы не должны подпирать стенку во время халаси. Это было бы преступлением.

— Но я даже движений не знаю.

— В халаси нет ничего сложного, вы быстро поймете. Ну же, Тари, мы ведь старые друзья!

— Мне жаль, ваше сиятельство, но я не могу.

Он собирался настаивать, но Тари отвернулась и ушла в зал. Лучше подпирать стенку или слушать разговоры о литературе, чем раз за разом отшивать надоедливую поклонника. Чего Морэв вообще к ней прицепился? Неужели не видно, что ей нет до него дела? Потом Тари сообразила, что практически никто не знает о ее романе с Гергосом. Большинство по-прежнему считает ее его воспитанницей, чуть ли не дочерью от какой-то таинственной любовницы — до Тари и такие слухи доходили. И его обещание обеспечить ей приданое, должно быть, в силе...

Тари поискала взглядом яркую фигуру своего дану. В честь бала он снова вырядился как павлин... Гергос что-то обсуждал с очередным «министром». Ну кто же так бездарно проводит балы? Тари направилась к нему.

***

Гергос шестым чувством почуял неладное и обернулся до того, как Тари успела схватить его за руку. Он чуть сдвинулся, и со стороны выглядело, будто она всего лишь дружески коснулась его рукава. Тут же взял ее под локоток и представил своим собеседникам как «изумрудную маску».

— Не сейчас, — шепнул он, пока глава тайной канцелярии дану Кахаро и его протеже дану Райту, по слухам бывший любовником младшего сына Императора, рассыпались в комплиментах.

Тари обеспокоенно нахмурилась, уловив его тон, но тут же снова заулыбалась и ответила господам из канцелярии со всей любезностью. Гергос чуть сжал ее руку и

отпустил, приказывая взглядом вернуться к Маринике. Потом снова обернулся к Кахаро и Райту. Им, как и некоторым другим, делать при Малом Дворе было совершенно нечего. Гергос, прогуливаясь по залу, насчитал не меньше пяти таких «лишних» человек. Не считая его самого. И это начинало беспокоить, потому как, по словам Мариники, она не имела никакого отношения к полученному им приглашению.

Но в каждом случае как будто не было ничего странного. Райту пришел, потому что был близким другом кронпринцессы, Кахаро сопровождал младшую дочь, которая дебютировала лишь этой весной и для которой этот маскарад был первым. У других тоже были свои причины. Простое совпадение. Раньше Гергос не следил за Малым Двором и потому не знал доподлинно, какова вероятность встретить здесь главу тайной канцелярии, но чутье подсказывало, что без внимания этот факт оставлять все же не стоит.

Но что не так? Танцоры плавно, с почти неестественной синхронностью перемещались по паркету, десятки людей в красивых дорогих одеждах смеялись, пили, беседовали на самые разные темы. Кронпринцесса, после смерти первого мужа словно постаревшая на десять лет, улыбалась и кивала очередному просителю. Ничего из ряда вон выходящего. Но Гергос привык доверять инстинктам, и сейчас они требовали уйти — как можно скорее, немедленно.

Он сделал еще один круг по залу, отмечая тех, кто стоял ближе к дверям и окнам. Ровно ничего подозрительного. Тари наконец ушла танцевать, вокруг Мариники — предсказуемо — переругивалась литературная братия. Гергос подошел ближе, и, когда музыка стихла, Тари поспешила к нему.

— Дану, вы умеете танцевать халаси?

Вопрос был настолько нелепым и неожиданным, что совершенно выбил Гергоса из колеи. При чем тут вообще халаси? Потом он заметил хитрый огонек в глазах Тари и едва не рассмеялся. Над самим собой, по большей части. До чего может довести паранойя! Даже невинный вопрос о танцах посреди бала может поставить в тупик.

— У меня есть некоторый опыт.

— Вы пригласите меня?

Нет, чутье все-таки не подвело, это явно был вопрос с подвохом.

— Тари, что вы знаете о халаси?

— Что это очень непристойный танец и что приемный отец никогда не станет танцевать его с дочерью.

Так вот в чем дело. Гергос сдержанно улыбнулся:

— Вы жаждете рассказать о нас всему свету?

— Для начала — Малому Двору. Ко мне только что подходил дану Морэв, он все еще питает надежды. Это несправедливо.

— Вы правы. Я приглашу вас, когда настанет время халаси.

Время настало довольно скоро. Закончив очередной париль, музыканты взяли за неторопливое — на три четверти — вступление халаси.

— Одну руку мне на плечо, второй придержите юбку, чтобы не споткнуться, — велел Гергос. — Не вертитесь, я все объясню. Халаси состоит из четырех основных фигур, вы быстро поймете. И раз...

Они влились в общий строй. Тари сначала позволяла полностью вести себя, потом ухватила суть и удовлетворенно улыбнулась.

— Дану Морэв был прав, — шепнула она, когда очередной виток танца заставил их

встать почти вплотную друг к другу, — сущее непотребство. Как думаете, он смотрит?

— Если вы, танцуя со мной, начнете выглядывать других мужчин, то я запру вас дома до самой весны, а потом снова увезу в лес.

— Звучит заманчиво.

— Морэв смотрит. Справа. Рядом с розовым диваном.

— Ох! Вид у него недовольный.

— Еще бы. Вы счастливы, маленькая сердцеедка?

— О, дану, мне нет до него дела!

Это было даже странно, но вечер прошел весело и без происшествий. Никто не подрался, не устроил дуэли или просто скандала, хотя выпито было немало и люди собрались очень разные. Гергосу было почти стыдно за то, что он так и не сумел справиться со своими подозрениями и, скорее всего, был не самым приятным компаньоном. Впрочем, когда в первых утренних лучах Тари забиралась в паланкин, чтобы отправиться домой, на лице ее играла счастливая улыбка.

На следующий день ее навестил Морэв. Гергос не присутствовал при этом визите, но отметил, что отверженный поклонник пробыл в гостиной меньше пяти минут. Когда за ним закрылась дверь — возможно, с чуть более громким стуком, чем следовало, — Гергос не удержался и пошел к Тари. Она сидела, задумчиво глядя в окно и покусывала ноготь. На вопросительный взгляд Гергоса она ответила тяжелым вздохом.

— Он больше не вернется?

— Увы, дану, — снова вздохнула Тари, — мне кажется, как раз наоборот.

ГЛАВА 23. БИТОЕ СТЕКЛО

На этот раз Гергос подарил ей роскошный письменный прибор. Накануне Тари жаловалась, что ей, как школьнице, приходится воровать листы из кабинета строгого родителя — и вот. Могла бы догадаться, что так и будет. Тари провела рукой по мягким перьям, откинула крышку чернильницы, вдохнула сухой и терпкий запах. Бумага под держателем была толстой, плотной, наверное, не меньше пенни за лист. На такой разве что императорские указы издавать. Очередная экстравагантная выходка.

Но так приятно! Тари взяла перо, проверила кончик и села писать:

«Дорогой...»

Она замерла. Дорогой дану? Она привыкла называть Гергоса так, это было их традицией, но почему-то на письме «дану» выглядело слишком холодным.

Дорогой Онсо? Но Тари никогда так его не называла. Даже странно немного, друзья и родственники называли Гергоса Онсо, а она по-прежнему не решалась.

Но как тогда?

Тари прикусила опухло пера, наблюдая, как медленно высыхают чернила, впитываясь в белый лист. Потом отбросила его и взяла новый.

«Мой дану...»

Вот так лучше, правильнее. Не просто дану, а ее. Ее собственный анкьерский аристократ. Неплохо, а?

{«Мой дану, ваш подарок в очередной раз поразил меня и порадовал. Как видите, я не удержалась и тут же взялась писать вам письмо, хотя могла бы выйти из спальни, пройти пять шагов по коридору и сказать вам об этом лично.

Но чернила так гладко ложатся!

А вы так рано просыпаетесь! Я слышала, как вы уходили этим утром, но не нашла в себе

сил проснуться. Ведь еще даже не рассвело! Мы засыпаем вместе, но вы всегда встаете первым... Когда вы уходите, я перебираюсь на вашу половину кровати и сплю там. Но вы, должно быть, знаете об этом, ведь подарки в комнату приносят уже после вашего ухода. Кстати, кто это делает? Кармита или Эвретто? Или вы сами? Тогда почему вы не будите меня?

Когда мои родители еще были живы, мы дважды в год — на летнее и зимнее солнцестояние — дарили подарки всем слугам и домочадцам. Мы с Иваро брали по одному из большой кучи и дарили их, а мама с папой пожимали руки и благодарили наших людей за добрую службу. Я помню, как загорались глаза у горничных и лакеев! Им было так приятно и интересно, что же хозяйева приготовили для них на этот раз! А мне нравилось это замечать.

А вам, дану, неужели ничуть не любопытно? Честно, если бы я хотела что-нибудь вам подарить, то сделала бы это сама, лично, и пристально бы наблюдала... Почему я никогда ничего вам не дарила? Это несправедливо. Но, с другой стороны, все, что у меня есть, все деньги — ваши. А у меня нет ничего своего, что я могла бы отдать.

О, не думайте, я не грущу. Мне никогда не нужно было столько денег и одежды, сколько у меня есть сейчас. Но мне бы хотелось придумать для вас подарок. Не вещь, которую вы и так могли бы купить в любой лавке, а что-то, что вам могла бы подарить только я. Я обязательно что-нибудь придумаю!...»}

Лист закончился. Тари взялась за следующий и вдруг замерла. Ну что за глупости она пишет? И, главное, для кого? Это уже мало походило на письмо, а все больше — на дневник. Кажется, Иваро в детстве вел дневник, записывая в него книги, которые прочитал, и имена знаменитых людей, о которых узнал. Но Тари никогда дневников не вела, у нее просто никогда не было в жизни ничего, о чем бы хотелось написать. А теперь, выходит, появилось?

Нет, о таких вещах она не могла никому рассказать, даже госпоже Маринике. А говорить с дану о самом дану? Тари усмехнулась. Гергос бы наверняка с удовольствием послушал. Но все же это было слишком личное, о чем, наверное, даже ему не стоило знать.

Она взяла новый листок и продолжила:

{«Я очень боюсь, что все закончится. Не знаю, что должно случиться, но меня постоянно грызет страх. Все слишком хорошо. Идеально. Мы можем проводить вместе дни и ночи, смеяться, шутить, я могу целовать вас и слушать истории о ваших путешествиях, а потом рассказывать, как доктор Нахри учил меня зашивать раны — помните, прямо на живой свинье?»}

Я еще никогда в жизни так много не говорила. Но вам хочется рассказать все!.. И в то же время я пишу это письмо, вместо того чтобы пройти несколько шагов по коридору и... Вы скажете, что это все глупости и бояться нечего. Да я и сама знаю. Но вдруг? В некоторые дни мне бывает сложно вдохнуть — так страшно!

Вдруг с вами что-нибудь случится? Или я сделаю что-то ужасное, ведь вы знаете мой несносный характер! Несколько дней назад я обнаружила на своем белье кровь. Это значит, что, возможно, скоро вернутся регулы, и я смогу родить ребенка... Я каждый раз вспоминаю слова госпожи Дайаны. И понимаю, что то, что мы делаем, ужасно, неправильно. Я не имею права на это счастье, ведь могут пострадать другие — например Энту, ваш наследник. Именно ему должен принадлежать Льен. А я воровка. И, мне кажется, я украла у вас куда больше, чем просто коробочку для пастилок.

Если бы можно было просто быть рядом и ни о чем думать, ничего не бояться!...»}

До конца страницы оставалось совсем чуть-чуть, но Тари не стала дописывать. Перо в

руке дрожало, и дышать было даже труднее, чем обычно в такие моменты. И хорошо, что она не пошла к дану! Зачем ему все эти глупости? Тари аккуратно выдернула лист из-под держателя и скомкала его. Потом поставила прибор туда, откуда взяла, вытерла глаза и решительно шагнула за дверь — ведь достаточно было пройти несколько шагов по коридору!

***

Стулья в гостиной были составлены рядами, столы и диваны отодвинуты к стене, а впереди, рядом с роялем, стояла низенькая банкетка. Именно на ней предстояло воссесть юному дарованию. Дарование в данный момент бледнело и исходило холодным потом в дальнем углу комнаты, где его пыталась успокоить Мариника: что-то горячо шептала, обмахивала веером и пожимала руку.

Гергос скучал. А сидящая рядом Тари вертелась из стороны в сторону, во все глаза рассматривая цвет анкьерского общества. Не все из присутствующих могли бы получить приглашение на бал Малого Двора, но были здесь и те, кто, даже получив его, предпочел бы гордо отказаться. Во все времена во всех странах были люди, чья величайшая — а то и единственная — заслуга заключалась в том, что они чихать хотели на верховную власть. И даже то, что власть, в принципе, отвечала им взаимностью, не охлаждало их пыла. Они судили, они критиковали и чуть ли не ежедневно выдавали уничижительные памфлеты и эпиграммы на самых видных государственных деятелей. Да и просто деятелей. Гергос за последний год получил четыре таких в свой адрес.

Некоторые борцы за справедливость не стеснялись подписывать памфлеты своими настоящими именами, но большинство пряталось за псевдонимами. Нелепая, если подумать, вещь, ведь каждый более или менее образованный человек знал, кто именно скрывается за тем или иным прозвищем.

Блуждающий взгляд Гергоса выхватил очередное знакомое лицо. Морэв. Тари не ошиблась, несчастный влюбленный продолжал преследовать ее, то ли не замечая, то ли принципиально игнорируя намеки. Когда-то Гергоса привлекла его подчеркнутая порядочность, умение не замечать сплетен... да и просто доброжелательность по отношению к Тари. Теперь это лишь раздражало, казалось наивным и глупым.

Заметив, что привлек внимание Гергоса, Морэв высокомерно задрал нос и отвернулся. Вот как. Теперь его, по всей видимости, презирают. Почему-то это только развеселило Гергоса, и он чуть ли не демонстративно взял Тари за руку. Та обернулась, улыбнулась с теплотой — и снова принялась разглядывать пестрое собрание. Посмотреть действительно было на что. В этой компании рождались не только пасквили и романтические баллады, но и новые модные течения, политические союзы и скандалы.

Творчество молодого дарования интересовало публику в последнюю очередь. Но, несмотря на отчаянное сопротивление, Маринике наконец удалось усадить всех причастных и добиться более или менее приемлемой тишины. Дарование еще больше побледнело, пошло красными пятнами — и принялось читать стихи под легкий аккомпанемент рояля. Голос дрожал и сбивался. Это была любовная лирика, посвященная воображаемой даме сердца, прекрасной во всех отношениях кроме одного — ее не существовало.

— Ты кажешься грустной, — шепнул Гергос.

Когда начались чтения, и Тари уверилась, что на нее никто не смотрит, ее лицо преобразилось. Пропала улыбка, в глазах появилась тревога.

— Все в порядке, — она снова заулыбалась.

— О чем ты мне не говоришь?

Тари вздохнула и придвинулась ближе.

— Морэв поймал меня вскоре после того, как мы пришли. Вы тогда отошли, чтобы поприветствовать того господина в фиолетовой чалме, а Морэв взял меня под руку и отвел к окну — я не смогла улизнуть.

— Он что-то сказал?

Она дернула плечом и помолчала — дарование на банкетке сделало очередную паузу, пришлось ждать.

— Он сказал, что я сильно его разочаровала, — продолжила Тари, когда по гостинной снова потек сбивчивый поток лирики. — Что я ступила на неправильный путь, который не приведет ни к чему хорошему. Что мне стоит одуматься и свернуть с него, пока вы не утянули меня в пучины разврата и саморазрушения.

— Ты послала его к Тавоху?

— Я поблагодарила его за заботу.

— Напрасно, надо было послать.

— И намекнула, что уже слишком поздно и что вы уже утянули меня в эти самые пучины. Не стоило этого говорить? — тут же всполошилась она.

Гергос помедлил.

— Возможно. Но какая теперь разница? Каждой истории про принцессу и галантного рыцаря нужно чудовище, чью голову и насадят на пику. Я лучше всего подхожу на эту роль, и ваши слова, скорее всего, мало на что повлияли.

— Но что Морэв может сделать?

— Теперь вам может отказать в приеме дани Форкен. А его сиятельство наверняка не захочет жениться.

Тари фыркнула и несколько человек глянули на нее с осуждением. Лицемеры! Сами же практически засыпают с открытыми глазами! Гергос снова сжал ее руку, успокаивая. Бояться Морэва — последнее дело. Если бы не недавно проснувшаяся паранойя, Гергос и внимания бы не обратил. Да и Тари не следовало дергаться.

Остаток вечера прошел в приятной, чуть ленивой атмосфере. Конец любовной поэмы публика сопровождала доброжелательными аплодисментами, а дарование, чуть покачиваясь на нетвердых ногах, ушло в столовую — лечить стресс. Потом снова были разговоры, легкий ужин и несколько партий за карточным столом. Гергос проиграл почти триста марок и снова был полностью доволен жизнью.

А затем за его спиной разбился бокал. В гостинной было довольно шумно, но звук бьющегося стекла все равно неприятно резанул по ушам. Гергос обернулся и увидел Тари — она застыла, глядя на расплывающееся по светлому платью бордовое пятно. Не кровь. Вино. Напротив Тари, откинув назад голову и презрительно кривя губы, стоял Морэв. У его ног поблескивали осколки бокала.

Гергос встал. Почему-то казалось, что все смотрят на него — не на Морэва и даже не на Тари в мокром платье. Гостиная словно затаила дыхание. Их связь не была страшным секретом, кто-то знал, большинство догадывалось, и Гергос мог на пальцах одной руки пересчитать тех, кто не понимал, что происходит. Все смотрели на него, ждали реакции.

Даже Мариника застыла на месте, не торопясь вмешаться. Наедине она могла говорить все, что думает. Она могла даже жить так, как ей хочется, не обращая внимания на шепотки за спиной. Ее битвы давно остались в прошлом, как бы это ни произошло, но она отвоевала свое право плевать на условности и приличия. Тари — нет. И если Мариника вступится

сейчас, кто знает, не припомнят ли ей былые прегрешения?

Все это пронеслось в голове Гергоса буквально за мгновение. Несмотря на выпитое, он вообще соображал невероятно быстро и четко. Видел насквозь. Замечал даже самые незначительные детали. И понял еще до того, как сделал первый шаг к Морэву, что произойдет дальше. Успел перехватить руку — по какому праву?! — и встал рядом с Тари, но чуть впереди. Один из осколков хрустнул под каблуком.

Теперь тишина была оглушающей. Мир замер. Только взгляд Морэва, пьяный, чуть расфокусированный, быстро скользнул из стороны в сторону. Запястье в руке Гергоса напряглось, пытаясь вырваться. Он удерживал его еще одно мгновение, просто чтобы показать, что может, и отпустил.

— Вам лучше уйти, Морэв.

Он действительно мог бы уйти. Не обострять. Пока это еще не скандал, сплетницы пошумят недельку и забудут. Но если Морэв откроет рот... Он открыл.

— А вам не следовало приходить, Гергос. И вообще не следовало приезжать в Анкьер. Из какой дыры вы вылезли?

Все-таки чудовище. Нет, так даже лучше. Пусть считают Тари невинной девой, попавшей в лапы старому развратнику и просто отвратительному типу. Эта роль была привычной и знакомой. Если у нее теперь хватит сообразительности так и остаться жертвой, то все еще обойдется. Гергос спиной почувствовал, как напряглась рядом Тари, готовясь что-то сказать. Он чуть сдвинулся, еще больше ее загораживая, незаметным движением руки приказал молчать — почему-то казалось, что никто, кроме Тари, этого не заметит. А если и заметит, не страшно. Пусть видят, что он полностью ее контролирует.

— Могу рассказать о той дыре при нашей следующей встрече.

Ему все-таки удалось заговорить первым. Тари коротко вздохнула, но так ничего и не сказала.

— С удовольствием послушаю!

Речь Морэва звучала немного невнятно. Возможно, он был пьянее, чем показалось на первый взгляд. И тогда это еще больший абсурд — бросать вызов человеку, который себя не контролирует. Но люди вокруг слушали, они впитывали слова, как губка. И теперь ничего уже не исправить. Не вернуть.

Мариника наконец шагнула вперед, попыталась вмешаться, но Фераль оказался ближе. Он придвинулся к Морэву и что-то зашептал тому на ухо. Гергос ждал, надеясь на чудо. Нет, самого Морэва он не боялся, но как насчет всего остального — общества, Дайаны, императорской семьи, которой совсем не нужны скандалы у самого основания трона? Это как войти с горящей лучиной в пороховой погреб. Может, и удастся выйти живым, но лучше все-таки не рисковать.

«Я должен был послать его к Тавоху», — мелькнула запоздалая мысль.

Может, и он, Гергос, тоже был слишком пьян и просто не понял этого вовремя? И эта кристальная чистота сознания — всего лишь иллюзия? Снова звон и хруст стекла — Мариника уводит Тари в сторону, словно щитом, закрывает ее своим телом от колючих взглядов. Странно, почему никто не попытался отговорить его самого? Фераль по-прежнему что-то разъяснял, Морэв слушал, не перебивая. Но взгляд его оставался неподвижным. И в нем медленно разгоралась упрямая злость. Слова Феряля делали лишь хуже.

— Я буду ждать приглашения, — сказал он, прервав любовника Мариники на полуслове.

Гергос просто поклонился.

Толпа расступилась, пропуская Морэва к дверям. Фераль остался стоять на прежнем месте, потом поглядел на Гергоса с легким осуждением, словно говоря: а ведь раньше я считал тебя разумным человеком, — но вслух так ничего и не сказал. Шепот родился где-то в дальних рядах и медленно пополз вперед. Дамы прикрывали лица веерами, склоняли друг к другу головы, мужчины бросали насмешливо-сочувственные взгляды, но в воздухе ощущалось затаенное торжество.

Не нужно быть гением, чтобы понимать, что нынешний глава дома Гергосов не вызывает всеобщего восторга. Многие знали и любили его старшего брата, почти все — боялись его отца. А еще были сочувствующие Дайане и Энту. И просто те, кто считал его выскочкой — несмотря на то, что он был сыном Великого Гергоса. Он сбежал, он пропал где-то двадцать лет, а значит, лишился всех прав на наследство. Теперь он был чужим, но наблюдать за ним было интересно. И они наблюдали. И переговаривались. Все громче, ближе.

Хлопнула дверь — Мариника увела Тари из гостиной, и Гергос направился следом. Надо было хотя бы извиниться перед хозяйкой дома за испорченный вечер. А впрочем, разве прятный скандалчик не стал его лучшим украшением? Ссора двух высокородных дану заинтересовала публику куда больше, чем любовные излияния поэта.

Увидев Гергоса, Тари рванулась навстречу:

— Не делайте этого!

Он мягко улыбнулся и коснулся пальцами еще влажного пятна на ее платье.

— Вам стоит как можно скорее показать платье Кармите, я думаю, шелк еще можно спасти.

— Дану!

Таких испуганных глаз у нее не было, даже когда он притащил ее к Коварэну. Гергос взял руку Тари и поцеловал, пытаясь успокоить, передать частичку своей уверенности. Но это не помогло. Холодные пальцы обвилились вокруг его собственных, сжали непривычно сильно, до боли в суставах.

— Не надо.

Гергос перестал улыбаться, посмотрел серьезнее.

— Тари, сделав тебя своей любовницей, я нарушил законы этого мира. И если я сейчас отступлю, станет только хуже.

— Пусть! Плевать на всех, мы уедем!

Мариника замерла, кажется, даже не дыша, но Гергос видел краем глаза, как беспокойно мечется ее взгляд, а руки теребят складки длинного платья.

— Я не могу уехать.

Он произнес это намеренно низко, медленно, весомо, пытаясь донести скрытую за этими простыми словами истину. А в ответ его окатило волной ледяного холода. Тари чуть отступила. Забрала руку. Оглянулась на Маринику — беспомощно, словно прося поддержки. Но та лишь опустила глаза.

— Из-за Льена? — очень тихо спросила Тари.

— На мне лежит ответственность за судьбы многих. Не только в Льене.

Она кивнула, не то соглашаясь, не то просто уходя от разговора. По крайней мере, следующими словами Тари было:

— Я должна как можно скорее показать платье Кармите.

Она быстро ушла, оставив их с Мариникой одних. Гергос перевел тяжелый взгляд на свою бывшую невесту:

— Ты хочешь мне что-то сказать?

— Нет, Онсо.

— Хорошо.

Он почти развернулся и ушел — обратно в гостиную, шумевшую за тонкими дверьми десятками возбужденных голосов. Потом обернулся:

— Как думаешь, эль Фераль согласится помочь мне?

— Я поговорю с ним.

— Спасибо.

Гергос вернулся за карточный стол и проиграл еще шестьсот марок. Но этой дани оказалось недостаточно. Людям не нужны были его деньги, им нужна была кровь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net